В. Лебедев
. Стельмашук

Белорусский феномен

С.В. Лебедев, Г.В. Стельмашук

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН

Санкт-Петербург
2006

ББК - 60.56 + 66.0

УДК - 316.74 : 32-027.21

С.В. Лебедев, Г.В. Стельмашук. Белорусский феномен. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2006. – 147 с.

Рецензенты: *Н.Д. Козлов*, доктор исторических наук, профессор (зав. кафедрой истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина);

Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор (зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы).

Печатается в авторской редакции

ISBN 5-8290-0538-7

Слово к читателю

Выход в свет этой небольшой книги, написанной двумя петербургскими учеными, докторами философии, заведующими кафедрами, активными деятелями общественной ·организации Русско-Белорусское Братство, великороссом и белорусом, думается, станет определенным событием в научной и общественной жизни Российской Федерации и Белоруссии. И дело здесь ни в том, что авторы изложили какие-то «жареные» факты или преподнесли очередную сенсацию. Напротив, перед Вами – добротная научная монография, лишенная всяких столь модных в наше время претензий на «новый подход», или «новое прочтение». Авторы не допустили никаких непроверенных сведений или доводов, не подкрепленных фактами.

Но эта книга не является и учебником по истории Белоруссии, несмотря на исторический характер изложения. Главное достоинство книги – именно в ее научной безыскусности. А ведь это именно то, что так недостает современным историческим, политологическим, социологическим или культурологическим изданиям.

Давно замечено, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Объясняется это тем, что история в нашей стране – служанка политики. Господствующие идеологические силы склонны переписывать историю в соответствии со своими текущими политическими потребностями. Причем все это было характерно практически всему нашему прошлому. Московские летописцы писали историю исключительно со своей московской колокольни (как, впрочем, и тверские, и новгородские, и литовские). Поскольку в многовековом соперничестве за верховенство над Русью победила Москва, то и московская точка зрения стала восприниматься как единственно верная. В советские времена также все сложнейшие исторические процессы пытались истолковывать в соответствии с упрощенно понятым марксизмом, то и история была всего лишь политикой, обращенной в прошлое, как выражался печально знаменитый историк Покровский. Однако никогда не было такой тенденциозности и прямой фальсификации, как в постсоветское время.

Стремясь как можно больше оплевать советское прошлое, (поскольку сверхдержавная мощь СССР слишком резко контрастирует с нынешним полуколониальным статусом РФ, что, понятно, не нравится нашей властвующей «элите» и ее западным суфлерам), почти все наши СМИ заняты внушением комплекса неполноценности гражданам России. Решительно все в русской истории, оказывается, было плохо и не-

правильно. И русского народа вообще никакого нет, поскольку он не этнически чист (хотя есть ли в природе этнические чистые нации?). Появляются такие нелепые словосочетания, как «этнические россияне». История России и ее народа, это, как выясняется, сплошные преступления. В общем, как иронически выражался классик, вся наша история сводиться к тому, что градоначальники секут, а обыватели трепещут. Вообще-то Салтыков–Щедрин говорил об этом иронично, но современные «историки» лишены чувства юмора.

В новоявленных «государствах», провозглашенных на территории прежнего Советского Союза, происходит изобретение «национальной истории», и даже языка. Единственное, чем занимаются, например, украинские «политики», помимо воровства, это – создание все новых и новых «чисто украинских» слов. «Куют» эти слова по нехитрому принципу – лишь бы звучало не так, как по-русски. С невероятным упорством, русский язык, который является родным для трети граждан республики, которым в быту пользуются свыше 2/3 населения и которым владеет 100% всех украинцев, пытаются заменить на суррогатную «украинскую мову». При этом саму «мову» без конца чистят, убирая все слова, похожие на русские. Периодически украинцев извещают, как теперь должны звучать «чисто по-украински» те или иные слова. Теперь уже микробы превращены в «дробянки», термометр стал «тепломиром». Не менее восхищают новые украинские медицинские термины. Так, зуд теперь именуется «сверблячкой», рвота – «блювання», гинеколог – то ли «жиночознавец», то ли «бабыч» (кажется, сами украинские медики еще не договорились). Кстати, не надо думать, что самостийники заменяют интернациональную лексику на славянскую. Вертолет, который был еще не давно «вертолитом», переименован в «гелиокоптер», карта на англосаксонский манер именуется «мапой». Между тем неугомонные самостийники пытаются ввести такие технические термины, как позаимствованное из языка украинской диаспоры в Канаде, слово «випердовая труба» для обозначения выхлопной трубы. Ни один русский великодержавный шовинист не смог придумать такой пародии.

Одновременно украинизаторы продолжают сочинять историю. В 90-х гг. на деньги Сороса на Украине было издано 90 учебных пособий. Из соросовских учебников истории дети узнают о четырех «русско-украинских войнах!». Впрочем, из украинских учебников и популярных книг по истории можно узнать много любопытного. Оказывается, что «в Украину» приезжали еще древние греки, на которых большое впечатление производила «украинская культура», мазепинец Пилип Орлик создал «первую в мире» конституцию, голод 1932–33 гг. был

специально организован Москвой, чтобы «подавить волю украинцев к независимости», повстанческая армия Степана Бандеры в 1943–44 гг. «освободила от немцев большинство городов Украины» (правда, названий ни одного из этих городов не сообщается), и даже Крым был присоединен к Украинской ССР исключительно для того, чтобы возложить на несчастных украинцев ответственность за выселение крымских татар. Причина такого историко-филологического «уклона» украинских самостийников понятна только благодаря некоторым незначительным отличиям в языке украинцы несколько отличаются от великороссов.

Но Белоруссия счастливо избежала такого маразма. Причина этого станет ясна после прочтения этой книги.

Авторы в спокойной манере излагают исторические факты, делая при этом логически и полностью обоснованные, но во многом неожиданные для среднего знатока отечественной истории, выводы. Например, история Белой Руси рассматривается как составная часть истории всей России, включая и те времена, когда Белая и Великая Русь были разделены государственными границами. И авторы делают такой простой вывод, который неосознанно разделяют подавляющее большинство русских людей, о том, что русские, белорусы и украинцы – одна нация!

Весьма корректно затронут в книге «еврейский вопрос». Приятно, что авторы удержались от столь распространенных в прошлом и еще больше в настоящем, попыток придать этому вопросу глобальное измерение. Как антисемиты, так и сионисты, с одинаковым усердием решительно все хорошее и плохое в мире, сводят к еврейской проблеме. Но авторы, проявив высокую научную объективность, ограничились лишь указанием на реальную историческую роль еврейского населения Белоруссии.

Зато несколько удивит читателя тщательное освещение перипетий «домашнего старого спора славян между собой», то есть русско-польских отношений, сводившемуся в значительной мере, к владению Белоруссией. И это не случайно. Столь подробное напоминание о польской проблеме необходимо только потому, что в русском самосознании до сих пор существует комплекс вины за усмирение польских восстаний. Еще дореволюционные либералы умилялись демагогическим лозунгом «За вашу и нашу свободу». В советскую эпоху, учитывая, что Польша была социалистической страной, официальная наука практически умалчивала о самих польских мятежах. Но стесняться нам, русским, нечего. Все польские восстания были *национально-захватническими*. Их подавление было для России необходимой самообороной.

И, наконец, сухо, без употребления превосходных степеней и эмоций, авторы перечисляют факты развития белорусской экономики и общества в годы правления Александра Григорьевича Лукашенко. Из приведенных цифр и фатов становится понятным, почему Белоруссия действительно является, как образно выразились авторы, «оазисом процветания на постсоветских руинах», а также почему именно белорусский президент является мишенью самых диких нападок западной прессы. Действительно, само существование белорусской модели становится костью в глотке хозяев мира.

Конечно, в книге можно найти ряд стилистических шероховатостей, акцентирование внимания на отдельных сторонах белорусской истории и беглого упоминания о других. Но не будем слишком строгими. Думается, именно взвешенность в оценках и суждениях является самой сильной стороной книги.

Авторы данной книги – не новички ни в науке, ни в общественной деятельности. Доктор философии Сергей Викторович Лебедев (1962 года рождения), коренной петербуржец, активный участник русского патриотического движения с начала 90-х гг. XX века, известен как автор книг «Альтернатива справа», «Охранители истинно-русских начал», ряда статей в научных журналах, а также на интернет-сайте «Русская линия». В настоящее время он является заведующим кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин в Высшей Школе Народных Искусств (ВШНИ).

Доктор философии Григорий Васильевич Стельмашук, белорус, родился в 1941 году в Брестской области, автор множества трудов по философии, социологии и политологии. С 1993 года он возглавляет кафедру философии и социологии Ленинградского Государственного университета имени А. С. Пушкина в Царском Селе. Автор многих книг, редактор ряда учебных пособий. Играет видную роль в белорусском землячестве Северо-Запада России, проводя твердый курс на воссоединение Великой и Белой Руси.

Надеюсь, что творчество этих петербургских ученых получит заслуженную оценку читателя.

Воронцов А.В.,

Первый вице-президент Петровской Академии наук и искусств, Председатель межрегиональной общественной организации Российско-Белорусского Братства, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

А хто там ідзе?
Беларусы.

Я. Купала

Введение

На северо-востоке Европы, или на западе исторической России, расположена Белоруссия – мирная, тихая, процветающая республика. Единственная из всех «постсоветских государств», не испытавшая войн, терроризма, государственных переворотов, этнической дискриминации части собственных граждан, Белоруссия выглядит каким-то странным феноменом среди всех прежних советских республик. Добавим к этому также и то обстоятельство, что Белоруссия имеет единственную работающую экономику на всем пресловутом «постсоветском пространстве». И вот что знаменательно – в отличие от тех «государств» прежнего СССР, что живут только за счет выкачивания сырья, использования портов и проедания советского наследства, Белоруссия продолжает развивать высокие технологии.

Но подлинным феноменом Белоруссии может быть то обстоятельство, что народ республики со всем присущем белорусам упорством стремится к воссоединению с Российской Федерацией. (Не будем называть РФ Россией, ведь она только часть, пусть и самая большая, исторической России, включавшей в себя Великую, Малую и Белую Русь). В Москве, Петербурге, да еще в ряде других мест Российской Федерации среди не только «бизнесменов», политиков и либеральной интеллигенции, но и «широких масс» популярность получили идеи пресловутого «европейского выбора», вхождения в некую «семью цивилизованных стран». В результате проявляется полнейшее пренебрежение не только к отпавшим российским территориям, но нет и желания сохранять территориальную целостность «Эрефии». На Украине (не будем употреблять сочиненный самостийниками новояз, и говорить «в Украине») русофобия владеет умами многих украинцев. Особенно славится этим западная Украина (при том, что местные жители, тысячу лет называвшие себя русинами, были только в 1904 году переименованы австро-венгерскими властями в «украинцев»).

Белоруссия, однако, счастливо отличается отсутствием воинствующего местечково-хуторского русофобского самостийничества. Белорусы во многом больше русские, чем великороссы. Можно сказать,

что суть «белорусскости» – это общерусский патриотизм. Беларусь на сегодня – это освобожденная территория исторической России.

Как же стал возможен такой феномен в наше время предательства, трусости и воровства? Почему же Белоруссия идет не в ногу с прежними братским народами бывшего СССР и всего социалистического лагеря? Почему белорусы не подчиняются дяде Сэму, не хотят служить мировой элите ни в качестве рабсилы, ни пушечного мяса? Для того, чтобы выяснить, как стал возможен белорусский феномен, необходимо заглянуть в прошлое. В конце концов, как говорили древние римляне, история есть учитель жизни.

Данная книга вовсе не является академическим томом по истории Белоруссии. Автор ставил перед собой скоромную цель – дать серию кратких очерков, посвященных белорусскому историческому пути и самосознанию, благодаря которым и сложился феномен Белоруссии. Насколько это удалось, предоставляем судить читателю.

Часть I. Исконная Русь

Однако, перед тем, как приступить к изложению исторического пути Белой Руси, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Мы живем во время торжества «пиара» и рекламы. С помощью СМИ создаются не только репутации политиков или деятелей искусства, но изобретается история и даже создаются «нации». Кто еще 20 лет тому назад мог догадаться, что в Европе возникнет «нация» боснийских мусульман? (И ведь даже названия еще для них не придумали, и поэтому боснийцы называют себя просто «муслиманами», то есть мусульманами). Впрочем, в наше время с помощью новых технических средств продолжается старая, начатая еще свыше 150 лет тому назад политика раскола слишком крупных и уже этим опасных для мировой властвующей элиты народов и государств. И нельзя не признать, что создатели новоявленных «наций» хорошо преуспели – искусственно созданный украинский национализм, равно как и хорватский, мусульманский и ряд других привел к появлению заведомо нежизнеспособных (и, следовательно, полностью зависимых от Запада) буферных «государств».

Разделить Россию и русский народ, а затем и поработить его, пытались всегда. И не надо думать, что подобное бывало только во время войн и потрясений. Пользуясь определенными отличиями в языке, быте, и отчасти, в религии, между великороссами и белорусами, наши геополитические противники пытались расколоть русскую нацию, выделив из них белорусов. И все же, хотя белорусы отличаются твердым белорусским самосознанием, все же они никогда не переставали чувствовать себя русскими. И это можно понять – никакой другой части русских не пришлось вынести такую тяжелую борьбу за свою русскость. Поэтому и в данной книге слова «белорус» и «русский» будут употребляться в качестве синонимов с тем лишь единственным различием, что под белорусами подразумеваются жители Белоруссии.

История народа Белой Руси – история народа-мученика. Все вражеские вторжения с запада в Россию во все века – от польского короля Болеслава в 1017 году до Гитлера в 1941 году – шли через белорусские земли. Страдал народ этой земли от внутренних междоусобиц. Например, первое упоминание города Минска в летописях связано с сожжением его русскими же князьями в 1067 году после битвы на реке Немиге. В дальнейшем на этих же землях происходили битвы бесконеч-

ных московско-литовских войн. На землях же Белоруссии развертывались основные события в "домашнем старом споре" между Россией и Польшей. И, наконец, Чернобыльская катастрофа больше всего ударила именно по Белоруссии.

А ведь земли Белоруссии – леса и болота со скудной почвой и без каких-либо полезных ископаемых. Как говорят сами белорусы с присущим им своеобразным юмором, единственное полезное ископаемое белорусских недр – это картошка. Местным жителям хлеб свой надо было добывать воистину в поте лица своего, причем каждое поколение переживало войны и разорения, обращавшие в прах и пепел тот небольшой достаток, который удалось достичь напряженным трудом. Все это не могло не отразиться на характере белорусов, сделав их людьми упорными, трудолюбивыми, рассудительными, не склонными увлекаться красивыми лозунгами, храбрыми, но не безрассудными, добродушными и отходчивыми, способными уживаться со всеми, скромными, стесняющимися подчеркивать собственное "я".

Давно подмечено, что если кампанию, состоящую из великоросса, украинца и белоруса, пригласить за роскошно обставленный стол, то украинец предпочтет сесть так, чтобы оказаться в центре внимания, великоросс сядет туда, где наибольшее количество напитков и закуски, а вот белорус предпочтет усесться так, чтобы сидеть скромно в сто-роне.

Наконец, белорусов справедливо считают людьми, сочетающими в себе здоровый житейский консерватизм с тягой к знаниям и просвещению, что вполне естественно для народа, покончившего с неграмотностью в западной части своей республики лишь в 50-х годах XX-го века...

История Белой Руси начинается вместе с историей всей Руси. Прародиной восточных славян явились земли среднего Поднепровья, в узкой полосе лесостепи. Не случайно эти земли стали называться Малой Русью. Это действительно была малой родиной всей Руси.

Но соседство со степью делало жизнь многих поколений наших предков нелегким испытанием. Постоянные набеги степняков, битвы, разорения, угоны людей в рабство, не могли не отразиться на развитии восточно-славянских земель. И славяне еще за много веков до рождения Киевской Руси продвигались вглубь лесов и болот восточно-европейской равнины, достигая уже вскоре зону тайги. Почти вся земля и современной Белоруссии была заселена славянами к IX веку. Только на северо-востоке современной территории республики Беларусь и южной части нынешней Литовской республики еще несколько веков сохраня-

лась этническая чересполосица славян и балтов. Этот край некогда назывался Черной Русью, в дальнейшем – Литвой, а ныне Нальшаны. Малочисленные угро-финские и балтские племена лесных охотников и рыболовов растворились в массе более многочисленных и развитых славян.

В расово-антропологическом плане белорусы считаются самыми «чистыми» среди славянских народов. В самом деле, северные великороссы имеют определенную примесь финской крови, южные великороссы и украинцы – тюркской, а вот белорусы, поглотив родственных славянам балтов и совсем немногочисленных аборигенов края – финнов, практически сохранили свой генофонд. Бедность белорусских земель и сопротивление иноземцам не способствовали каким–либо массовым переселениям в Белоруссию иностранных колонистов. Правда, семь веков на земле Белой Руси проживали евреи. Но в силу религиозной замкнутости еврейства практически не произошло смешения евреев с местными жителями. Наконец, в результате массовой эмиграции, а также после гитлеровского геноцида, и с учетом очень низкого естественного прироста, численность еврейского населения Белоруссии резко сократилась. В наши дни она продолжает сокращаться. В результате Белоруссия может считаться самой этнически однородной страной Европы. В самом деле, в 2003 году в республике из 10,32 миллиона жителей 77% назвали себя белорусами, 13,2% – русским, 4,1% – поляками, 2,9% – украинцами. Неславянское население республики насчитывает менее 1%. Но чем отличаются между собой белорусы, украинцы и русские, вряд ли смогут установить даже самые отмороженные самостийники. Что касается поляков, то под таким названием в Белоруссии известна не этническая, а конфессиональная группа населения. Католики по вероисповеданию в силу исторической эволюции Белоруссии называют себя поляками, хотя и остаются по языку и культуры белорусами. Показательно, что менее 30% белорусских поляков хоть как-то владеют польским языком. В целом большинство белорусских поляков могут считаться белорусами-католиками. Даже и в наши дни в Белоруссии возникают ситуации, когда в одной семье один брат – верующий католик, считающий себя поляком, другой – скептический белорус, а третий, живущий в городе, считает себя русским. И при этом все эти братья живут дружно и между собой никогда не конфликтуют. Но мы забежали вперед. Вернемся к временам рождения Руси.

Славянские племена дреговичей, кривичей, радимичей и части древлян составили основное славянское население земель современной Белоруссии. Собственно, это были не «племена» в современном поня-

тии термина, а раннегосударственные образования, включавшие значительные территории, с сотнями тысяч жителей и имевшие города. Уже в 862 году (году «призвания варягов»), летописец упоминает город Полоцк в качестве центра кривицкого племени полочан. Впрочем, по данным археологов, Полоцк возник как славянское поселение еще в V веке. Следует заметить, что, помимо Полоцка, крупными городами кривичей были Смоленск и Изборск.

Когда в IX веке возникла Киевская Русь, то земли современной Белоруссии вошли в ее состав в числе первых. Во всяком случае, уже в походах Олега Вещего на Царьград (Константинополь) в 907 году, и Игоря в 944 году участвовали также и кривичи, и радимичи. В договоре с Византией князя Игоря упоминается некая Предслава, возможно, полоцкая княгиня. В X веке, еще в языческую эпоху, упоминаются такие города, как Витебск, Туров, Друцк, Изяславль (ныне – Заславль). Все это свидетельствует о бурном хозяйственном и культурном подъеме этих земель.

Правда, первоначально Киевская Русь еще была довольно аморфным объединением различных племен. В основном подчинение племенных княжеств Киеву выглядело лишь как уплата дани и участие в заморских походах. Сохранялись племенные княжества со своими князьями, периодически пытавшихся править самостоятельно. Можно вспомнить, как племя древлян (предки нынешних полещуков) расправилось с князем Игорем, слишком увлекшимся сбором дани, и как отомстила им княгиня Ольга.

В X веке Полоцкое племенное княжество было достаточно сильным. В Полоцке правил князь Рогволод. По словам летописца, Рогволод «державл, володарил и княжил Полоцкую землю» (заметим, не всю землю кривичей, а только полоцкую). Рогволод и его семья правили совершенно самостоятельно и чувствовали себя полными хозяевами края. Когда в 979 году князь Владимир Красно Солнышко, будущий Креститель Руси, шел с дружиной из Новгорода в Киев, воюя со своим братом Ярополком, подойдя к Полоцку, потребовал от Рогволода подчинения и руку его дочери Рогнеды, то, по словам летописца, гордая полоцкая княжна отказалась выходить за «робичича» Владимира. Поскольку Владимир был действительно сыном ключницы (то есть сыном рабыни), то эти слова Рогнеды могли означать не только оскорбление Владимира, но и подчеркивание особого благородства полоцких князей. Разумеется, Владимир был не из тех, которые способны проглотить такое. Он взял Полоцк штурмом, причем был убит сам Рогволод и двое его сыновей, а Рогнеда стала женой победителя. Владимир дал

своей новой жене имя Горислава и поселил в селе Предславине близ Киева. От брака Владимира и Рогнеды было два сына, в том числе наследовавший киевский престол Ярослав Мудрый, и две дочери. Владимир, впрочем, позднее вернул Рогнеде и своему сыну от нее Изяславу прежние владения Рогволода и посадил княжить Изяслава в новом городе Изяславле. Рогнеда умерла в 1000 году, постригшись перед смертью в монахини, приняв имя Анастасия. Сентиментальная история Владимира и Рогнеды вдохновила одного из первых русских художников Антона Лосенко в 1770 году на создание картины, хранящейся в Русском музее, а композитора А. Н. Серова в 1865 году – на написание оперы.

Крещение Руси в 988 году означало также и обращение в Православие предков современных белорусов. Уже в 992 году в Полоцке была создана самостоятельная епархия во главе с епископом. Это было показателем значения полоцких земель в древнем Русском государстве. Разумеется, Полоцком распространение Православия в крае не ограничилось. В 1001 году упоминается о строительстве в городе Друцке каменной церкви (одной из первых на Руси). По мере распространения Православия увеличивалось и количество епархий в крае. И в 1005 году своя епархия была создана в Турове. Наконец, примерно в 1040-50 гг. в Полоцке был построен каменный Софийский собор, существующий, правда, в значительно измененном виде, и в наши дни. Полоцкая София была третьим на Руси после Киева и Новгорода каменным собором. Три главных русских собора 11 века были посвящены Софии – «премудрости Божией», одухотворяющей все сущее. Сам факт того, что третий по значению собор Руси был построен в Полоцке, показал значение Полоцких земель в Древней Руси.

Разумеется, христианизация населения шла много веков, и многие языческие праздники, представления, бытовые обычаи, сохранились и в наши дни, причем считаются исконно православными. Поклонение священным рощам, ручьям, камням, возжигание огней в «русалью ночь» на Купалу, – все эти присущие славянскому язычеству обычаи отчасти сохранялись среди белорусов, не смотря на тысячелетнее противодействие церкви. Еще в 1120-х гг. князь Борис Всеславич, дабы покончить с языческим поклонением четырем огромным валунам, приказал высечь на камнях кресты и надписи «Господи, помози рабу своему Борису». Под названием Борисовых Камней эти валуны существуют и в наши дни. Интересно, что минское языческое капище, расположенное на берегу реки Свислочь, просуществовало до начала XX века. В 1888-ом году, когда отмечалось 900-летие Крещения Руси, ме-

стные власти решили покончить с пережитками язычества. Был погашен священный огонь и спилен вещий дуб. Но прекратить поклонение валуну, который называли «Дедом», так и не удалось. К «Деду» продолжали приходить сотни людей, искренне считающие себя православными, чтобы попросить у камня заступничества сверхъестественных сил. Сейчас «Дед» находиться в музее камней, расположенном в минском районе Уручье.

Следует заметить, что ближайшие соседи руссов в этих краях, а именно балтские племена (ятвяги, жмудь, корсь и др., являющиеся предками современных литовцев и латышей) еще долго оставались язычниками, хотя и были данниками полоцких князей.

Итак, в XI–XII веках, земли нынешней Белоруссии были составной частью Руси, причем относились к числу наиболее развитых и культурных земель древнерусского государства. Полоцкое княжество достаточно быстро перестало подчиняться Киеву, что, впрочем, совершенно не означало упадка Руси. На протяжении двух веков перед монголо-татарским нашествием земли, подчинявшиеся полоцким, а также туровским князьям, продолжала быстро развиваться. В летописях XI-XII вв. упоминаются такие города – Менеск (Минск), Берестье (Брест), Городень (Гродно), Гомель, Клецк, Новгородок (Новогрудок), Борисов, Кречут (Кричев), Рогачев, Орша, Слуцк, Мстиславль, Логойск, Копысь, и другие. Всего в пределах современной Белоруссии известно 30 древних городов, большинство из которых существуют и в наши дни. Похоже, что земли современной Белоруссии были самым «урбанизированным», если можно так выразиться применительно к средневековому обществу, регионом Киевской Руси. Развитая городская жизнь означает высокий уровень культуры этих земель. По подсчетам знатока древнерусского искусства академика Рыбакова, перед батыевым нашествием в русских городах существовали свыше 60-ти ремесленных специальностей. Практически все они были также и в городах будущей Белоруссии. До наших дней мало дошло памятников архитектуры того времени. Это не удивительно – в строительстве использовали в основном дерево, века и войны не щадили и каменные сооружения. Тем не менее, как памятники эпохи Киевской Руси, стоят в республике Софийский и Спасо-Ефросиньевский соборы в Полоцке, Коложская церковь в Гродно, Благовещенская церковь в Витебске.

Именно из этих земель вышли многие великие представители древнерусской культуры. Среди них Кирилл Туровский – знаменитый проповедник и писатель XII века (1130 – умер около 1182). Родился в городе Турове; приняв пострижение, выказал основательное знаком-

ство с творениями святых отцов, что означало прекрасное знание Кириллом греческого языка, и приобрел большой авторитет среди братии, "уча и научая" словом и примером своей жизни. За свои ораторские способности Кирилл получил прозвище «Златоуст, паче всех воссиявших на Руси». Удаляясь от общежития, Кирилл заключился в столпе (башне), куда перенес и свою библиотеку. Здесь, может быть, создались некоторые из его произведений, исполненных высокого аскетического одушевления и стремления к познанию Божества в созерцании его творения -- мира. Результатом этого периода в жизни Кирилла Туровского явилось его сочинение: "Сказание о черноризчестем чину от ветхого закона и нового" и, может быть, поучение "О подвиге иноческого жития" и "Последние к печорскому игумену Василию", с большей или меньшей вероятностью приписываемые святому Кириллу. Своей подвижнической жизнью Кирилл стяжал себе известность и, по просьбе князя и народа, был посвящен митрополитом Киевским в епископы города Турова в 1169 году. Кирилл отнюдь не был отрешен от проблем земной жизни. Он принимал активное участие в политической борьбе. Ко времени епископства святого Кирилла относятся нелады великого князя Андрея Боголюбского с епископом Феодором. Кирилл принял сторону князя и предал епископа Феодора анафеме за ересь. Кириллу Туровскому бесспорно принадлежат, из дошедших до нас памятников XII века, восемь проповедей; ему же приписываются два поучения. Он написал также значительное число молитв (до двадцати четырех), из которых наиболее замечательны "Молитвы на всю седмицу". Произведения его были очень распространены в сборниках, а с появлением книгопечатания издавались не раз, вместе с творениями Иоанна Златоуста и других выдающихся проповедников. Русская Православная церковь отмечает память Кирилла 28 апреля (11 мая).

В эти же годы, вплоть до смерти 23 мая 1173 года, протекала деятельность Ефросиньи Полоцкой (светское имя Предслава) – игуменьи Полоцкого монастыря Св. Спаса, просветительницы края. Дочь полоцкого князя Георгия, правнучка Владимира Крестителя в 5-ом колене, Ефросинья основала монастыри, школы, сама переписывала книги, писала летописи, собственные молитвы и поучения. В 1161 году основанная Ефросиньей обитель украсилась великолепным каменным Спасским собором, построенным зодчим Иоанном. Внутри собор был расписан фресками. Тогда же мастер-ювелир Лазарь Богша создал для Ефросиньи крест, который справедливо считался шедевром ювелирного искусства. Шестиконечный крест с частицами мощей святых угодников был украшен надписью, гласящей, что крест всегда должен пребы-

вать в основанной Ефросиньей обители. В начале советской эпохи крест был помещен в могилевский краеведческий музей, и пропал в годы Великой Отечественной войны. Ефросинья впоследствии (в 1547 году) была причислена к лику святых, причем стала первой русской женщиной, канонизированной церковью. Ефросинья считается небесной покровительницей Белоруссии. Православная церковь отмечает память Ефросиньи Полоцкой 23 мая (5 июня).

Полоцкая земля была одним из сильнейших княжеств Руси. Интересен политический строй княжества. Вспомнить, что на Руси, по мере удельной раздробленности, в разных землях складывались совершенно различные формы государственного устройства. Так, в Великом Новгороде, во Пскове, а также в Вятской земле, сложились вечевые республики. В Галицко-Волынской земле правили могущественные бояре, не без успеха пытавшиеся навязать свою волю князьям. Впоследствии, именно этой болезнью страдали Великое княжество Литовское и Речь Посполитая. Во Владимиро-Суздальской земле князья, напротив, имели громадную власть, подчинив себе боярство и покончив со всякими вечевыми вольностями. Позднее именно эти черты известны как московское самодержавие.

А вот в Полоцком княжестве возникло весьма своеобразная федерация из городов и мелких удельных княжений. Местные города, богатые и влиятельные, все же не превратились в городские республики. Возможно, объяснялось это тем, что если на севере Руси был только один торговый город – Великий Новгород, то в Полоцкой земле жестко конкурировали между собой Полоцк, Витебск, Минск, и ряд других городов. Во всех этих городах существовали вече, приглашавшие или изгонявшие князей, были также и некие «братчины» – вероятно, купеческие и ремесленные объединения, располагавшие реальной властью в городах. В результате здесь так и не возник город – центр вечевой республики. Полоцкое боярство не было столь же сильное, как в Галицкой земле. Зато князья не имели такого слоя преданных себе служилых людей, как дворянство во Владимиро-суздальском княжестве. Вот и сложилось нечто среднее из того, что существовало в XII веке во всех русских землях.

Достаточно быстро Полоцкое княжество стало распадаться на более мелкие уделы. Образовались удельные княжества, признавшие верховенство Полоцкого князя: Минское, Друцкое, Изяславское, и другие. Междоусобицы полоцких князей стали постоянными. Впрочем, Полоцкое княжество все равно было одним из самых сильных на Руси. Полоцкие князья владели не только почти всей территорией современ-

ной Белоруссии, но и подчинили себе значительную часть нынешней Прибалтики.

Исторические судьбы русского народа и государства всегда были связаны с Балтийским морем. Уже в докиевский период истории русские владели нынешней Прибалтикой. В «Повести Временных лет» среди народов, «иже дань дают Руси», упоминаются чудь (нынешние эстонцы), весь (вепсы, живущие в Ленинградской области), зимигола (земгалы), корсь (курши, предки современных латышей), ливы, емь (хяме, то есть часть современных финнов), литва. На балтийских землях возникли русские города и остроги – Юрьев (Тарту), Колывань (Таллин) в современной Эстонии, Куконос (Кокнесе), Ерсика (ныне – Герцике), Владимирец (Валмиера) в Латвии, Торг (Турку) в Финляндии. На Балтийском море развилось русское торговое мореплавание. Правда, учитывая хозяйственное и культурное развитие тогдашней средневековой Европы, русские особо не нуждались в специальном «окне» в нее. Для местных аборигенов русское владычество было необременительным, так как сводилось к уплате дани. Зато покровительство русских князей, международная транзитная торговля через прибалтийские земли, весьма благоприятно отразились на развитии местных народов, которые постепенно из разрозненных племен начали складываться в этносы. Прибалтийские уроженцы часто делали на Руси значительную карьеру. Так, уже в договоре князя Игоря с Византией 944 года упоминается княжеский дружинник из «Либи», то есть из племени ливов. В этом же договоре упомянут Петр Ялминдов из племени емь. Некий Семен Емин, так же из еми, в 1218 году был избран новгородским тысяцким. Все это однозначно свидетельствует об отсутствии какой-либо дискриминации и угнетении прибалтийских аборигенов со стороны русских.

Особенно поражает и восхищает, что в эпоху крестовых походов, инквизиции и религиозной непримиримости русские не стремились к насильственному крещению своих прибалтийских данников. Большинство предков нынешних финнов и прибалтов до XIII века, а литовцы – и до конца XIV века, оставались язычниками. (И после этого некоторые из их потомков еще говорят о своей «культурности» по отношению к русским!). Объясняется это, видимо, традиционным уважением русскими местных обычаев, а также особенностями проповеднической и миссионерской деятельности Православной церкви, никогда не признающей саму идею насильственного обращения. Впрочем, Православие, хоть и медленно, но получало распространение среди туземцев Прибалтики. Во всяком случае, когда немецкие крестоносцы начали

завоевывать эти земли, то к их ярости выяснилось, что с христианством здесь знакомы давно и даже во многих селах имеется по несколько православных церквей. Однако, поскольку для крестоносцев православные были «схизматиками», не повинующимися папе, то местных православных вместе с язычниками начали огнем и мечом приводить к католичеству, убивая «упорствующих». О распространении православия среди прибалтийских народов свидетельствуют не только древние летописи, но и данные лингвистики. Так, в латгальском диалекте латышского языка такие связанные с христианством слова, как «базница» («божница», то есть «храм»), «колокол», «пост», «святой», «свеча», и пр, привнесены из церковнославянского языка. (Это значит, что не через католическую латынь, а через древнерусские христианские тексты древние прибалты ознакомились с верой Христовой).

Раз уж мы заговорили о лингвистике, то нелишне напомнить, что в языки прибалтийских народов вошли такие русские слова, как «серп», «ратай» (пахарь), «овес», «жернов», «торг», «пуд», «грамота», «погост», «смерд», «колп» (холоп), «цена», «безмен», «мыто», и пр. Обратим внимание, что именно от русских получили навыки агрикультуры, городской жизни, ремесла и торговли.

К началу XIII века почти все племена и народы Прибалтики, кроме воинственных пруссов, находились под властью Руси. О характере русского владычества в Прибалтике в киевскую эпоху так писал маститый историк, член – корреспондент АН СССР, В. Т. Пашуто: «Несмотря на некоторые местные различия, для русской власти в землях Прибалтики, Карелии и Финляндии было характерно фактическое сохранение раннефеодальных форм управления. Повсеместно был установлен регулярный сбор подати посредством доставки ее в определенные для этого места, где дань принимали местные власти под контролем русских представителей и отправляли ее в основные центры русского управления: Юрьев, Кокнесе, Ерсике, Корелу, и др. Попытки подвластных земель выйти из подчинения подавлялись оружием. При этом власть русских феодалов Прибалтике не сопровождалась ни военной оккупацией подвластной территории, ни массовой колонизацией ее русскими переселенцами – феодалами, ни насильственной христианизацией».[1]

В политическом отношении карелы, чудь (в дальнейшем – эсты), водь, ижора, весь, емь, подчинялись Господину Великому Новгороду. Литовское племя ятвягов подчинялось Галицким князьям. Северная часть Латгалии (исторической области Латвии), известная под назва-

---

[1] Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век) М., 1956, с. С. 104-105

нием Талавы, управлялась Псковом, собиравшем здесь ежегодную дань. Большая часть современной Латвии, по всему течении. Западной Двины, подчинялась полоцким князьям. Не случайно в 1184 году представитель папы Римского монах Мейнард испрашивал разрешение полоцкого князя Владимира, разрешить проповедь христианства среди язычников - ливов, данников князя.[2] Впрочем, первоначально западные монахи не только проповедовали западное христианство среди язычников, но и собирали дань для полоцкого княжества. Один из удельных полоцких князей, Всеволод, правил своим княжеством со стольным городом Ерсика (ныне Герцике в Латвии). Согласно немецкой рифмованной «Хронике Ливонии», беспокойный князь Всеволод, породнившись с литовским князьком – язычником Даугерутом, не стеснялся устраивать набеги на русские же земли, постоянно участвуя в княжеских усобицах. Впрочем, по мере дальнейшей удельной раздробленности Руси, «злая Литва» не только перестает платить дань, но и сама совершает набеги на полоцкие земли.

Как видим, интеграция балтийских земель в состав Руси была не полной, и распад Руси на удельные княжества ослабил русскую власть в этих землях. Все это сказалось, когда на восточном берегу Балтики высадились организованные объединенные силы Запада.

С 1201 года крестоносцы ордена Меченосцев и Тевтонского начали постепенное завоевание прибалтийских земель. Полоцкие князья стойко сражались с захватчиками, но само Полоцкое княжество, не получая помощи от других русских земель, и само переживающее процесс дробления, не смогло остановить натиск крестоносцев. Так, когда в 1203 году полоцкий князь двинулся было походом на крестоносцев, то новгородцы, ссылаясь на старые обиды, отказались участвовать в походе. Полочане осадили Ригу, но вскоре потерпели поражение. После этого борьбу с крестоносцами вел только мелкий полоцкий князь Вячко (Вячеслав), княживший в Куконосе, но в 1208 году его столица была захвачена рыцарями. В 1210 году был заключен мир между Полоцком и Орденом, по которому рыцари должны были платить дань русским князьям, но контроль над прибалтийскими землями переходил к Ордену Меченосцев. В 1216 году, когда полоцкий князь Владимир готовился к новому походу, он скоропостижно скончался. В 1224 году князь Вячко погиб сражаясь с крестоносцами при обороне города Юрьев (ныне – Тарту). К моменту нашествия на Русь орд Батыя полоцкие князья утратили земли прибалтийских данников. Впрочем, как только рыцари попытались было вторгнуться в русские земли, как они были в

[2] Там же, с. 98

1237 году разбиты Галицким князем Даниилом Романовичем под Дорогичиным (Дрогичиным, в Брестской области). Разбиты были рыцари также и новгородцами на реке Омовже в 1234 году, и литовцами. Как видим, потеря выхода к Балтийскому морю по Западной Двине было серьезной неудачей, но в целом могло расцениваться лишь как временное явление. Возможно, если бы не батыево нашествие, крестоносцы были бы сброшены в море. Но история не знает сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло.

Часть II. Русь Белая, она же Литва

Ученые уже два столетия ломают копья в спорах о происхождении названия "Белая Русь", "Белоруссия". Объяснений много, но только одно из них убедительно. "Белая Русь" означает Русь свободную, не зависимую ни от кого. Напомним, что с давних времен у славян белый цвет означал полную самостоятельность, имеющие льготы слободы и городские места так и назывались белыми слободами и белыми местами.

750 лет тому назад Русь, разделенная на множество удельных княжеств, была опустошена нашествием Батыя и вынуждена была платить дань Золотой Орде (Не правда ли, как похоже на современность - разодранная на удельные президентства страна оказалась зависимой от новой Золотой Орды, то есть "Мирового Сообщества" во главе с США.). И только земли нынешней Белоруссии (Полоцкое и некоторые другие, более мелкие княжества) и Смоленщины оказались недоступными для монголо-татар и счастливо избежали вторжения. Вероятно, потому эта часть Руси и получила поэтическое имя Белой Руси, что "обелена", избавлена от дани хану и татарских набегов.

Интересно, что в 16 веке, когда Москва уже твердо взяла под свою высокую руку почти все великорусские земли, а от татарского ига остались лишь воспоминания, великие князья и цари московские также пытались именовать подвластные себе земли Белой Русью.

Вот какие сведения сообщали о Московии некоторые зарубежные путешественники. Так, в донесении о путешествии Ченслера в Москву сказано: «Московия, она же и Белая Руссия, обширнейшая страна сопредельная со многими народами».

Да и древние поляки, предки нынешних польских крикунов, также называли Московское царство Белой Русскою землею. Так архиепископ Гнезненский, Иоанн Ласский, в своем донесении, представленном Латеранскому собору в 1514 году, исчисляя разные племена русских, называет москвитян Белою Русью.

Александр Гваньини, современник великого князя Ивана Васильевича IV писал: «Московия, в просторечии Москва, обширнейший город, столица всей Белой Руссии, подвластной великому князю московскому».

Кстати, в народном фольклоре вплоть до начала XX века русского царя обычно называли Белым Царем, подчеркивая его самодержавие и независимость от всех иных земных властей.

И все же Белой Русью навсегда стала не Московия, но другая русская земля. Имя «Белая Русь» окончательно утвердилось за ней в

XIV–XVI веках. Но обычно устоявшиеся названия исторических регионов имеют многовековую традицию. Независимые от хана земли, вероятно, уже в первые десятилетия после батыева нашествия, получили прозвище Белой Руси.

Строго говоря, Белая Русь не избегла татарских набегов. Так, отдельные татарские отряды прорывались через полесские болота и леса на земли Белой Руси, но бывали уже настолько ослаблены, что неизменно терпели поражение. Так, поздней осенью 1246 года, татары нападали на Пинск, Слоним, Туров, Друцк. В 1249 году татары под командованием Койдана вновь проникли на Белую Русь, но были разгромлены литовским князем Миндовгом (о котором еще поговорим). После победы город Крутогорье, где произошла битва, стал называться Койдановым. Впрочем, в 1932 году Койданов был переименован в Дзержинск. Татарские набеги проходили также в 1257, 1258, 1259, 1275, 1277, 1284, 1287 гг. Впрочем, местные жители оказывали стойкое сопротивление. Так, в 1284 году татарские отряды были полностью разгромлены у деревни Могильно (ныне – Узденский район Минской области). Это было почти за столетие до Куликовской битвы.

И все же, (хотя это вряд ли могло утешить жителей разоряемых татарами сел и городов Белой Руси), по сравнению с тем опустошением, которому подверглись земли северо-восточной и южной Руси, которые несколько позднее стали называться соответственно Великой и Малой Русью, Полоцкие, минские и туровские земли могли считаться мирными и процветающими. Белая Русь подвергалась набегам, но это было все же несравнимо с тем игом, которое испытывали земли всей остальной, не «белой», подъяремной Руси.

Итак, после батыева нашествия северо-западные княжества Киевской Руси оказались почти не затронутыми вражеским вторжением, и не платили дань хану. Это был один из тех редких случаев, когда народу края повезло больше, чем всей остальной Руси. Неудивительно, что земли свободной, Белой Руси стали плацдармом для освобождения остальных земель Руси от золотоордынского ига. В первой половине XIV века княжества Белой Руси были объединены под властью литовской династии властью Гедемина и его потомков. Возникло сильное государство Великое Княжество Литовское, имевшее все шансы на объединение всех русских земель под скипетром Гедеминовичей.

Каждый любознательный человек, решивший заняться историей и культурой Белой Руси, постоянно будет сталкиваться с проблемой названий. В самом деле, почему Белоруссия довольно долго назвалась Литвой, почему возникло само название Белая Русь, откуда взялся бе-

лорусский народ, всю свою историю упрямо считавший и считающий себя частью единого русского народа. Какой-нибудь старательный студент может с удивлением прочитать, что в дореволюционной России к литовским губерниям относили также и Гродненскую губернию, зато к категории «Белоруссия» относилась Смоленщина. Кстати, Смоленск в начале 20-х гг. XX века едва не стал столицей Белорусской ССР. Если современный россиянин встретит современного литовца, то услышит от него пространные рассказы о том, какой могущественной была Литва в прошлом, границы которой доходили до Черного моря. Этот же литовец начнет с энтузиазмом перечислять имена литовских князей, всяких там Миндаугасов, Альгирдасов, Витаутасов, которые никогда не встречались в русских летописях (а литовских летописей в природе не существовало).

Правда, если наивно спросить любого нынешнего литовца о том, какой язык был государственным в средневековой Литве, то обычно не услышишь ничего конкретного. В самом деле, ну что сказать современному литовцу, свято убежденному в многовековой государственности Литвы, если только в самом конце 16 века, когда уже не было Литовского княжества, были изданы несколько книг на литовском, а литовская литература вообще появилась лишь в конце XIX века, в Российской империи, а современную азбуку и грамматику ввел лишь около ста лет тому назад Ян Яблонскис. Впрочем, украинские самостийники также утверждают, что Литва была «украинским национальным государством». Но если эти споры услышит поляк, то он заявит, что и никакой Литвы не было, а существовала лишь Польша «от моря до моря». Также поразят любознательного россиянина сведения о том, что вплоть до 1939 года западная Белоруссия, находящаяся под властью Польши, именовалась «Срединной Литвой». (Соответственно, были также и Верхняя, и Нижняя Литва). Все эти терминологические трудности объясняются тем, что в нашей стране, включая все ее претендующие на полную самостийность части, история всегда являлась служанкой политики. И поэтому Россия во всех ее пределах остается страной с непредсказуемым прошлым.

История Великого княжества Литовского, имеющего мало отношения к современной Литве, оказалась одной из самых «скользких» из-за политической пристрастности тем в исторической науке. Московским князьям, а затем и всем их преемникам вплоть до советских лидеров, была неприятна сама мысль, что у Москвы был серьезнейший конкурент на роль «собирателя» русских земель. Царям и императорам России очень хотелось выглядеть освободителями своих западнорус-

ских соотечественников, и поэтому официальные историки предпочитали говорить о том, что некая зловещая «Литва» завоевала русские земли. Советские лидеры в 20–30 гг., руководствуясь лозунгом «Сломать хребет русскому великодержавному шовинизму», спешно раскалывали русскую нацию, создавая новые «нации» украинцев и белорусов. Следовательно, приходилось не только ускоренно создавать особый литературный язык, но также и сочинять «историю» новоявленных «наций». Соответственно, необходимо было «научно доказать» отдельность белорусов и украинцев. История Литовского княжества, как нельзя лучше, подходила для этого обоснования. В Польше, естественно, старались как можно больше удлинить историю Речи Посполитой, приплюсовав историю Литвы к польскому историческому пути. И, наконец, литовцы, страдающие всеми комплексами маленьких наций, вдохновляют себя воспоминаниями о своем великом прошлом, скромно умалчивая о том, что к Великому княжеству Литовскому их предки имеют такое же отношения, как корсиканцы к наполеоновской Франции.

И что бы не было подобных вопросов, условимся считать Белоруссию (Беларусь, или Белая Русь) вместе с Великой Россией (или Великороссией) и Малой Русью (Украиной) частью исторической России. Литвой же будем называть территорию, которую занимало Великое княжество Литовское, средней частью которого была Белая Русь, и в которую входило Смоленское княжество и ряд земель западной части Великороссии, включая Брянск, Стародуб и Вязьму, и в котором нынешняя собственно Литва была лишь незначительной частью.

Пусть же читателя не смущает название "Литва" для обозначения государственной принадлежности земель независимой Белой Руси. Правящая династия происходила из племени литва или аукштайтов, воинственных язычников, впрочем, довольно долго находившихся в зависимости от русских князей. Территория нынешней Гродненской области и района Вильно (Вильнюса) даже получила название Черная Русь, вероятно, из-за преобладания в населении язычников, в отличие от православной и независимой Белой. Кстати, язычниками здесь долго были не только балты, но и местные славяне. Так, в 1346 году языческие литовские жрецы, обеспокоенные распространением православия, добились от князя Ольгерда казни православных литвинов – Иоанна, Антония и Евстафия. В истории Православия они известны как виленские мученики. Мирские языческие имена казненных были Кумец, Нежило и Круглец, что свидетельствовало об их славянском происхождении. В свои пределы Черная Русь включала треугольник между современными Вильнюсом, Гродно и Минском. Напомним, что именно в

этих местах население было этнически смешанным, причем это смешение только усилилось из-за притока беженцев, спасавшихся от крестоносцев. Единого стольного города Черной Руси не было, но уже несколько веков существовали города Новгородок (ныне – Новогрудок), Слоним, Волковыск, и ряд других, с этнически и религиозно смешанным населением, но игравшие важную хозяйственную роль.

В дальнейшем, как это часто бывает в истории, языческие князьки Черной Руси подчинили себе владения своих прежних сюзеренов, но это было вовсе не создание некоего национального Литовского государства. В Великом княжестве Литовском предки современных литовцев были не только меньшинством, составляя лишь 1/10 часть населения, но отнюдь не были привилегированным меньшинством. Кстати, все подданные Гедеминовичей называли себя литвинами или литвой, если же надо было подчеркнуть свою этническую особенность, то православные славяне называли себя русскими, а язычники (а затем католики) из балтских племен назывались жмудью (от названия самого крупного из литовских племен жемайтов). Современным литовцам, считающим себя цивилизованными европейцами, очень неприятно напоминание, что в белорусском и польском фольклоре существует масса юмористических рассказов о жмуди, напоминающих современные анекдоты про чукчу, а само слово "жмудь" означает у белорусов дикаря или примитивного, ограниченного человека. Когда после отмены крепостного права многие белорусы стали переселяться в Сибирь, то они по привычке стали называть жмудью сибирских аборигенов. Когда в начале XX века некоторое количество белорусов переселилось в Южную Америку, то они и индейцев стали называть жмудью. Кстати, хулиганов, пьяниц и драчунов белорусы называют «гедвигой», а то и просто «литвой».

Возникновение Великого княжества Литовского пришлось на время батыева нашествия и начала ордынского ига над большинством русских земель. Полоцкие земли, Турово-Пинское княжество и северная часть Галицко-волынского княжества избежали татарского разорения и ига, но в целом, будучи ослабленными, не смогли возглавить борьбу за вызволение остальных земель. Эту роль взяли на себя представители новой русской династии.

К северо-западу от Белой Руси, где находилась так называемая Черная Русь, в 30–60-х гг. XIII века сложилось объединение местных языческих балтских племен под властью своих князьков – кунигасов. Парадоксальным образом, в сложении этого объединения главной причиной была агрессия крестоносцев. Отобрав к 1230-ым гг. у полоцких

князей земли ливов, латгалов и куршей, крестоносцы, рыцари-меченосцы обрушились на жмудь. Одновременно рыцари другого Ордена – Тевтонского, приглашенные в 1226 году польским князем Конрадом Мазовецким для борьбы с язычниками – пруссами, начали завоевание Пруссии, зажав в месте с меченосцами литовцев в клещи.

В этих условиях произошло объединение литовцев вокруг князя Миндовга (западные хронисты называли его Мендольфом, а литовские историки XX века переименовали его в Миндаугаса). Черная Русь, в которую устремились беженцы из языческих балтских племен, спасавшиеся от крестоносцев, а также устремились переселенцы из русских земель, надеющиеся укрыться за густыми лесами и болотами Черной Руси от татар. В результате в этом скудном лесном крае скопилось множество отчаянных сорвиголов, прекрасно умевших обращаться с оружием. Под властью Миндовга эти пассионарии сумели остановить продвижение крестоносцев. Сам Миндовг сумел создать небольшое, но воинственное княжество со столицей в городе Новгородок (Новогрудок), получившее название Литва. Миндовг вполне мог считаться русским князем. Он имел союз с Александром Невским, выдал свою дочь за сына Даниила Галицкого. Правда, в области религии Миндовг проявлял полнейшую веротерпимость, привлекая к себе на службу всех, кто мог быть ему полезен, не спрашивая: «Како веруешь?». В 1246 году Миндовг принял православие, взяв христианское имя Василий. Кстати, по-гречески «Василий» означает «царь». Напомним, что в 1249 году Миндовг-Василий разбил татар Койдана. Но после неудач в войне с рыцарями, Миндовг вынужден был заключить мир с Тевтонским орденом и принять католичество. Папа Римский Иннокентий IV объявил Миндовга королем. В современной Литве день коронации Миндовга, которым на основании неизвестно каких данных, считается 6 июля, отмечается как национальный праздник. Впрочем, вскоре Миндовг, укрепив власть, отказался от христианства и королевского титула. Он начал новую войну с крестоносцами, нанес им поражение. Победу литовцы отметили по древнему языческому обряду, принеся пленных рыцарей в жертву богам.

В 1263 году Миндовг был убит в результате заговора. Но небольшое чернорусское княжество Литва не развалилось. Сын Миндовга Войшелк правил уже как русский князь. Он не просто хранил верность Православию, но даже стал монахом, передав власть Галицкому князю, с которым был в свойстве. Впрочем, междоусобицы русских князей не пощадили и Войшелка, убитого по приказу Галицкого князя Льва. Литва отбила нападения крестоносцев, ее воины самого

разного этнического происхождения и вероисповедания громили прорывающихся на земли Белой Руси татар. И вскоре начали «собирание русских земель».

После батыева нашествия на Руси возникло явление, которое на языке политологии называется вакуумом власти. Сильнейшие русские княжества были опустошены, разорены данью татарам, погибли тысячи воинов, лежали в пепелище города и крепости. И в этих условиях русские люди были готовы поддержать любую политическую силу, которая будет защищать от татар. И литовские князья не могли не воспользоваться этим. Поскольку в Литве скопились значительные военные силы, то вскоре русские княжества Белой Руси стали переходить под власть Литвы.

Строго говоря, в значительной степени расширение Литвы не было завоеванием. В начале XIV века власть литовских князей признало Полоцкое княжество, Берестейская земля с городом Брестом. Подлинным создателем Великого княжества Литовского и Русского стал князь Гедемин (1316–1341). Современник московского Ивана Калиты, Гедемин мог показаться несравненно более удачливым правителем. Ему не надо было вымаливать у хана ярлык на княжение, его дружины были многочисленны и закалены в битвах с рыцарями и татарами. Незатронутая татарским игом Литва продолжала быстро развиваться в хозяйственном и культурном отношении. Города продолжали богатеть. Гедемин, подобно Петру Великому, был не только монархом-полководцем, но и неутомимым строителем. Он сделал столицей своих владений славянский город Вильно, ранее существовавший под названием Кривич-город. Интересно, что самым древним памятником архитектуры Вильно является построенная при Гедемине Никольская церковь. С этого времени Вильно (белорусы называют его ласкательно «Вилоня») стал одним из важнейших центров русской культуры на западе исторической России. При Гедемине был построен город Бельщаны-Сток (ныне – Белосток). Пусть читателя не смущает, что ныне Вильно именуется Вильнюсом и является столицей маленькой Литвы, а Белосток находится на территории Польши. Виленщина и Белосточчина исторически являются белорусскими землями. Впрочем, и поныне русские (в основном белорусы) составляют половину жителей Вильнюса и преобладают в населении Белостокского воеводства Польши.

В Великом княжестве (официально называвшемся княжеством Литовским, Русским и Жмудским), господствовали русская культура и язык, который был языком официального делопроизводства и который стал основой современного белорусского языка. Каждый литовский

князь, получая в удел определенный город с прилегающей территорией, вступая на трон, принимал православие. «Забывший» об этом князь Скиргайло, остававшийся язычником, при попытке въехать на княжение в Полоцк был посажен горожанами на плешивую кобылу и выгнан из города.

Литовские князья покровительствовали православным. Помимо Миндовга и Войшелка, следующие князья также исповедовали православие. Так, сменивший Войшека Тройден жертвовал средства на строительство православных храмов, все его четыре сына были православными, причем один из них – Лавр, даже постригся в монахи под именем Елисея и построил в Новогрудке церковь Вознесения Господня. Из семи сыновей Гедемина православными были пятеро. Из рода гедеминовичей вышли самые аристократические роды России, стоявшие сразу после Рюриковичей. Гедеминовичами были Голицыны, Куракины, Хованские, Патрикеевы, Булгаковы, Мстиславские, Трубецкие, и ряд других. Ольгерд, сын Гедемина, был православным под именем Александр. При Ольгерде, княжившем в 1345–1377 гг., в Вильно были основаны Пятницкая церковь. На том месте, где были казнены «виленские мученики» возник Троицкий монастырь, Пречистенский собор, освященный митрополитом всея Руси Алексием, и каменная Никольская церковь.

Во второй половине XIV века освобождение русских земель литовскими князьями пошло стремительно. Князь Ольгерд Гедеминович разбил татар при Синих Водах в 1363 году (на 17 лет раньше Куликовской битвы) и занял Киев. Ольгерд освободил от власти татар почти всю Малую Русь (кроме Галицкого княжества, захваченного поляками). Также под властью Литвы оказались Смоленск, Брянск, и ряд мелких княжеств верховьях Оки. Менее чем в 150 км от Москвы проходил рубеж Великого княжества Литовского. Сильное влияние Литва имела в Великом Новгороде. Большая часть русских земель была объединена Литвой. Сердцем этого княжества была Белая Русь. Казалось, еще немного – и вся Русь объединится под скипетром Гедеминовичей, и центром ее станет Вильно.

Вильно и Москва

В том, что не Вильно, а Москва собрала вокруг себя земли Руси, существует множество объяснений. Вероятно, главное заключается в том, что Литовская Русь была Белой, а Московская – Святой.

В 1385 г. князь Ягайло заключил с Польшей в местечке Крево т.н. Кревскую унию, в соответствии с которой Ягайло получал руку поль-

ской королевы Ядвиги и польскую корону в придачу, но за это должен был креститься по католическому обряду и крестить одновременно всю страну. Этот шаг оказался в конце концов роковым для Литовского княжества. Поскольку Великий Князь и все привилегированные слои населения теперь стали иноверцами-католиками, "латыной", для православного русского населения Литовское княжество перестало быть "своим" государством, зато на роль духовного центра и место духовных устремлений русского населения современных Белоруссии и Украины стала выходить Москва – "Третий Рим", никогда не изменявшая православию. Конечно, первоначально католики были в таком меньшинстве, что князья вынуждены были считаться с чувствами большинства своих подданных. После последнего выдающегося князя Витовта, проявлявшего удивительную для средневековья веротерпимость, умершего в 1430 г., история Великого княжества Литовского есть история его распада. Католическая феодальная верхушка, испытывавшая высокомерие и страх перед массой русского населения, все больше тяготела к Польше, королем которой по совместительству был великий князь, перенимали польский язык и обычаи. Господствующая элита отреклась от веры предков, от своего языка, и даже от чувства верности своему государству. Своих соплеменников, упорно хранивших православную веру и русское самосознание, ополяченная католическая верхушка обирала так, как не сделали бы чужеземные захватчики. Нет, это говорится не о «новых русских», речь идет о господствующем слое Белой Руси.

Разумеется, Великое княжество Литовское еще долго было сильным и богатым государством. Не забудем, что сердцевина этого государства – Белая Русь, избегла татарского ига. В 15 веке процветали города княжества – Полоцк, Вильно, Минск, Берестье. Кстати, по численности населения все эти города превосходили Москву. В Литовском княжестве возникли и новые города – Могилев, Бобруйск, Жлобин, Шклов, и ряд других. 47 городов княжества имели самоуправление по Магдебургскому праву, из чего следовало, что в этих городах существовало достаточно многочисленное и богатое мещанство (в западной терминологии – бюргерство). Напомним, что согласно этому праву, города имели широкое самоуправление. Городом правила Рада, членами которой были богатые купцы («патрициат»). В Вильно Рада имела 24 члена, из которых выбирались 12 бургомистров, и двое из них, представлявший католическую и православную общины, один год руководили городом. Городские жители – мещане, должны были с оружием защищать свой город. В Витебске и Полоцке известны «мещане кон-

ные», которые несли службу как рыцари. Это означало, что многие мещане были достаточно обеспечены, чтобы приобрести коня и оружие, и хорошо подготовлены как воины.

Если в Московской Руси только в конце XIV века возобновилось каменное строительство, то в Литве давно и основательно строили замки, церкви католические и православные, дворцы знати. На Москве даже великий князь Василий Темный был «некнижен и неграмотен», а в Белой Руси творили замечательные мыслители. Для просвещенных белорусов было вполне возможно получать образование в Италии, Кракове или Праге, а ведь великороссы до Петра Великого за границу с учебными целями не ездили.

Белорусские мастера работали в Москве в Оружейной палате. Петр Мстиславец помогал Ивану Федорову в создании московской типографии. Вообще большинство «технических специалистов» в московском Пушечном дворе были белорусами.

Государственным языком в Литве даже после принятия католицизма великим князем оставался русский. Он несколько отличался от языка Московской Руси. Постепенно в нем все больше появлялось полонизмов и латинизмов. В католических странах средневековой Европы письменным языком преподавания, науки и всех канцелярий была латынь. Но в Литве позиции русского языка была очень сильны. Даже канцелярия виленского католического епископа для ведения хозяйственных дел использовала русский язык. Русский язык был государственным языком Великого княжества Литовского, и это закреплял Литовский Статут 1588 года, то есть своего рода конституция государства. Так, Статут, составленный, естественно, на русском языке, определенно гласил: «Писар земский маеть по руску литерами и словы русскими вси листы выписы, и позвы писати, а не иншим езыком и словы». (Кто из современных русских и белорусов не поймет этот текст XVI века?). Правда, постепенно среди католиков все более широко стал распространяться польский язык, в дальнейшем ставший языком всей аристократии Белой Руси.

В XVI веке Белая Русь дала одного из великих деятелей культуры, вполне равного своим современникам Ренессанса. Речь идет о Георгии, или Франциске, Скорине (1486–1551 гг.). Уроженец Полоцка, Скорина учился в Краковском университете, где получил степень бакалавра философии. Из-за существующих запретов для получения образования «схизматиками», Скорина, вероятно, тогда же перешел в католичество, получив имя Франциск. Вообще-то его вероисповедование остается неясным. Имени Франциск в православных святцах нет, но, с

другой стороны, в его богословских трудах богословы не нашли никаких отходов от православия. Вероятно, Скорина был «формальным католиком», то есть, подобно многим русским из Литвы и Польши перешел в католичество, чтобы получить образование, но тайно оставался православным. Кстати, так делали многие русские мыслители вплоть до эпохи Петра Великого. Такие деятели петровских реформ, как Стефан Яворский и Феофан Прокопович также притворно переходили в католицизм с целью получения образования, недоступного для православных. В 1512 году Скорина в Падуанском университете в Италии сдал экзамен на степень доктора медицины. Но делом всей жизни просветителя стала издательская деятельность. В 1517 году в Праге Скорина выпустил печатную Псалтырь на русском языке (точнее, на том диалекте, который в дальнейшем стал белорусским языком). Далее Скорина выпустил еще несколько отдельных книг Библии. В 20-х гг. XVI века он переехал в Вильно, где и создал первую русскую типографию. Скорина выпустил еще ряд книг, отличавшихся высокими художественными достоинствами.

Великое княжество Литовское было сильной военной державой еще долгое время и после 1385 года. Именно состоящие из русских полки княжества сыграли главную роль в битве под Грюнвальдом – одной из самых грандиозных и кровавых битв европейского Средневековья, произошедшей 15 июля 1410 года.

И все же медленно, но верно, Литва распадалась. И одновременно все больше ополячивались и окатоличивались бояре княжества. Даже сам титул боярина вскоре был заменен латинским словом «магнат», что переводилось как «великий». Мелкие служилые люди стали именоваться на польский манер шляхтой. (Сейчас в России воры также предпочитают называть себя бизнесменами, а самые удачливые из них – олигархами). В отличие от самодержавной Москвы, в которых все сословия должны были служить государству, в Литве бояре имели только привилегии, но никому не должны были служить. Понятно, что вся энергия магнатов уходила на внутренние разборки, сопровождавшиеся сражениями, осадами городов и замков, а также на попойки, грубые развлечения и бессмысленную роскошь. Разумеется, «новые русские» Великого княжества Литовского любили ездить по Европе и сорить деньгами. Никого из историков не удивляет сообщение о том, что в 1515 году в Вену прибыл воевода Вильно с множеством слуг и оркестром из 100 музыкантов. Это был лишь один пример из множества. В целом магнаты Литвы имели в Европе XVI века такую же репутацию, как арабские шейхи нефтяных княжеств Персидского Залива в 70-х гг.

XX века, или «новые русские» начала тысячелетия. Понятно, что такое мотовство рано или поздно разорит любую страну. И чем больше деградировали правящие магнаты, тем более рьяными католиками они становились и тем более алчно выжимали они все соки из белорусского крестьянина.

Полтора века после Кревской унии православные были не только большинством населения, но и были представлены в правящей элите. Многие литовские удельные князья, честно сражаясь за Великое княжество Литовское, одновременно были защитниками православия и поборниками просвещения. В XV–XVI вв. род князей Острожских, происходивший из потомков Пинских князей, прославился как битвами с москвичами, так и покровительством уехавшему из Москвы первопечатнику Ивану Федорову.

Но постепенно православные превращались в людей второго сорта. Это не могло не вызвать соответствующей реакции. Начались «отъезды» православных князей и бояр в Москву. Разумеется, в Москве не могли не воспользоваться этим. В бесконечных московско-литовских войнах XV–XVI вв. перевес все склонялся в сторону Москвы. Литва потеряла Вязьму, Смоленск, Брянск, Стародуб, Дорогобуж, Мценск, Торопец, Чернигов, Гомель и другие территории.

Следует признать, что социальные порядки в Литве импонировали многим боярам в Москве. В самом деле, магнаты и шляхта были полными хозяевами в своих владениях. От собственного Великого князя они практически не зависели. Наиболее могущественные магнаты, заседавшие в Сейме (или в совете Паны-Рада) именовались Панами Радными, что означало полную независимость от Великого Князя. Магнаты рангом поменьше владели городами, выходили на войну со своими полками под собственным знаменем (хоругвью), поэтому назывались «панами хоруговыми». Мелкие шляхтичи, в большинстве своем бедные и чаще всего, безземельные, тем не менее, юридически были уравнены в правах с магнатами. В отличие от служилых дворян Московской Руси, обязанных нести государеву службу, шляхта считала ничем не обязана государству. Словом, и крупные магнаты, и мелкие шляхтичи, распоряжались жизнью и смертью своих подданных. Магнаты нередко вели между собой войны, а шляхта составляла рядовых бойцов магнатских разборок.

Понятно, что московские бояре, особенно потомки удельных князей, считавшие царя всего лишь одним из них, мечтали установить такие же порядки и в Москве. И именно в Литву бежали последние удельные князья Великороссии (Тверской, Рязанский), а затем Курб-

ский и другие противники Ивана Грозного. В период Смуты начала XVII века среди московского боярства нашлось весьма много предателей, желавших во имя своих узко боярских претензий расчленить Россию на мелкие княжества, и даже подчинить страну чужеземцами. Но в Московской Руси, к счастью, существовала самодержавная власть царя, опирающегося на служилое дворянство. И именно поэтому победителем в многовековом споре Москвы и Вильно оказалась именно Москва. Таков был результат многовекового исторического эксперимента.

Когда при Иване Грозном началась Ливонская война, Литва была после ряда поражений настолько ослаблена, что уже не могла существовать самостоятельно. Магнаты, однако, совершенно не желали присоединяться к Москве, понимая, что это будет означать конец их привилегий и самовластия. Они предпочли присоединиться к стране, в которой порядки были похожи на литовские.

В 1569 г. Литва как государство самоликвидировалась в результате еще одной, Люблинской, унии, составив с Польшей новое государство -- Речь Посполитую. Впрочем. Речь Посполитая страдала теми же болезнями что и Литва.

Правила страной постоянно раздираемая сварами магнатская католическая польская и ополяченная аристократия, считавшая единственно достойным шляхтича занятием безделье. После объединения с Польшей произошло окончательное окатоличивание и ополячивание почти всей аристократии. Еще недавно православные князья гедеминовой и рюриковой крови -- Ходкевичи, Тышкевичи, Вишневецкие, Острожские, Сангушко, Огинские, Сапеги, Чарторыйские, превратились в польскую аристократию, совершенно оттеснив на задний план польскую знать из коренных поляков. Из евреев состояла большая часть городского населения, занимавшаяся ростовщичеством, торговлей, содержанием кабаков. Кроме того, учитывая презрение благородных панов к работе, из евреев в основном были управляющими шляхетских имений, нещадно эксплуатировавшие православное крестьянское "быдло". Не случайно возникла поговорка: «Нет пана без Абрама».

Но если паны издевались лишь над телами белорусов, то католическая церковь пыталась вытравить из народа Белой Руси его русскую душу. Каких только ухищрений не придумывали в Ватикане с целью окатоличевания белорусов! Только католик мог занимать даже самые незначительные административные должности, получать образование в университетах и коллегиумах Речи Посполитой. Существовало множество оскорбительных для православных запретов и ограничений, одно

перечисление которых займет много места. Впрочем, все тоже самое, лишь с поправкой на технологические достижения конца XX в., существует в отношении русских в новоявленных постсоветских "государствах", и лишь Белоруссия составляет счастливое исключение. Вероятно, сильна у белорусов и их национальных лидеров генетическая память о тех временах, когда их предки были такими же "русскоязычными".

Видя, что просвещенные и имущие слои в Белой Руси почти полностью стали ревностными католиками, а простой народ упорно держится за православную веру отцов, Ватикан и его знаменитый Орден Иезуитов решили окатоличить белорусов не мытьем, так катаньем. С этой целью была создана существующая и поныне на Западной Украине т.н. греко-римская, или же униатская церковь, сохранившая большинство православных обрядов, но подчинившаяся Римскому Папе. Очередная, на сей раз церковная уния была провозглашена иерархами - вероотступниками на церковном соборе в Брест-Литовске в 1596 г.

Город Брест имеет печальную славу города, где трижды произошли события, раскалывавшие русское единство. В 1596 г. здесь была церковная уния, последствия которой мы воочию видим в Галиции, почти оторвавшейся от восточного славянства. В 1918 г. здесь был подписан большевиками Брестский мир с немцами, последствием которого была Гражданская война и появление ряда псевдо государств на территории прежней Российской Империи. И, наконец, в декабре 1991 г. трое президентов, собравшись в Беловежской пуще, недалеко от Бреста, провозгласили "роспуск" СССР (словно сверхдержаву можно распустить, подписав бумажку!).

Униатство так и не удалось сделать религией белорусов. Эту гибридную религию пытались навязать огнем и мечом два века подряд, но успехи польских панов были незначительными. Белорусы стойко сопротивлялись попытке «объуниатить» их. В 1623 году в Витебске в результате восстания горожан был убит чрезмерный поборник унии Иосафат Кунцевич. Впоследствии Ватикан канонизировал его как святого! В 1633 году в Полоцке было совершено покушение на такого ретивого архиерея униатов Семеву. Покушавшиеся были схвачены, но толпа горожан отбила их у стражников. Вот таким было отношение белорусов к унии! Впрочем, и южнее, на Украине, к униатам относились точно также. Запорожские казаки истребляли униатов любыми способами. Надо быть слабым на голову или быть украинским самостийником из Галиции, чтобы после всего этого считать унию «национальной верой».

Итак, Литовская Белая Русь, которая не была завоевана ни татарами, ни поляками, из-за национальной измены своей правящей элиты, усвоившей западные ценности в виде католицизма, польского языка и шляхетской вольности, превратилась в нищую закабаленную польскую провинцию. Не таков ли был бы удел всей Руси, вступи она на путь озападнивания и вхождения в "мировую (т.е. западную) цивилизацию"?

Еще одна проблема

Говоря о Белоруссии и ее истории, нельзя игнорировать и такую политически «скользкую» проблему, а именно – появление и жизнь в Белоруссии евреев. Учитывая, что в свое время Белоруссия имела самую большую концентрацию еврейского населения в мире, доходившего до 15% населения края, эту проблему нельзя игнорировать.

В древней Киевской Руси было некоторое количество иудеев из числа хазар. Впрочем, число их было незначительно и популярности они не имели. Киевский князь Святополк II (1093–1113 гг.), нуждаясь в деньгах, пригласил в Киев еврейских ростовщиков, которым дал на откуп налоги. В 1113 году, как только стало известно о смерти князя, в Киеве произошло восстание, в ходе которого киевляне расправляли с приближенными покойного князя и евреями. Владимир Мономах, став князем по воле киевского веча, немедленно выгнал за пределы Руси всех евреев. Правда, в ряде княжеств евреи сохранились.

По настоящему пресловутый «еврейский вопрос» возник только с началом массовой иммиграцией евреев в Великое княжество Литовское из Германии и Польши. В 1388 году князь Витовт даровал евреям, желающим поселиться в его владениях, важные привилегии. Евреи становились непосредственными подданными великого князя, платящими налоги в казну в обмен на защиту личности, собственности, свободу вероисповедания, общинное самоуправление и право заниматься ремеслами и торговлей. Сам Витовт, католик по вероисповеданию, покровитель православных, принимавший на службу татар-мусульман, из которых формировал конные отряды улан, видел в евреях купцов и ремесленников. Получив невиданные во всем тогдашнем мире льготы, евреи устремились в Литву. Большинство из них прибыло из Германии через Польшу, и именно поэтому языком евреев Белоруссии вплоть до XX века был идиш – искаженный немецкий. Еврейские фамилии также образованы на немецкий манер (Минскер, Пинскер, или Слуцкер). В скором времени в Великом княжестве Литовском и Польше стало проживать примерно половина евреев мира, причем значительная их часть проживала в Белоруссии. При этом евреи стали со-

ставлять весьма значительную часть населения городов Великого княжества.

Напомним, что в XIV–XVI вв. города играли огромную роль в жизни Белой и Малой Руси под скипетром Гедеминовичей. Казалось, дальнейшую эволюцию этих городов и государства в целом предугадать легко: города будут все дальше расти, становясь центром хозяйственной и культурной жизни, в них разовьется буржуазия и интеллигенция, усиление экономических связей приведет к появлению единого общенационального рынка и покончит с замкнутым миром отдельных регионов, что приведет к усилению централизованного абсолютистского государства, возникнет единый литературный язык, вытеснив местные говоры, а затем исчезнет крепостное право, по мере развития рыночных отношений и т.д. Но ничего подобного не произошло, хотя стартовые условия Великого Княжества Литовского были не хуже, чем во Французском Королевстве, не говоря уже о лапотной деревенской, измученной ордынским игом Москве.

Помимо ряда объективных и субъективных причин среди факторов, оказавшихся роковыми для истории западно-русских земель, можно смело назвать массовую эмиграцию евреев из Польши и Германии в Великое Княжество Литовское по приглашению князя Витовта. Сплоченное и организованное еврейство достаточно быстро вытеснило русское население почти из всех видов городской деятельности и экономически подчинило себе деревню, став арендаторами или управляющими большинства панских имений.

Поскольку религия запрещала верующим иудеям возделывать «землю изгнания», то понятно, что евреи в Белоруссии сельским трудом не занимались. Не случайно в основном евреи жили в городах или местечках – сельских населенных пунктах, жители которых, однако, не пашут землю. На государственную службу иудеев также не принимали, поскольку они не могли принести присягу верности христианскому государю. Зато христианство осуждает ростовщичество, которое напротив, очень уважаемое занятие у иудеев. Понятно, что именно ростовщичество, шинкарство, торговля, стали еврейскими занятиями в крае.

Результаты не замедлили сказаться. История Великого Княжества Литовского, а затем (после объединения его с Польшей) Речи Посполитой есть история политического распада, хозяйственной и культурной деградации, жесточайшей крепостнической эксплуатации, а также многочисленных народных восстаний против ополяченных феодалов и еврейских ростовщиков. Закономерен был конец Речи Посполитой, которую просто поделили соседи.

Государственная несостоятельность Литвы и Польши во многом была вызвана именно тем, что в этих странах, включая западно-русские земли, евреи фактически задушили зарождавшиеся городские средние слои. Задолжавшее и заложившееся еврейским кредиторам благородное шляхетство всю свою энергию тратило на дальнейшее ограбление своих крепостных, разоряя и их и тем самым свою страну.

Но вот что показательно. Став полновластным хозяином Белой и Малой Руси, в силу паразитизма ростовщического капитала и присущему многим еврейским предпринимателям стремлению присваивать чужое богатство, а не увеличивать производство, основная масса евреев этих земель жила в ужасающей бедности, скученности. В художественной литературе остались яркие описания убогого быта еврейских местечек Белоруссии и Украины. По мере разорения и обнищания края нищало и паразитирующее на нем еврейство.

Эпоха упадка

В XVII-XVIII столетиях, обратно пропорционально подъему Российской империи, Польша (точнее, Речь Посполитая), медленно, но верно деградировала. Жесточайший национальный, социальный и религиозный гнет вызвал сопротивление. Многочисленные восстания крепостных и казаков слились в грандиозное восстание под руководством Хмельницкого в 1648 году. После ряда лет кровавых боев на Переяславской Раде Малая Русь, или Украина (поскольку метрополия восточного славянства оказалась на окраине русского мира, ее стали называть Украиной) воссоединение с Россией. Русский царь Алексей Михайлович принял титул Царя вся Великия, Малыя и Белыя Руси. Это было не проявлением тщеславия монарха, а лишь означало то, что Москва теперь прочно претендует на собирание всех русских земель под своим руководством. Конечно, это еще не означало немедленного воссоединения. Началась русско-польская война.

Основные боевые действия шли на территории Белоруссии. Первоначально русские войска имели значительные успехи, овладев практически всей Белоруссией и взяв Вильно. Православное население всюду поддерживало русских. Один из католиков в частном письме ужасался: «Мужики молят Бога, чтобы пришла Москва».[3] Впрочем, вскоре последовали неудачи. В войну втянулись также шведы, воевавшие то с поляками, то с русскими. Одновременно воевавшие на стороне русских запорожские казаки, после смерти Хмельницкого, перио-

[3] «Витебская старина», 1885, ч.2, с 357

дически бунтовали, переходя на сторону неприятеля, превращая Белоруссию в сплошное «Гуляй-поле». Вместе с войной пришла эпидемия чумы, косившая население. В результате, в силу превратностей войны, по русско-польскому перемирию, заключенному в Андрусове в 1667 году, Россия получала лишь Левобережную Украину и Смоленск. Белоруссия осталась в составе Речи Посполитой. Впрочем, русский царь сохранил за собой титул царя Вся Руси, что означало, что Москва не отказывается от возвращения Белой Руси в состав общерусского государства.

Для самой Белоруссии эпоха 1648–1667 гг. стала временим величайшей демографической катастрофы. Достаточно сказать, что население Белоруссии сократилось на...53 %! Лишь к 1772 году население достигло прежней численности. Правда, часть сокращения населения Белоруссии пришла на массовое переселение в Россию. По некоторым подсчетам, в конце XVII века белорусы составляли до 20 % жителей города Москвы. Возможно, именно под влиянием белорусов московский говор великорусского языка обрел знаменитое «акание». Помимо Москвы, белорусские беженцы широко расселялись по всем пределам царства Московского.

Среди белорусских изгнанников в Москве были и просвещенные люди, оказавшие выдающееся влияние на развитие русской культуры. Среди них можно выделить одного из первых русских писателей и драматургов, политического теоретика самодержавной монархии и воспитателя царских детей – Симеона Полоцкого.

Мирское имя его не известно; Симеоном он наречен был в монашестве, а название Полоцкий присвоено ему впоследствии в Москве по месту его первоначальной службы. Родился в 1629 г. в Белоруссии. Учился в Киево-могилянской коллегии, потом принял монашество и стал дидаскалом братской школы в Полоцке. При посещении этого города в 1656 г. Алексеем Михайловичем, Полоцкому удалось лично поднести царю приветственные "Метры" своего сочинения. В 1664 г. он переехал в Москву. Царь поручил ему обучать молодых подьячих тайного приказа, назначив местом обучения Спасский монастырь за Иконным рядом. В 1665 г. Полоцкий поднес царю "благоприветствование о новодарованном сыне" и этим закрепил за собой благосклонность царя. По уполномочию восточных патриархов, приехавших в Россию по делу Никона, произнес перед царем «орацию» о необходимости "взыскати премудрости" (то есть усилить образовательные средства в государстве). По поручению церковного собора, обсуждавшего проблему никоновских реформ, Полоцкий составил опровержение сто-

ронников старых обрядов. В конце 1667 г. этот труд был напечатан и издан от имени царя и собора под характерным для того времени заглавием: "Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российской церкви, -- утверждения во утверждение колеблющихся во вере, - наказания в наказание непокоривых овец, – казнения на поражение жестоковыйных и хищных волков, на стадо Христово нападающих". Книга является типичным образцом схоластической риторики. Богословская эрудиция, хорошая по тому времени обработка формы, утонченная аргументация -- все это оказалось совершенно неубедительным для неискушенного ума "простецов", мало оценивших внешние литературные достоинства трактата и не нашедших здесь ответа на "сумнительства свои".

Хотя собор отозвался о труде Полоцкого с высокой похвалой, признав "Жезл" "из чистого серебра Божия слова, и от священных писаний и правильных винословий сооруженным", однако в нем оказалось немало точек соприкосновения с западными богословскими мнениями, что и было впоследствии отмечено одним из противников Полоцкого, чудовским монахом Евфимием, также белорусом .

С 1667 г. на Полоцкого было возложено воспитание царских детей, для которых он написал несколько сочинений: "Вертоград Многоцветный" (сборник стихотворений, предназначенный служить "книгой для чтения"), "Житие и учение Христа Господа и Бога нашего", "Книга кратких вопросов и ответов катехизических". В "Венце веры кафолической" Полоцкий сгруппировал всю сумму знаний, какие дали ему школа и чтение, начиная с апокрифов и кончая астрологией. В основу "Венца" положен апостольский символ, причем Полоцкий пользуется Библией по латинскому тексту Вульгаты, а при ссылках на церковные авторитеты охотнее всего цитирует западных писателей (блаженного Иеронима и Августина). Несомненно, что в свое время "Венец" должен был привлекать читателей занимательностью и новизною. Своим независимым положением при дворе Полоцкий воспользовался в целях возрождения давно угасшей в Москве живой церковной проповеди, взамен которой тогда господствовало чтение святоотеческих поучений. Хотя проповеди Полоцкого (числом более 200) представляют собою образец строгого выполнения гомилетических правил, однако в них не упущены из виду и жизненные цели. Это было в тогдашнее время явлением невиданным и не осталось без благотворительных результатов для церковной жизни. Проповеди Полоцкого изданы уже после его смерти, в 1681–1683 гг., в двух сборниках: "Обед душевный" и "Вечеря душевная". Велеречивые силлабические стихи Полоцкого, полные ри-

торических оборотов, были чем-то неизвестным в Москве. Стихотворные опыты Полоцкого оказали влияние на «высокий штиль» русской поэзии XVIII века. Кроме стихотворного переложения Псалтири (издано в 1680 г.), Полоцкий написал множество стихотворений (составивших сборник "Рифмологии"), в которых воспевал разные события из жизни царского семейства и придворных, а также множество нравственно-дидактических поэм, вошедших в "Вертоград Многоцветный". Полоцкий написал также две комедии для зарождавшегося театра: "Комедия о Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех в пещи не сожженных" и "Комедия притчи о Блудном сыне"; особенным успехом пользовалась последняя.

Значение Полоцкого должно быть измеряемо не количеством написанного им; гораздо важнее то влияние, которое оказала на московскую жизнь кипучая деятельность его. Явившись в Москву проводником идей, воспринятых в киевской коллегии, Полоцкий служил живым и активным отрицанием той косности и неподвижности, в которой застывала московская церковная жизнь. Не успокаиваясь в сфере житейских удобств, какие давало ему положение воспитателя царских детей, он не переставал словом и делом ратовать за распространение образования, обогащая по мере сил московскую книжность почерпнутыми в Киеве из западных источников сокровищами знания. Его деятельность встречала глухую вражду со стороны представителей церковной власти и ее приспешников; но высокое положение Полоцкого делало его неуязвимым. Полоцкий умер в 1680 г. и похоронен в Заиконоспасском монастыре. После его смерти были изданы его труды: "Тестамент Василия, царя греческого, сыну своему, Льву Философу" и "История или повесть о житии преподобного Варлаама и о Иоасафе, царевиче индейском". Сборники его стихотворений остались неизданными; впоследствии напечатаны из них лишь отрывки. Вероятно, большинство произведений Симеона не сохранились.

Но если в Москве белорусы, благодаря своему высокому уровню образования и знакомству с западными реалиями, оказали значительное воздействие на культурные процессы в России накануне петровских реформ, то в самой Белоруссии после 1667 года наступил век упадка.

После страшных опустошений военной поры, что привело к массовому закрытию русских школ, гибели или выезду в Москву просвещенных людей, способных противостоять ополячиванию и навязывания унии, в Белоруссии установилось полное господство польских панов и униатской церкви. Произошло окончательное ополячивание

практически всех слоев магнатства и шляхты, а также большинства мещан (городских жителей христианского вероисповедания). С 1673 году в шляхетское сословие могли быть приняты только католики. В городах только католики могли заниматься большинством прибыльных ремесёл. В результате оставшееся городское христианское население переходило в католическую веру. В Вильно православных осталось 20% жителей, остальные христиане стали католиками, хотя в основном продолжали пользоваться местным вариантом русского языка.

Католики построили множество великолепных костелов и католических монастырей, многие из которых сохранились дол наших дней. И все же белорусская деревня упорно держалась за веру предков, пусть даже в извращенном униатском варианте.

Сам русский язык Великого княжества (или старобелорусский), на котором еще недавно существовала богатая художественная, научная литература и деловые записи, исчез из обращения, превратившись в крестьянские говоры, поскольку с 1697 года единственным государственным языком был объявлен польский. (Католическая церковь продолжала пользоваться латынью).

Католики-поляки, как и положено ренегатам (этот термин – не ругательство, а обозначает все го лишь человека сменившего веру), постарались вытравить из памяти само понятие «Белая Русь». В XVIII веке за краем утвердился официальный термин «Литва». (За собственно Литвой утвердился термин Самогития, то есть латинизированное название Жемайтии, или Жмуди). Впрочем, в народной памяти все равно сохранились красивое слово Беларусь, несмотря на то, что эта Белая Русь уже не была прежней свободной, Белой Русью.

Ослабленная Речь Посполитая продолжала терпеть военные поражения. В годы Северной войны (1700–1721 гг.) Белоруссия опять стала театром военных действий и жертвой массовых эпидемий. Население Белоруссии, не восстановившееся по численности с середине XVII века, теперь вновь уменьшилось на 800 тысяч человек – на треть довоенной численности! В начале XVIII века на земле Белой Руси жило меньше жителей, чем в эпоху Киевской Руси!

В 1738 году власти Речи Посполитой провели люстрацию (перепись населения и хозяйства). Данные люстрации фиксировали страшные опустошения края. Города и деревни пустовали. Сельские жители почти не имели скота и сельхозинвентаря. Обширные территории обезлюдели и заросли лесом. Исчезли сотни населенных пунктов. Монета обесценилась, и магнатские поместья перешли к натуральному хозяйству.

При этом, в отличие от Московской Руси, достаточно быстро восстановившейся после потрясений Смуты начала XVII века, Белая Русь под игом предавшей свою веру и язык магнатской и шляхетской олигархии, продолжала деградировать. Если в эпоху Киевской и Литовской Руси, как уже не раз говорилось, в этих землях процветали многолюдные богатые самоуправляемые города, то теперь проходила аграризация экономики. Численность городского населения сокращалась не только в результате военных действий и эпидемий, но и из-за упадка всего хозяйства Речи Посполитой. Проходило форменное бегство населения из городов. Численность населения большинства городов в первой половине XVIII века уменьшилось от 30% до 75% (!). Магдебургское самоуправление стало фикцией и было отменено за ненадобностью. Ремесла и торговля пришли в упадок. Городской образ жизни стал чем-то забытым. Сохранившиеся города Белоруссии стали еврейскими местечками, в которых проживало небольшое количество ремесленников - католиков.

А господствующая польская знать продолжала веселиться, причем ничего более умного, как с шумом пропить свои богатства, в голову благородных панов не могло прийти в голову. Польские графы и князья были завсегдатаями всех парижских и итальянских борделей и рестораций, тратя громадные суммы на свои прихоти. Большая часть импорта Речи Посполитой приходилась на предметы роскоши. Впрочем, как и положено новообращенным католикам, знать Речи Посполитой была едва-ли не главным спонсорам Ватикана. Пожертвовать миллион римскому монастырю или построить костел даже там, где нет католиков – это было чем-то вроде само собой разумеющимся для любого, в том числе нищего, шляхтича, живущего где-нибудь в глухой полесской деревне.

Чем хуже становились дела, тем с большим упорством ренегаты магнатского и шляхетского сословия преследовали православных. В 1720 году в годе Замостье состоялся собор униатской церкви, который провозгласил унию единственной законной церковью греческого обряда. Это означало, что Православие официально поставлено вне закона. Униаты, пользуясь поддержкой властей, захватили 128 церквей и монастырей, которые оставались верны предков. Далее, в 1733 году шляхтичи православного вероисповедания, были лишены права быть депутатами сейма и занимать все должности в Речи Посполитой. Это означало ликвидацию православного шляхетства как класс. Последним православным шляхтичам оставалось или принять католицизм, или превратиться в крестьян.

К XVIII веку в Белоруссии православная шляхта осталась в незначительном количестве лишь вдоль границы с Российской империи (польские власти опасались слишком давить на пограничников), а также под Слуцком. Но упорные белорусские крестьяне сохраняли исконную веру.

Православные в ту эпоху не имели права занимать государственные должности. Все церковные требы — крещения, браки, похороны совершались только с разрешения католического ксендза. А жили белорусы, по описанию польского литератора тех времен Сташица, так: *"Я вижу миллионы творений, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или сермягой; все они высохшие, обнищавшие, обросшие волосами... Наружность их с первого взгляда выказывает больше сходства со зверем, чем с человеком... пища их — хлеб из непросеянной муки... А в течение четверти года — одна мякина..."*

Разумеется, такое уродливое государство было обречено. Поднимавшаяся Российская империя рано или поздно должна была соединить под своим руководством историческую Россию.

И произошло это в конце XVIII века, в царствование Екатерины Великой.

Часть III. «Отторгнутое возвратих»

Когда на российский престол взошла Екатерина II, то она, будучи немкой по происхождению, все же немедленно приступила к защите всех русских, живущих за пределами Российской империи. Под давлением русского посла в Варшаве в 1768 году проживающие в Речи Посполитой «диссиденты» то есть все некатолики – православные и протестанты, получили было равенство прав с католиками. Это справедливое требование было одобрено польским сеймом.

Но тут вмешалась такая своеобразная сила, как польский шляхетский гонор. В свое время один неглупый немец по имени Фридрих Энгельс отметил, что удел поляков в истории – смелые глупости. Почти все, о чем писал теоретик коммунизма Энгельс, было ошибочным, но вот в отношении поляков он оказался совершенно прав. Один из примеров такой польской глупости, и одновременно показателем того, что по польски именуется «свободой», было то, что произошло в 1768 году. Группа магнатов и шляхты собралась в городе Бар (в Подолии), и подняли мятеж против уравнения прав католиков и православного быдла. Созданная мятежниками барская конфедерация быстро втянулась в войну с Россией. Конфедераты надеялись на то, что Россия, связанная войной с Турцией, не сможет защитить своих соплеменников и единоверцев. Но тогда была Российская империя, а не Российская Федерация. Екатерина II послала в Польшу войска, которые разгромили барских конфедератов и добились утверждения равенства прав православных. Кстати, в войне с барскими конфедератами отличился русский офицер по имени Александр Васильевич Суворов. Именно на той войне он получил чин генерала. Решающую победу над конфедератами Суворов одержал при Столовичах (недалеко от Барановичей), 12 сентября 1771 года, разгромил литовского гетмана М. К. Огинского.

После поражения конфедератов последовал первый раздел Речи Посполитой. Вообще-то Россия хотела сохранить Польшу в прежних границах, рассчитывая превратить ее в вассальное государство. Однако Пруссия и Австрия, соседи Польши и союзники России, требовали разделить нежизнеспособную Польшу. В результате, Польша, покоренная русскими войсками, уступила части своей территории. России отошли восточные земли современной Белоруссии до Днепра.

Благодаря усилению русского влияния в оставшейся части Польши, Россия могла твердо защищать интересы православных в Белоруссии и правобережной Украине. И, что самое поразительное, в Бе-

лоруссии как-то сразу появились выдающиеся деятели, ставшие духовными лидерами народа, благодаря которым и стало возможным воссоединение Руси.

В XVIII веке в Белоруссии почти не осталось образованных православных белорусов. Немногочисленные учебные заведения принадлежали католической церкви или униатам, усердно пытавшихся выжечь всякое русское самосознание. Но все же и в таких неблагоприятных условиях нашлись народные вожди. Несомненно, самым выдающимся белорусом XVIII века можно считать Георгия Конисского (1717 –1795 гг.).

Образованный священнослужитель (в миру Григорий Осипович) - известный проповедник и поборник православия в борьбе с унией. Учился он в киевской духовной академии. В 1754 году, по настоянию императрицы Елизаветы Петровны, назначен епископом Белорусским. В условиях государственного упадка Польши Россия смогла, наконец, поддерживать православных в пределах Речи Посполитой. Он устроил духовную школу "для острейших детей", открыл типографию, отстраивал церкви, надеясь, что вскоре *"малая ладийца" белорусская доживет до общерусского "великого корабля"*. С восшествием на престол Екатерины II Конисский подал ей жалобу, где указывал на тяжелое положение в Польше православных, и, присутствуя лично при ее коронации, просил у нее заступничества. Синод хотел поручить ему управление Псковской епархией, но Екатерина справедливо нашла, что он "нужен в Польше". В 1765 году Конисский отправился в Варшаву и подал королю Станиславу мемориал: "Права и вольности исповедывающих греко-восточную веру", переведенный затем на многие европейские языки, как образец защиты веротерпимости. После первого раздела Польши Конисский хлопотал о воссоединении униатов с православием. Рескрипт 1780 года дал ему возможность, после опроса прихожан о желании перейти в православие, присоединить к православной церкви вакантные униатские приходы. За четыре года перешло в православие до 100 000 человек. В своих проповедях он обличал не только индивидуальные пороки и грехи, но и социальные язвы, особенно лихоимство и злоупотребление помещичьей властью, а также свободомыслие во вкусе Вольтера и энциклопедистов. Как оратор, Конисский особенно известен своей речью Екатерине II, произнесенной в Могилеве в 1787 году: "оставим астрономам доказывать" и т. д. Впрочем, Конисский был также и талантливым писателем. Из литературных произведений Конисского пользовались популярностью трагикомедия о "Воскресении мертвых", многие интермедии, стихотворения и надписи в схола-

стическом духе. Он издал: "Историческое известие о епархии Могилевской" и написал "Записки о том, что в России до конца XVI столетия не было никакой унии с Римской церковью".

Упорная борьба за человеческие права православных не привели к серьезному успеху – польское шляхетство было не способно поставить вровень с собой схизматика. Впрочем, может быть, в историческом смысле это было к лучшему. Просто в Петербурге поняли, что самым лучшим способом защиты единоверцев будет политическое воссоединение Руси, благо Речь Посполитая деградировала окончательно.

В конце концов, нежизнеспособное государственное образование Речь Посполитая было просто поделено между соседями. Однако из этого вовсе не следовало, что Польша была уже совершенно бессильна. Речь Посполитая была громадным по территории государством, уступавшим в Европе по размерам только России (но ведь основная часть российских территорий и в то время приходилась на почти незаселенные сибирские и северные замерзшие земли). Восточные границы Речи Посполитой проходили по Днепру и Западной Двине. По населению Речь Посполитая занимала 3-е место в Европе после России и Франции. Впрочем, Россия обогнала по численности подданных Польшу только в середине 18 столетия. Хотя польская армия была небольшой по численности, но основу вооруженных сил Речи Посполитой составляло шляхетское ополчение. С детства привыкшие к коню и оружию, преисполненные гонора шляхтичи были серьезной военной силой. В восстаниях конца 18 века и в наполеоновскую эпоху под польскими знаменами сражались многие десятки тысяч человек.

Другое дело, что сама по себе Речь Посполитая была изначально слаба изнутри. Вспомним, основную часть жителей Речи Посполитой составляли православные русские. Испытывавшие жесточайшую национальную и религиозную дискриминацию и дикий крепостной гнет, русские всегда были готовы восстать против панов. Помимо этого, ясновельможные польские паны не желали заниматься даже ведением помещичьего хозяйства. Истинный шляхтич предпочтет умереть с голода, но не опозорить себя физическим трудом. Управляющими шляхетскими имениями были евреи. Впрочем, в западной части собственно Польши большинство горожан составляли немцы. Так что в Речи Посполитой крестьянство было на положении рабов, большая часть из которых к тому же относилась еще к угнетенному православному большинству, буржуазия была представлена евреями, средний слой состоял из немцев. Зато почти 10% населения были задиристые шляхтичи. Как видим, Польша была слаба как государство, но представляла собой

серьезного военного противника. Именно это мы должны учитывать, вспоминая о подвигах суворовских «чудо-богатырей», сражавшихся в полесских лесах и на подступах к Варшаве.

В 1791 году, под влиянием Французской революции, в Речи Посполитой была принята конституция, провозгласившая создание унитарного государства с сильной королевской властью, то это встревожило и соседей Польши, и православное большинство Речи Посполитой. Впрочем, многие польские магнаты также были недовольны концом «золотой вольности». Они создали Тарговицкую конфедерацию и обратились за помощью к России. В Петербурге сочли, что настало время разрешить польский вопрос.

В мае 1792 года русские войска перешли границу. 11 июня русские одержали победу под городом Мир, 3 июля – под Зельвой, 10 июля – под Мстибовым, 23 июля – под Брестом. Были взяты Вильно, Браслав, Бобруйск, Несвиж, Слоним, Новогрудок, Гродно. В целом русские после короткой военной кампании, заняли значительную часть территории этой страны. И стало ясно, что дни Польши сочтены.

Весной следующего года победители осуществили второй раздел Речи Посполитой. Россия получала среднюю Белоруссию и правобережную Украину, Пруссия – западные земли собственно Польши, где, впрочем, часть населения составляли немцы. Созванный в городе Гродно польский сейм молчанием одобрил этот раздел. Магнаты и шляхта успокоились было тем, что незыблемость их феодальных прав на землю и личность крепостных крестьян были гарантированы державами-победительницами.

Однако, как только стало известно, что в отошедших к России бывших польских территориях вводятся общероссийские законы, по которым резко ограничивалась шляхетская «золотая вольность», то польские помещики всполошились. Русское самодержавие, хотя и признавало крепостное право, но запрещало помещикам казнить крепостных, вести между собой войны, создавать конфедерации. К тому же в варварской России любой подданный, даже самого низкого происхождения, занявший определенный классный чин по «табелю о рангах», автоматически становился дворянином, ставшим вровень с родовитой шляхтой. Да, такое покушение на «свободу» было нестерпимым, и шляхтичи стали готовить мятеж. Католическая церковь, резонно опасавшаяся за падение своего влияния и за свои доходы, поскольку немедленно началось возвращение в лоно православия многих бывших униатов, вдохновляемых деятельностью Конисского, стала подстрекать шляхту к восстанию за Речь Посполитую.

Весной 1794 года обстоятельства благоприятствовали полякам. Пруссия и Австрия терпели поражение за поражением от войск революционной Франции. Россия только недавно завершила войны с турками и шведами, и нуждалась в передышке. Впрочем, новая война с турками еще несколько лет была для России вполне возможной. Неслучайно Суворов в 1793 году разрабатывал план новой кампании против Османской империи. Значительная часть русских войск стояла в южных губерниях в ожидании похода на Константинополь.

В марте 1794 года начался польский мятеж. Во главе его стоял Т. Костюшко. Выходец из старинного русского волынского дворянского рода, принявшего католичество, Костюшко, как и положено ренегату, был яростным русофобом. Впрочем, возможно это объяснялось также и тем, что отец Костюшко был убит восставшими крепостными на Украине. Однако нельзя отрицать военные и особенно организаторские способности Костюшко. Поляки заняли Краков, в котором было создано повстанческое правительство во главе с Костюшко. Выпущенный в Кракове Акт Восстания провозгласил восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. Русские войска, застигнутые восстанием врасплох, потерпели поражение под Рацлавицами.

В апреле 1794 года восстание началось в Варшаве. В день католической пасхи польский «высший свет» столицы пригласил всех русских офицеров на бал, где они были арестованы. Одновременно мятежники напали на ничего не подозревавших русских солдат, оставшихся без командиров. Произошла настоящая резня, в которой погибли несколько тысяч русских. Подобные события произошли и в Вильно. Разумеется, в те времена Россия не оставляла без последствий подобные деяния в отношении своих соотечественников. Возмездие последовало немедленно.

Екатерина II послала в Польшу войска под командованием Дерфельдена, который занял восточную Польшу с Люблином, и фельдмаршала Репнина, действовавшего в Литве и взявшего Вильно. Но поляки еще были сильны. Летом 1794 года пруссаки под командованием самого короля Фридриха Вильгельма отступили из-под самой Варшавы. Австрийские войска, заняв ряд польских городов, фактически приостановили боевые действия.

Однако все резко изменилось, когда в сентябре на фронт прибыл Суворов. Его осенняя кампания в Польше была такой стремительной и безупречной, как и все остальные его походы. Суворов разбил ряд польских военачальников под Кобрином и Брестом. Тем временем другой русский генерал, Иван Ферзен, разгромил и взял в плен самого Костюшко.

Суворов стремительно подошел к Варшаве. Его обороняли 20 тысяч человек под командованием генерала Зайончека. Суворов имел 22 тысячи солдат, но его совершенно не смутила незначительность перевеса наступающей стороны. 24 октября (4 ноября) Суворов штурмом взял варшавское предместье на правом берегу Вислы – Прагу. Сражение за Прагу было очень упорным и кровопролитным, русские солдаты, помня о резне своих товарищей полгода назад, пленных не брали. Потеряв убитыми половину личного состава, польские войска, капитулировали. В плен попали 11 тысяч солдат и 18 генералов. Это означало конец мятежа. 26 октября (6 ноября) суворовские солдаты вошли в поверженную столицу. На другой день с Польшей было покончено.

Таков был реванш России за сожжение Москвы в 1611 году. Но вот что показательно. Суворов не только не стал сжигать Варшаву, но и фактически спас город от пожара, вызванного артиллерийским обстрелом Праги. Чтобы не допустить распространения пожара на другой берег Вислы, где находилась Варшава, Суворов приказал разрушить деревянный мост через реку, чтобы сбить пламя. Всех сдавшихся в плен Суворов отпустил под честное слово. Польским раненным была оказана медицинская помощь. Разумеется, в суворовских войсках не было никакого мародерства и покушений на жизнь и собственность мирных обывателей. Великодушие – удел сильных!

Сообщение о взятии Варшавы Суворов отправил Екатерине П в характерной для него сжатой форме. Оно состояло из трех слов: «Ура! Варшава наша!». Впрочем, императрица ответила ему двумя словами: «Ура, фельдмаршал!». Долгожданный жезл фельдмаршала Суворов получил именно за польскую кампанию 1794 года.

Еще многие десятилетия спустя старые суворовские солдаты носили с гордостью серебряную медаль «За труды и храбрость при взятии Праги». Офицеры – участники штурма, получили золотой крест с надписью «За труды и храбрость». В польской кампании отличились многие будущие полководцы 1812 года, в том числе П. И. Багратион, М. Б. Барклай-де-Толли, П. П. Коновницын, А. П. Ермолов, Н. А. Тучков, Л. Л. Бенигсен, и многие другие.

В октябре 1795 года Речь Посполитая была разделена в третий раз, и ликвидирована как государство. Большая часть восточного славянства (кроме Галиции, прежней Галицкой Руси, отошедшей к Австрии), была воссоединена.

В Петербурге по случаю победы и воссоединения Руси была отчеканена медаль с надписью: «Отторгнутая ненавистью, возвращенная любовью». В целом, соответственно церконо-слаявянскому языку, по-

литика Екатерины II звучала так: «Отторженные возвратих!». За длительное царствование Екатерины II Великой, на фоне выхода к Черному морю и прочим политическим достижениям, именно воссоединение всех тех ветвей русского народа может считаться самым выдающимся достижением эпохи.

Вновь «старый спор славян»

Не надо думать, что после воссоединения Белоруссии с Российской империей все сразу пошло замечательно. Нет, все было не так, как в романах Диккенса, где все герои обнимаются, плача от умиления. Многовековое раздельное существование Великой и Белой Руси, и господство в последней резко враждебной России польской католической элиты, невероятно осложняли естественный процесс слияния. Польское шляхетство не оставило надежды на восстановление прежнего, столь любезного ей порядка Речи Посполитой. По иронии истории, вековечный спор за Белоруссию России с Польшей принял особенно острый и кровавый характер именно после исчезновения Польши с политической карты мира.

В Петербурге достаточно долго предпринимали попытки привлечь шляхту на свою сторону. Почти все магнаты и шляхтичи получили равенство в правах с российским дворянством. Многие магнаты сделали в Петербурге карьеру. Так, первым министром иностранных дел России после создания этого министерства стал князь Адам Чарторыйский. Лукавый князь, потомок старинного русского рода, который, впрочем, уже 200 лет католическим, пользуясь дружбой с императором Александром I, стремился постепенно воссоздать Польшу в прежних границах.

В белорусских губерниях (а также на правобережной Украине) языком делопроизводства оставался польский, в руках католической церкви оставалось вся система просвещения, а законы основывались на Литовском Статуте 1588 года.

Впрочем, основным фронтом русско-польского противостояния была культура и образование. В национальных окраинах Российской империи сохранялись местные особенности в организации школьного дела. Хотя нередко это только способствовало повышению общей культуры местного населения, но во многих случаях местная система просвещения способствовала региональному сепаратизму, воспитывая в местных жителях антирусские настроения. Это особенно сильно проявлялось в западных губерниях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, где вплоть до пореформенных времен местное образование

находилось в руках католической церкви, воспитывавшей в местных белорусах и украинцах русофобию и «полонизм». В Белоруссии и правобережной Украине до 30-х гг. XIX русских школ не было вовсе. Доходило до таких парадоксов, как использование польского языка в качестве языка преподавания в православных духовных семинариях на правом берегу Днепра. В первой половине XIX века для украинца и белоруса получение образования означало принятие католичества и ополячивание. Не случайно через несколько десятилетий после падения Польши ополячивание восточных славян шло несравненно более быстрыми темпами, чем за несколько веков пребывания в составе Речи Посполитой. Из числа ополяченных восточных славян и литовцев вышел целый ряд вождей польского националистического движения и большинство деятелей культуры. «Полонизм» был привлекателен и для многих русских дворян в западных губерниях.

Деятель просвещения на Украине М. В. Юзефович вспоминал, что в царствование благоволившего полякам Александра I целый ряд русских помещиков на Киевщине принял католичество, что в тех условиях означало и ополячивание. Польские католические учебные заведения в западных губерниях долгое время пользовались покровительством официального Петербурга. Центром польской культурной пропаганды стал Виленский учебный округ, попечителем которого долгое время был А. Чарторыйский. Уже в 1803 г был открыт Виленский польский университет (в самой Варшаве свой университет был создан в 1817 г). В 1805 г был также создан Кременецкий лицей, превратившийся в центр польского национализма на Украине. В польских школах, вузах, книгах и газетах, открыто велась пропаганда восстановления Речи Посполитой в границах, далеко отстоящих от этнографической Польши. При этом в польско-католическом духе воспитывались молодые поколения местного русского (малорусского и белорусского) населения. В своих мемуарах А. Чарторыйский, говоря о своей деятельности на посту попечителя Виленского учебного округа, честно признавал: «Несколько лет спустя вся Польша (имелись в виду белорусские и украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов, – авт.) наполнилась училищами, в котором польское национальное чувство могло совершенно спокойно развиваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император ему великодушно ему покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие на народное образование, которому я дал нацио-

нальный характер»[4]. Таким образом, высокий уровень образования в западных губерниях только способствовал подрыву российского влияния в крае.

Впрочем, при любой возможности ополяченные потомки ренегатов пытались силой оружия вернуть себе всю власть над православным быдлом. В 1812 и 1830 гг. эти попытки были предприняты. Когда Наполеон вторгался в России, то ближайшими его союзниками было польское шляхетство. И после разгрома этого претендента на мировое господство польские попытки захвата прежних своих «крэйсов посходных» (восточных окраин) Речи Посполитой предпринимались вновь. И в 1830 году началась война.

История России переполнена войнами. Но есть в их числе и такие, которые остаются неизвестными многим поколениям русским людей. Поразительно, но историю русско-польской войны 1830–31 гг., одной из самых тяжелых и кровавых в XIX столетии, игнорировали (впрочем, не по собственной воле), исследователи и царской, и советской, и современной «российской» эпохи. Если чего-то и узнает старательный студент о польской кампании тех лет, то это только о «польском восстании», лозунге «за нашу и вашу свободу», а также о том, что «передовая общественность» России сочувствовала восставшим полякам. О позиции в той войне Пушкина и большинства других деятелей русской культуры (видимо, недостаточно «передовых»), мало знают даже узкие специалисты в области культурологии и истории. Впрочем, те, кто получили образование в советские времена, как ни парадоксально, знают о той войне чуть больше, правда, исключительно потому, что Маркс часто упоминал о польском деле.

Но не надо считать, что до большевизма русские люди знали о той войне. Во времена Российской империи об этой войне стеснялись вспоминать. Во-первых, в России всегда старались не вспоминать о мятежах и внутренних конфликтах (ведь усмирение бунта в Царстве Польском полностью относилось к ним). Большинство поляков были лояльными подданными всероссийского императора, который, напомним, был также царем Польским, и поэтому в России старались не оскорблять национальные чувства поляков. Во-вторых, в условиях самодержавной монархии некорректно было вспоминать поведение Наместника в Польше, Великого Князя Константина Павловича. И вот стала польская война 1830–31 гг. для русских поистине неизвестной. Но, думается, будет преступно забывать о ратных подвигах наших предков. Тем более, что и стыдиться нам нечего. Та война была всего лишь оче-

---

[4] Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003, с. 141

редной агрессией с Запада. Отражая эту агрессию, русские солдаты продемонстрировали образцы мужества и героизма, наши военачальники показали примеры полководческого дарования, а политическое руководство России во главе с императором Николаем I проявило стойкость и понимание всех стоящих перед страной проблем.

Причины войны 1830-го года крылись не только в довоенных событиях. На чисто политические и военные обстоятельства наложили тяжелый отпечаток последствия русско-польских отношений минувших веков, позиция католицизма в отношении православной России, и, наконец, специфика польского менталитета. Поразительной особенностью поляков не только того времени, но, пожалуй, и современности, можно считать граничащее с патологией стремление захватить земли на востоке. Даже когда Польша бывала восстановлена в своих этнических границах, польские лидеры немедленно превращали земли собственно Польши в плацдарм для вторжение в Россию. И предистория 1830-го года не составляет исключения.

Польша (точнее, Речь Посполитая) была, напомним, разделена в три приема в конце XVIII века, причем Россия при разделе вернула себе лишь исконные земли Малой и Белой Руси. Показательно, когда польские деятели в 1795 году, когда Речь Посполитая прекратила существование, предлагали Екатерине II принять титул королевы Польши. Но российская императрица отвечала: «При разделе я не получила ни пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Русью...не получив ни пяди польской земли, я не могу принять и титул королевы польской».

Собственно Польша, доставшаяся Австрии и Пруссии, была восстановлена Наполеоном в 1807 году в своих этнических границах в виде Герцогства Варшавского. Французский император использовал восстание поляков в тылу германских государств, и подарил Польше относительную независимость. Но ведь Наполеону пришлось иметь дело с поляками. Иметь государство, ограниченное лишь этническими границами расселения польской нации, было для надменных шляхтичей оскорблением. Чуть-ли не смыслом существования Герцогства Варшавского стала подготовка похода в Россию с целью возвращения «Забранного края» (так стали поляки называть западные губернии России, входившие ранее, до начала разделов в 1772 году, в состав Речи Посполитой). Разумеется, все это вполне устраивало Наполеона. Он понимал, что поляки будут ему верны, надеясь с помощью его Великой армии отобрать у России прежние восточные «крейсы» (окраины).

Но даже сам Наполеон был удивлен прытью поляков, умолявших отправиться войной на восток. Бравый генерал Михаил Сокольницкий в начале 1812 года подал рапорт Наполеону, в котором говорилось: «поляки все готовы пролить кровь за Наполеона...что бы освободить человеческий род от России...и навсегда преградить дорогу в Европе для империи Тьмы». И в июне 1812 года, начиная вторжение в Россию, в приказе по армии по случаю начала войны, Наполеон объявил: «Вторая польская война началась»! (Первой польской войной Наполеон называл войну 1806–1807 гг. против Пруссии и России, закончившуюся Тильзитским миром).

Чем закончилась война 1812 года, навсегда вошедшая в историю как Отечественная война, а не ни какая-то «польская», хорошо известно. В этой войне часть белорусской шляхты поддерживала французов, надеясь на восстановление Речи Посполитой. Кроме того, на оккупированных территориях Литвы и Белоруссии, спешно провозглашенных «Великим княжеством Литовским», Наполеоном были сформированы воинские части из местных поляков и литовцев общей численностью около 20 тыс. человек, в том числе и 3-й уланский полк императорской Конной гвардии.

Но крестьянство Белоруссии ответило захватчикам партизанской войной. В результате боевых действий, и неизменных спутников войн – голода и эпидемий, погибло около миллиона жителей Белоруссии. А ведь это была четверть населения края!

Однако Россия проявила невиданную милость к поверженному союзнику своего главного врага. На территории большей части прежнего Герцогства Варшавского было создано Царство Польское. Это было независимое государство, имевшее свою конституцию, армию, денежную систему и все прочие атрибуты государственности. Единственное, что связывало Царство с Россией, была личная уния – самодержавный император Всероссийский был одновременно конституционным Царем Польским. В качестве Наместника русского императора в Варшаве пребывал Великий Князь Константин Павлович. В 1831 году, в беседе с французским послом император Николай I с горечью перечислял все, что имела Польша под скипетром Романовых: «...покойный брат мой (Александр I) осыпал благодеяниями королевство Польское, а я свято уважал, все им сделанное. Чем была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда в 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здесь превосходные пути сообщения, вырыли каналы в главных направлениях. Промышленности не существовало в этой стране; мы основали суконные фабрики, развили разра-

ботку железной руды, учредили заводы для ископаемых произведений, которыми изобилует страна, дали обширное развитие этой важной отрасли народного богатства. Я расширил и укрепил столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ее новых продуктов возбудило даже зависть моих других подданных. Я открыл подданным королевства рынки империи; они могли отправлять свои произведения далеко, до крайних азиатских пределов России... Император Александр восстановил название королевства Польского, на что не решился даже Наполеон. Брат мой оставил за поляками народное обучение на их национальном языке, их кокарду, их прежние королевские ордена, Белого Орла, Святого Станислава и даже тот военный орден, который они носили в память войн, ведомых вами и против нас. Они имели армию, совершенно отдельную от нашей, одетую в национальные цвета. Мы наделили их оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали им не только то, что удовлетворяет все их интересы, но и что льстит страстям законной гордости...».[5]

Но польские магнаты и шляхты не ценили эти благодеяния. И причина заключалась не в том, что польской национальной гордости было неприятно иметь монархом иноземца. В конце концов, более 400 лет Польшей правили чужеземные династии – литовские Ягеллоны, шведские Ваза, саксонские Веттины. Нет, главная причина недовольства польской знати заключалась в том, что «Забранный край» оставался в Российской империи. И именно борьба за Белоруссию и Правобережную Украину и составляла суть всех польских претензий.

Первоначально польские деятели пытались использовать доброжелательность и идеализм Императора Александра I. Под влиянием друга молодости, бывшего министра иностранных дел Российской империи, князя Чарторыйского, Александр I в 1819 году собрался было присоединить к Царству Польскому западные российские губернии. Но тут вмешался великий русский историк Н. М. Карамзин.

Карамзин высказал царю свое «Мнение русского гражданина», назвав так поданную императору записку, осудив ошибочный курс Александра I-го в отношении Польши и западных губерний России. Намерение царя восстановить Речь Посполитую вместе с ее прежними владениями в Белоруссии и Правобережной Украине подрывало территориальную целостность Российской империи, разрывало только недавно, при Екатерине II-ой достигнутое политическое единство Великой, Малой и Белой Руси. В довершение всего Россия своими руками создавало заведомо враждебное отношение к себе со стороны других

[5] Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн 2. М, 1997, с. 350 - 352

государств-участников раздела Польши в конце XVIII в., вряд ли при этом надеясь надолго обеспечить себе дружественные чувства восстановленной Польши.

Карамзин был одним из самых ярких критиков замысла своего монарха. Его записка «Мнение русского гражданина», написанная 17 октября 1819 г. и прочитанная им в тот же вечер императору, произвела на последнего сильное впечатление.

В том, что Польша в границах 1772 г. не была восстановлена - большая заслуга Карамзина. Впрочем, сам историограф не переоценивал свою роль в этом деле: «Россия удержала свои Польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения спасли Александра от дела, равно бедственного и несправедливого».

Потерпев неудачу при Дворе, польские деятели установили контакты с тайными обществами декабристов. И опять единственное, что требовали поляки от декабристов в обмен на помощь -- получить «Забранный край». Но декабризм был раздавлен 14 декабря 1825 года, и полякам пришлось искать новые пути.

Как в Царстве Польском, так и в западных губерниях России, началось бурное формирование польских заговорщицких организаций, ставящих целью воссоздание Польши в границах 1772 года. В Царстве Польском эта деятельность значительно облегчалась тем, что Наместник Константин Павлович, женатый на польке и симпатизировавший польской аристократии, отличавшийся бурным темпераментом, но при этом отходчивый и доверчивый, оказался не на высоте своего положения. Константин игнорировал многочисленные донесения о готовящемся бунте в польских войсках и о готовности поляков начать войну с Россией для расширения территории на востоке.

Между тем, в 1830-м году во Франции после очередной революции, была свергнута династия Бурбонов. Одновременно революция вспыхнула в Бельгии. Мятежные бельгийцы отделились от королевства Нидерландов, которым принадлежала Бельгия по результатам Венского конгресса. Эти события означали нарушение всего устройства Европы, установленного Венским конгрессом. В воздухе запахло большой войной. Николай I, родная сестра которого, Великая княгиня Анна Павловна, была замужем за нидерландским наследным принцем, воспринял бельгийскую революцию не только как прецедент изменения европейских границ, но и как личное оскорбление. Польская армия получила приказ готовиться к походу в Бельгию. Русская армия только что закончила войну с турками 1828–29 гг., и в основном находилась еще на Дунае, а большая часть вооруженных сил империи была раскварти-

рована во внутренних губерниях. В этот момент поляки решили – теперь или никогда!

17 (29) ноября 1830 года отряд заговорщиков напал на Бельведерский дворец (варшавскую резиденцию Наместника). Правда, сам Наместник сумел укрыться, погибли несколько придворных чинов и польских же генералов. Одновременно мятежники овладели арсеналом и призвали варшавян к восстанию. Впрочем, население города первоначально не поддержало мятежников.

Но тут последовали события, потрясшие до глубины чувства верноподданных и до сих пор смущающие историков. Константин приказал русским войскам, находившимся в Польше, оставить территорию Царства Польского. Более, Наместник освободил от присяги оставшиеся ему верными польские войска. Это было тем более странно, что ведь в мятеже участвовали лишь отдельные офицеры из школы подхорунжих (прапорщиков), а армия в целом оставалась верной Наместнику. И вот теперь польскую армию, освободив от присяги, словно толкнули примкнуть к мятежникам. Сам Константин с русскими войсками в пределы империи. Польские войска взяли штурмом крепости Модлин и Замостье, разгромив малочисленные русские гарнизоны. Царство Польское перешло в руки мятежников, совершенно не ожидавших такого легкого успеха. Так бесславно для России началась эта война.

Однако овладение территорией Царства Польского не было целью мятежников. Явно страдая манией величия, польские повстанческие лидеры выпустили 6 декабря (по новому стилю) 1830 года Манифест, в котором провозгласили, что восставшие ставят перед собой целью «...не допустить до Европы дикие орды Севера...защитить права европейских народов». Вскоре в Петербург прибыла польская депутация в составе министра финансов Царства Польского князя Любецкого и депутата Сейма графа Езерского. Эта депутация должна была «просить о восстановлении королевства в прежних границах»[6]. Если во главе страны стоял бы Александр I, или Горбачев, то начались бы переговоры. Если страной правил бы тогда Ельцин, поляки получили бы территории гораздо больше, чем хотели. Но, к счастью, император Николай I прекрасно понимал значение происходящих событий. По его словам, от результата польской кампании «зависело политическое бытие России».

---

[6] Шильдер Н К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование Кн 2. М, 1997, с 304

В виде подтверждения польских серьезности требований начались восстания уже в пределах империи. Но Николай I отказался вести переговоры с мятежниками. В ответ 13 января 1831 года в Варшаве было объявлено о детронизации (низложения) Николая I с польского трона. Впрочем, это только вызвало патриотический подъем в России. Рекрутский набор дал неожиданно малое количество уклонистов и дезертиров.

Впрочем, война предстояла серьезная. Польская армия насчитывала 130 тысяч человек, а им противостояли лишь 45 тысячный Литовский корпус под командованием барона Г. В. Розена. Показательно, что ранее этот корпус был под верховным командованием Константина Павловича, имел польские кокарды, а среди офицеров было много поляков. Впрочем, благодаря решимости и распорядительности Розена этот корпус прославился в войне, ни разу не дав повода для беспокойства. Вот что значит дельный командир!

С невероятной быстротой, удивившей весь мир, русская армия под общим командованием фельдмаршала Ивана Дибича из глубин России была переброшена к границе Царства Польского, и в конце января 1831 года пересекла границу. Впрочем, в первом сражении под Сточком 2 февраля русский отряд генерала Ф. К. Гейсмара потерпел поражение. Это, однако, была лишь частная неудача. Уже 13 февраля Дибич разбил поляков под Гроховым.

Но дальше начались трудности, неизменные на любой войне. Стремительно ворвавшиеся в Польшу войска Дибича почти не получали подкреплений и пополнений. Сам Дибич начал проявлять несвойственные ему колебания. Впрочем, главной причиной неожиданной вялости победоносной русской армии стала эпидемия холеры, косившая целые полки.

Воспользовавшись переброской основной части русских войск в Польшу, в весной 1831 года польские шляхта подняла восстание в Литве. Мятежники попытались даже захватить Вильно (Вильнюс) и Ковно (Каунас), но были отбиты. Одновременно мятежи начались на Волыни.

На помощь мятежникам прибыли регулярные польские войска из Царства Польского. Это сразу изменило характер войны. Если ранее все это могло выглядеть как гражданская война в Царстве Польском и внутренний бунт в российских губерниях, то теперь налицо было вторжение иноземных войск в пределы России. Вторгшиеся поляки и не скрывали захватнических устремлений. Так, при вторжении в Литву польские войска демонстративно перешли Неман в том же месте, что и Великая армия Наполеона. Естественно, что и отношение к захватчикам было соответствующим.

Вторгшиеся в Литву польские войска под командованием генералов Гелгуда и Хлаповского, первоначально захватившие Ковно, были вскоре разгромлены под Вильно. Прибывший в Литву русский командующий Петр Толстой вскоре очистил край от мятежников. Вторгшиеся на Волынь польские войска были разгромлены русским генералом Ф. В. Ридигером.

Тем временем, на территории Царства Польского фельдмаршал Дибич 14 мая дал генеральное сражение под Остроленкой. Оно закончилось полной победой русских, но опять-таки еще не стало окончанием войны. Эпидемия холеры продолжалась и унесла жизни тысяч солдат. Через две недели после победы под Остроленкой от нее умер и Дибич. Еще через две недели, 15 июня, скончался и Великий Князь Константин Павлович.

Заканчивал войну фельдмаршал Иван Паскевич, получивший за взятие в 1828 году года Эривань (Еревана) титул графа Эриванского. Паскевич быстро привел войска в порядок, решительными медицинскими мерами приостановил эпидемию холеры и подошел к Варшаве. У Паскевича было 86 тысяч человек, у польской стороны – 35 тысяч. Впрочем, обороняющая сторона могла расчитывать на укрепления Варшавы, некогда сооруженные самим русскими. Но Паскевича это не смутило. Он понимал, что войну надо кончать как можно быстрее, пока поляки еще не пришли в себя после поражений в Литве и на Волыни.

В Варшаву был отправлен парламентер, предложивший полякам почетную капитуляции. Но польский командующий Круковецкий горделиво ответил, что немедленно капитулирует только тогда, когда будет восстановлена Речь Посполитая в границах 1772 года. Даже накануне окончательного поражения польская шляхта не переставала грезить о восточных «крейсах»! Что ж, менталитет поляка не меняют никакие обстоятельства.

26 августа, в годовщину Бородинского сражения, в котором участвовали, правда, по разные стороны фронта, почти все участники битвы за Варшаву, начался штурм. После падения варшавского района Воля сопротивление польской столицы прекратилось. Это был конец войны. Отдельные отряды поляков еще продолжали сражаться, ставя перед собой лишь задачу прорваться на запад. Последний оплот мятежников, крепость Замостье, капитулировала 9 октября.

Польская война 1830–31 гг. была на редкость тяжелой и кровопролитной. Русская армия потеряла 63 тысячи человек убитыми, польская – вдвое больше. В результате боевых действий и особенно холеры погибли сотни тысяч мирных жителей Польши и западных российских

губерний. Белоруссия, которая еще не успела полностью оправиться от последствий наполеоновского вторжения в 1812 году, вновь стала театром военных действий и жертвой эпидемий. Не удивительно, что если в 1811 году в Белоруссии в современных границах проживало 5 037 тысяч жителей, то ревизия (перепись населения) в 1838 году показала, что Белоруссия имела 4 456 тысяч жителей! Дорогая цена была уплачена за добродушие Александра I и полонофильство Константина Павловича. И все же эта война завершилась победой русского оружия. И лучшим памятником победе будут вовсе не каменные памятники, (которых ни одного нет в России), но проникновенные слова Пушкина:

Победа! Сердцу сладкий час!
Россия! Встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!

Первые шаги к единению

Только после войны 1830–31 гг. в Петербурге, наконец, задумались о необходимости полного слияния белорусских губерний с Российской империей. Для этого надо было покончить со всеми правовыми, религиозными и административными особенностями края. Но на кого можно было опереться российским властям? Дворянство, духовенство, интеллигенция, почти все мещанство, были враждебно настроены к империи. Оставалось только нищее крепостное крестьянство, но опереться на него властям дворянской империи было бы слишком. Польские крепостники были близкими по духу русским крепостникам!

И при императоре Николае I предпринятые меры свелись только к отдельным, хотя и важным, реформам. Был отменен Литовский Статут и введены общероссийские законы. Русский язык введен в делопроизводство. Также делались попытки бороться и на культурном фронте, с польским влиянием в западных губерниях. В Киеве был создан русский университет Св. Владимира, Виленский университет был закрыт, а в дальнейшем, вновь открывшись, потерял польский характер, закрыт был Кременецкий лицей. 1840 году в белорусском местечке Горы-Горки была открыта земледельческая школа высшего разряда, вскоре ставшая институтом – одно из первых высших сельскохозяйственных заведений России. Однако все это оказалось полумерами, поскольку оставшиеся учебные заведения в крае сохранили польско-католический характер. Русских школ в крае было открыто очень мало, да и они постоянно испытывали финансовые трудности, и не смогли

стать реальной альтернативой богатым и качественным школам, принадлежавшим католической церкви. Более того, многие поляки теперь отправились на учебу в российские университеты, и постепенно превратили Харьковский и Киевский университеты в центры польского движения.

При Николае I была ликвидирована церковная уния (правда, только в пределах Российской империи). В Австрийской Галиции власти этой «лоскутной» империи предпочли сохранить униатство, прекрасно понимая, что благодаря этому восточное славянство останется духовно разобщенным. И поныне униатская церковь, это уродливое и нелепое сооружение, как и весь украинский национализм, сохраняется на западе Украине.

Заслуга ликвидации униатства в Российской империи принадлежит еще одному выдающемуся белорусу – Иосифу Семашко (1798–1868). Сын небогатого дворянина, впоследствии униатского священника, Семашко свое детство провел среди православных. Учился он в немировской гимназии, потом в главной духовной семинарии при польском тогда Виленском университете, из которой он не только не вынес расположения ко всему польскому и католическому, но стал еще большим приверженцем православия. В 1821 г. он был посвящен в священники в Луцке и сделан членом луцкой духовной консистории; в следующем году его назначили присутствовать в униатском департаменте римско-католической духовной академии в Санкт-Петербурге как человека хорошо знакомого с русским языком и русским законодательством. Здесь Семашко скоро получил руководящую роль и энергично поддерживал меры, клонившиеся к учреждению духовных семинарий для образования белого униатского духовенства и к упразднению базилианских монастырей.

Изучив подробно всю историю стремлений и ходатайств белого униатского духовенства, он составил особую записку о воссоединении униатов, которая была одобрена государем, а затем, в духе этой записки – протокол о нуждах униатской церкви в России, положенный в основание Высочайшего указа 22 апреля 1828 г. В силу этого указа, при участии Семашко, была учреждена самостоятельная греко-униатская духовная коллегия, сокращено число униатских епархий, преобразован состав униатских консисторий, поставлены под контроль епархиальной власти базилиане, предложено католикам оставить базилианский орден, учреждено несколько духовных семинарий для униатского духовенства.

В 1829 г. Семашко был посвящен в сан епископа мстиславского, викария белорусской консистории, с оставлением в должности члена

коллегии. Через три года он стал самостоятельным литовским епископом, после чего подготовка литовской епархии к воссоединению быстро пошла вперед. Назначенный в 1835 г. членом особого секретного комитета, образованного для направления униатских дел, и членом комиссии духовных училищ, которой подчинялись все униатские духовно-учебные заведения, он достиг того, что в январе 1837 г. униатская церковь была подчинена ведению обер-прокурора Святейшего Синода, а 25 марта 1839 г. окончательно принята в общение с православной церковью.

Итак, в знаменательный день 25 марта 1839 года исчезла уния и белорусы возвращены в Православие. Следует заметить, что многие белорусы даже не заметили, происходящего. Обрядность была восточная, а подчинение римскому папе для многих белорусов было чем-то абстрактным. Но для возрождения русского самосознания ликвидация унии имело громадное значение.

Иосиф Семашко и после продолжал неустанно трудиться на благо России и православия. В 1849 г. Семашко получил сан архиепископа литовского и виленского. Переселившись в 1844 г. из Петербурга в Жировицы, он исходатайствовал учреждение второго ковенского викариатства в литовской епархии; перевел в Вильну литовское епархиальное управление, вместе с семинарией; хлопотал об усилении православно-русского элемента в западнорусском чиновничестве, в виду возможности нового польского мятежа; противодействовал введению в приходские школы изучения польского и жмудского (литовского) языков; открыл свыше 200 церковно-приходских школ и других училищ.

К сожалению, как это часто бывало в России, произошло метание из одной крайности в другую. Если чуть ранее само название «Беларусь» было «забито» понятием Литва, то теперь, в Российской империи, исчезло само название «Белоруссия», замененное официальным географическим понятием «Северо-Западный край». Вообще-то «Западным краем» со времен Екатерины II именовались вновь присоединенные от прежней Речи Посполитой территории. Теперь сей «Западный край» разделили, и «Северо-западным краем» стали именовать Белоруссию вместе со исторической Жмудью (ныне – «Литва», а Правобережная Украина превратилась в «Юго-западный край».

И все же, за первые полвека пребывания в составе Российской империи для окончательной интеграции Белоруссии в общерусский организм было сделано поразительно мало. Край по-прежнему принадлежал польской аристократии, которая была готова в очередной раз предъявить права на Белоруссию с помощью оружия.

Часть IV. Эпоха графа Муравьева

После вступления на престол Александр II, вошедшего в историю под именем Освободителя, в Российской империи начались Великие реформы. Была ослаблена цензура, проведена амнистия. В 1861 году во всей империи, включая Белоруссию, было ликвидировано крепостное право.

Но решение одних болезненных проблем российского общества немедленно порождало новые. Либеральный курс Александра II в отношении Польши привели, увы, к прежнему результату. В Царстве Польском (включавшем чисто польские области) была создана польская администрация, и в значительной степени восстановлена автономия Польши. Но польские лидеры немедленно стали претендовать на «Забранный край». 19 февраля 1861 года было отменено крепостное право, а уже 25 февраля в Варшаве начались манифестации под польскими знаменами и гербами всех провинций прежней Польши. В отношении русских, проживающих в Польше, установилась атмосфера морального террора. Общеимперские власти в Польше фактически самоустранились от управления краем. Манифестанты демонстративно нарушали административную границы между Царством Польским и российскими губерниями Северо-Западного края. В таких беспорядках прошел весь 1861 и 1862 гг. А затем спор за Белоруссию вновь стал решаться силой оружия.

9 (22) января 1863 г. началось восстание в Польше и Северо–Западном крае (так назывались Белоруссия и Литва). Этот мятеж поставил Российскую империю на грань распада. Дело заключалось вовсе не в мощи мятежа (общее количество инсургентов не превышало 20 тыс., поляки не взяли ни один город и не имели ни одной военной победы в прямом боевом столкновении). Главной особенностью польского восстания была почти всеобщая поддержка мятежников русским «передовым» обществом. Революционные радикалы оказывали полякам прямую помощь, в том числе личным участием в боях против соотечественников (как погибший в бою русский офицер А. Потебня), пытались поднять восстание в Поволжье. А. И. Герцен на страницах «Колокола» открыто поддерживал польские требования. Знаменитый анархист М. А. Бакунин пытался отправить к берегам Курляндии корабль с оружием для мятежников. Уже 19 февраля в Москве и Петербурге появились прокламации с призывом к солдатам поддержать польских мятежников, повернув оружие против офицеров.

Фактически солидаризировались с поляками и русские либералы. В петербургских ресторанах поднимали тосты за успехи «польских братьев», либеральная пресса рассуждала об исторической несправедливости в отношении Польши и что вслед за освобождением крестьян надо бы освободить и польский народ. В поддержку поляков выступал и «Колокол» Герцена.

Либеральные шатания испытывал и Наместник в Царстве Польском Великий Князь Константин Николаевич. В Польше и западных губерниях уже шли бои, но не было введено чрезвычайное положения, войска не были приведены в боевую готовность, националистические польские газеты выходили совершенно легально, полиция не имела права проводить обыски в костелах, хотя именно в них находились типографии, склады оружия и пр. Из соображений гуманности немедленно освобождались несовершеннолетние пленные повстанцы.

Сами мятежники при этом не испытывали никаких сентиментальных чувств. Нападения проводились на спящих в казармах солдат, офицеров приглашали в гости к местным помещикам и вероломно убивали. Погибли многие гражданские русские, проживающие в охваченных мятежом территориях. Для XIX столетия, когда еще сохранились традиции рыцарственного отношения к противнику, такие вещи, особенно от имеющих репутацию аристократического народа поляков, были внове.

Наконец, польский мятеж вызвал международный кризис. Уже 17 апреля 1863 г. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя и папа Римский предъявили России дипломатическую ноту, более похожую на ультиматум, с требованием изменить политику в польском вопросе. Западные страны предлагали решить судьбу Польши (подразумевая ее в границах Речи Посполитой 1772 г) на международном конгрессе под своим руководством.

В противном случае западные страны угрожали войной. Активизировалась подрывная деятельность на рубежах Российской империи. Летом на черноморском побережье Кавказа, где еще продолжалась война с черкесами, на пароходе «Чезапик» высадился вооруженный отряд («легион») польских эмигрантов под командованием французских офицеров во главе с полковником Пржевлоцким. Задачей легионеров было открыть «второй фронт» против России на Кавказе. При этом сами поляки были лишь пушечным мясом, а организаторами высадки легиона были западные страны. Так, непосредственно организацией по-

сылки «Чезапика» занимался капитан французской армии Маньян.[7] Одновременно отряд полковника З. Ф. Милковского, сформированный из польских эмигрантов в Турции, попытался пробиться из Румынии на юг России. Правда, румынские власти разоружили отряд, не дав пройти ему к границам России.

Хотя легионеры Пржевлоцкого были быстро перебиты, но высадки новых легионов продолжались. Это было весьма опасно, учитывая, что после Крымской войны Россия не имела военного флота на Черном море. Одновременно британский флот начал крейсировать возле российских берегов на Тихом океане. Начались набеги кокандцев и подданных других среднеазиатских ханств на российские владения на территории нынешнего Казахстана. Казалось, повторяется ситуация 1854 г., когда Россия в одиночку противостоит всей Европе на несравненно более худших, чем тогда, геополитических позициях.

Однако самая главная проблема, вызванная мятежом, заключалась в том, что инсургенты сражались не за свободу польского народа, а за восстановления Речи Посполитой с границами, далеко выходящими за этнографические границы польской народности. На картах, отпечатанных поляками на западе, была изображена Польша «от моря до моря» с такими «польскими» городами, как Киев, Рига, Смоленск, Одесса, и пр. Требование «исторических границ» прежней Речи Посполитой было присуще совершенно всем польским повстанческим организациям. Еще до восстания, 11 сентября 1862 г, вскоре после покушения на Наместника в Польше Великого Князя Константина Николаевича, в ответ на Манифест Наместника к населению Польши, открывавшегося словами «Поляки! Верьте мне, как я верю вам!», он получил послание от графа Замойского, одного из влиятельнейших польских деятелей. Выразив дежурную радость по поводу спасения жизни Наместника, Замойский писал: «Мы можем поддерживать правительство только когда оно будет польским и когда все провинции, составляющие наше отечество, будут соединены вместе, получат конституцию и либеральные учреждения. Если мы любим отечество, то любим его в границах, начертанных Богом и освященных историей»[8]. Весной 1863 г., под влиянием первых успехов, не столько военных, сколько дипломатических, мятежники перестали стесняться. В апреле сначала последовал Универсал подпольного правительства Польши о свободе совести, но уже две недели спустя, последовала прокламация о восста-

[7] История народов Северного Кавказа. М., 1988 г., с. 200

[8] Любимов Н. А. Катков и его историческая заслуга. СПб. 1889, с. 276

новлении Униатской церкви и о том, что для православных «наступила минута расплаты за их преступления».[9]

В такой накаленной атмосфере, когда к пропольским настроениям «передового» общества добавился паралич власти, вызванный неспособностью Великого Князя Константина Николаевича управлять Польшей, и страхом официального Петербурга перед коалицией европейских государств, (что и привело к поразительной апатии в применении военной силы в Польше), в России все же нашлись люди, которые показали свою самостоятельность и государственное мышление. Первым в этом списке можно назвать известного публициста Михаила Каткова (1818–1887 гг.).

Катков с 1-го января 1863 г. стал редактировать ежедневную газету «Московские Ведомости», оставаясь редактором «Русского Вестника». С первых же дней мятежа, когда русские газеты ограничивались перепечаткой официальной хроники, М. Н. Катков выступил с требованием решительного подавления мятежа. Он сразу нанес удар по самому главному, но и самому уязвимому лозунгу польской пропаганды – лозунгу борьбы за независимость Польши. «Польское восстание вовсе не народное восстание; восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть»[10] – писал он.

Польские претензии распространялись на Литву, Белоруссию и Правобережную Украину, которые поляки называли «забранным краем» и без владения которым польское государство не имело в тех условиях никаких шансов на существование. Но вместе с территорией «забранного края», хотя там поляки и составляли привилегированное меньшинство, Речь Посполитая могла претендовать на роль серьезной европейской державы.

И не случайно М. Н. Катков отмечал: «Но кто же сказал, что польские притязания ограничиваются одним Царством Польским? Всякий здравомыслящий польский патриот, понимающий истинные интересы своей народности, знает, что для Царства Польского в его теперешних размерах, несравненно лучше оставаться в связи с Россией, нежели оторваться от нее и быть особым государством, ничтожным по объему, окруженным со всех сторон могущественными державами и лишенным всякой возможности приобрести европейское значение. Отделение Польши никогда не значило для поляка только отделения нынешнего царства Польского. Нет, при одной мысли об отделении воскресают притязания переделать историю и поставить Польшу на место

[9] Московские Ведомости. 1863 г., № 130 от 15.06.1863
[10] Там же

России. Вот источник всех страданий, понесенной польской народностью, вот корень всех ее зол!».[11]

Силу претензиям поляков на западные губернии России придавало то обстоятельство, что значительная часть тогдашнего русского общества вне зависимости от своих политических взглядов, совершенно не знала ни истории, ни этнографии этого края. Кроме того, что это были земли прежней Речи Посполитой и того, что здесь властвует богатое и влиятельное польское дворянство, петербургская и московская интеллигенция ничего не знали. Удивляться этому не приходится, ведь местное православное крестьянство было угнетено и забито как нигде в империи и голоса своего не имело. О масштабах панской эксплуатации белорусских крестьян лучше всего говорят данные статистики.

Так, в Витебской и Могилевской губерниях за 1804–1849 гг., то есть за 45 лет, смертность превышала рождаемость в течении 15 лет[12]. В 40-х гг. XIX века население Белоруссии не росло в целом! Ревизия 1851 года показала, что в Белоруссии население осталось таким же по численности, как и в 1838 году.

Впрочем, даже образованные люди многое не знали, ведь в учебнике географии Арсеньева, по которому учились несколько поколений гимназистов, Белоруссия и Правобережная Украина назывались польскими губерниями, а их жители – поляками. До 1840 г. языком делопроизводства в местных канцеляриях был польский, да и после официального введения здесь русского языка из–за нехватки кадров вплоть до 1863 г. позиции польского языка как административного оказывались незыблемыми.

Также до 1840 г. в Западном крае действовал местный свод законов (Литовский статут), но и после его отмены и распространения на Белоруссию, Литву и Правобережную Украину общеимперского законодательства традиции местного управления сохранялись и к моменту мятежа. Не случайно многие путешественники из Петербурга или русской глубинки чувствовали себя в Белоруссии и на правом берегу Днепра как за рубежом.

Наконец, что придавало польским претензиям особую силу, так это то обстоятельство, что чуть ли не все выдающиеся деятели польской политики и культуры родились именно в западном крае. Т. Костюшко, А. Мицкевич, Ц. К. Норвид, В. Сырокомля, С. Монюшко, М. Огинский

---

[11] Катков М. Н. Собрание передовых статей по польскому вопросу. 1863 -1864 гг. М., 1887 г., с. 28.

[12] Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в 18 – нач.20 вв. М., 1998 г., с. 84

и др., родились далеко за пределами этнографической Польши и были литвинами (ополяченными белорусами и литовцами). Именно в Западном крае находились земельные владения значительной части польской аристократии. Родовые «гнезда» Потоцких, Чарторыйских, Сангушко, Тышкевичей, Ржевусских, Радзивиллов и прочих магнатов, играющих огромную роль в польском движении, и при этом тесно связанных с российской и европейской аристократией, так же находились восточнее Буга.

Но почему же польское дворянство так презрительно относились к русским, имея предками русских? Русский историк и этнограф, немец по происхождению, родившийся в Варшаве, Александр Гильфердинг писал: «Польский народ входил всем своим организмом в состав западно-европейского мира. Религиозные начала католицизма, общественные начала рыцарства, городская жизнь, целиком перенесенная из Германии, просвещение, основанное на преданиях римского классицизма, – словом, все было принято и органически усвоено с Запада. Польша, оставаясь славянской, сделалась вполне членом латино-германской семьи народов, единственной славянской страною, вступившей в эту семью всецело и свободно, не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западно-европейской стихии в основу собственной славянской жизни»[13]. О причинах польской русофобии А. Ф. Гильфердинг отмечал, что в основном она вызвана культурным и политическим влиянием шляхетства на нацию. По его мнению: «Малый и слабый народ подвластен большому и сильному. Но этот малый и слабый народ заключает в себе непомерно многочисленный высший класс, с аристократическим духом, с притязаниями на звание и право людей благородных... Немец в глазах поляка далеко не то, что москаль; это такой же господин, как и поляк, а не плебей, господин другой породы, а не младший, недавно казавшийся бесталанным и ничтожным, брат в родной семье»[14].

Будучи потомками ренегатов, польское шляхетство в белорусских землях с особой ненавистью относилось ко всему русскому и православному. Между тем, отмена крепостного права и общая демократизация жизни в России ставило под вопрос всякое значение малочисленного польского дворянства в Белоруссии. Если добавить к этому то обстоятельство, что большинство панских имений уже давно было заложено и перезаложено, то вопросом времени оставалось перспектива перехода панских земель в руки местных «чумазых лендлордов». Это было особенно невыносимо для «кичливых ляхов».

---

[13] Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. В 4-х. СПб, 1868-1874. Т. 2., с. 295

[14] Там же, с. 335

Об отношении польского дворянства к крестьянскому самоуправлению, что было одним из этапов крестьянской реформы, также напомнил А. Ф. Гильфердинг. Он привел адрес польского дворянства западного края от 24 марта 1860-го г. на Высочайшее имя: «...мы с трудом можем вообразить нынешнее крепостное народонаселение России, распределенное *на десять тысяч каких-то республик, с избранным от сохи начальством* (выд. А. Ф. Гильфердингом), которое вступает в отправление должностей *по воле народа, не нуждаясь ни в чьем утверждении*... Мы опасаемся, что... устранение *консервативного элемента частной собственности и соединенного с нею умственного развития* введет в русскую жизнь такой *крайний демократический принцип*, который несовместим с сильной правительственною властью».[15] Реформа 1861 г. в западных губерниях саботировалась польским дворянством. В Литве и Белоруссии сохранялся оброк и все другие повинности, все мировые посредники были из числа местных помещиков. Многие крестьяне только в 1863 году от русских солдат узнали, что царь освободил еще два года тому назад. Гильфердинг с полным основанием уподобил польский мятеж восстанию американского рабовладельческого юга, проходившего в это же время в США.

Впрочем, основная масса польских мятежников вовсе не была пусть и промотавшейся, но верхушкой местного общества. Большинство шляхтичей были бедны как церковные крысы. Единственное, что выделяло их из массы крестьян-белорусов, было только чувство избранности шляхтича, обладавшего личной свободой среди крепостных. Как когда в Речи Посполитой самый бедный шляхтич утешал себя тем, что он обладает такими же правами на Сейме, как и самые богатые магнаты, и теоретически может стать королем, то в российской Белоруссии шляхтич считал себя господином по отношению даже к не принадлежащим ему белорусским крепостным. Католическая религия и польский язык только усиливали чувство принадлежности к некоему кругу избранных. Но отмена крепостного права и возможность введения в Белоруссии земского самоуправления окончательно грозило ликвидировать шляхетство. И шляхтичи взялись за оружие.

Однако все же главным для консервативной прессы были не исторические изыски, а актуальные проблемы. В частности, М. Н. Катков обращал внимание на пассивность Великого Князя Константина Николаевича в условиях восстания. Весной 1863 г. М. Н. Катков прямо об-

[15] Там же, с 323

винил брата царя в измене! Это было неслыханной дерзостью – никто до этого не мог обвинять в чем-либо особу императорской фамилии! Однако двусмысленная политика Наместника в Польше действительно только провоцировала мятеж, и в этих условиях М. Н. Катков не побоялся выступить против брата императора, зная, что в любой момент он может угодить под арест. Всего лишь несколько месяцев назад был арестован Н. Г. Чернышевский. Хотя его обвинили в изготовлении революционных прокламаций, однако все же поводом для ареста редактора «Современника» послужили его пропущенные цензурой статьи. Катков вполне мог отправиться в Сибирь вслед за Чернышевским.

Однако М. Н. Катков сумел свести свою кампанию против Великого Князя в рамки кампании верноподданейших адресов, посланий и воззваний. В результате Каткову удалось добиться успеха – Наместник ухал за границу «на лечение», а командующим в Северо-Западном крае, по предложению Каткова, с диктаторскими полномочиями был назначен генерал М. Н. Муравьев.

Среди множества русских генералов Муравьев выделялся своим прошлым – в молодости он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был участником декабристских организаций. Впрочем, главным было не декабристское прошлое генерала (хотя это тоже было умелым пропагандистским шагом Каткова), а его опытом руководства землями края. Еще накануне мятежа 1830 г. Муравьев, занимавший пост могилевского губернатора, подал записку Николаю I под названием «О нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей», а в 1831 г. свой проект «Об учреждении приличного гражданского управления в губерниях, от Польши возвращенных, и уничтожении начал, наиболее служивших к отчуждению оных от России». В этих записках М. Н. Муравьев обращал внимание на то, что в Северо-Западном крае мало что изменилось со времен Речи Посполитой.

В частности, полным хозяином края было польское дворянство, враждебно настроенное к России. Все образование и интеллектуальная жизнь находилась под контролем католической церкви. Большинство городского населения составляли евреи, несравненно более лояльные, чем поляки, самодержавному устройству империи, но все же не внушающие доверия. В этих условиях М. Н. Муравьев предлагал царю уничтожить униатскую церковь и вернуть белорусов в православие, ликвидировать польские учебные заведения в крае, начиная с виленского университета и выдвинуть на руководящие посты местных православных белорусов. В период восстания 1830–31 гг., когда Муравьев

был могилевским губернатором, он отчасти реализовал эту программу в вверенной ему губернии.

Три десятилетия спустя М. Н. Катков предложил сделать М. Н. Муравьева диктатором известного ему края. Под давлением общественного мнения, умело направляемым М. Н. Катковым, Александр II назначил М. Н. Муравьева Наместником Северо-Западного края, включающегося в себя 7 губерний (Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Августовскую, Гродненскую). В момент назначения М. Н. Муравьева восстание было на подъеме, отношения с западными державами были обострены до предела. Не случайно, что императрица Мария Александровна сказала М. Н. Муравьеву при отъезде в Вильну: «Хотя бы Литву, по крайней мере, мы могли бы сохранить»[16]. Собственно Польшу в Петербурге считали уже потерянной. Однако М. Н. Муравьев оказался на высоте положения.

Действовал Муравьев решительно и жестко. 1 мая 1863 г. он был назначен генерал – губернатором, 26 мая – прибыл в Вильну в качестве Наместника, а уже 8 августа принял депутацию виленского шляхетства с изъявлением покаяния и покорности. К весне 1864 г восстание было окончательно подавлено. Муравьев при усмирении мятежа применял весьма решительные меры. По приговорам военно-полевых судов 127 мятежников были публично повешены, сослано на каторжные работы – 972 чел., на поселение в Сибирь – 1 427 чел, отдано в солдаты – 345, в арестантские роты – 864, выслано во внутренние губернии – 4 096 и еще 1 260 чел. уволено с должности административным порядком, в боях было убито около 10 тыс. мятежников.

Кроме того, причастных к мятежу, но помилованных и освобожденных было 9 229 чел. (Впрочем, и поныне существует миф о сотнях тысяч казненных и сосланных поляков). Усмирение мятежа далось малой кровью: погибло 826 солдат и 348 умерло от ран, болезней или пропали без вести. Погибло также несколько тысяч полицейских, сельских стражников, чиновников, гражданского населения.

Однако Муравьев не только воевал и вешал. Он прибыл в Литву и Белоруссию с определенной программой. Своей задачей генерал – губернатор ставил полную интеграцию края в состав империи. Главным препятствием этого было польское помещичье землевладение. Учитывая, что городское население края состояло в основном из евреев и поляков, единственной опорой русской власти в крае могло быть только белорусское крестьянство.

---

[16] Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб. 1907 г. с 26.

Следовательно, для полной русификации края требовались совершенно революционные меры по искоренению местного дворянства и предоставление политических и социальных прав только что освобожденному крестьянству. Парадоксально, что проводить в жизнь эту политику стал М. Н. Муравьев, имевший репутацию противника освобождения крепостных в 1861 г. Впрочем, это было не только личной инициативой генерал – губернатора. К этому же призывал М.Н.Катков. В начале осени 1863 г., как только стало ясно, что восстание поляков терпит поражение, он писал: « Мы с особенной настойчивостью указываем на необходимость изменить существенным образом условия землевладения в этом крае по горячим следам недавнего мятежа.

Польская национальность будет терять свои вредные и для поляков, и для России свойства лишь по мере того, как будет исчезать в этом краю всякая возможность здравомысленно надеяться на восстановление старой Польши; а ближайшее средство к тому – способствовать введению значительного числа русских элементов в тамошние землевладельческие классы. Пока этого не будет, притязания и надежды будут поддерживаться и становиться чем далее, тем ядовитее и вреднее. Пока этого не будет – и правительство, и местная администрация края, и тамошние народонаселения, и сами поляки, как и там, так и повсюду, будут находиться в положении ложном».[17]

В какой-то степени стремление к подрыву неблагонадежного польского землевладения было присуще и прежним российским монархам. Большие конфискации владений магнатов и шляхты проводила еще Екатерина II. При Николае I после подавления восстания 1830–31 гг. также принимали карательные меры против польского дворянства. В частности, в пяти белорусских губерний было конфисковано 217 шляхетских имений с 72 тыс. крепостных.[18] Однако в качестве социальной опоры власти империи пытались создать здесь русское помещичье хозяйство. Эти попытки оказались неэффективными из-за сопротивления сохраняющего и численное, и экономическое преобладание польского дворянства. Теперь же М.Н.Катков требовал сделать ставку на крестьянство.

М. Н. Муравьев обложил налогом в 10 % доходов шляхетские имения и собственность католической церкви. Помимо этого, дворянство должно было оплачивать содержание сельской стражи. (Можно представить себе ярость панов, оплачивающих стражу из числа своих бывших крепостных)!

---

[17] Московские Ведомости, 1863 г., № 193

[18] История Белорусской ССР. Минск, 1961 г., Т. 1, с. 311

Одновременно Муравьев ликвидировал в крае временно-обя-занное состояние. Мировыми посредниками назначались православные. Наделы для крестьян были увеличены. Крестьяне Гродненской губернии получили на 12% земли больше, чем было определено в уставных грамотах, в Виленской – на 16%, Ковенской – на 19%. Выкупные платежи были понижены: в Гродненской губернии – 2 р.15 коп. до 67 коп за десятину, в Виленской – 2р. 11 коп до 74 коп., в Ковенской – 2 р. 25 коп до 1 р. 49 коп.[19] В целом в результате реформ М. Н. Муравьева в Белоруссии наделы крестьян были увеличены на 24 %, а подати были уменьшены на 64,5%. Для усиления русского элемента в крае М. Н. Муравьев ассигновал 5 млн. рублей на приобретение крестьянами секвестированных панских земель.

О характере реформ Муравьева можно узнать уже по указам, которые выпускал генерал – губернатор. Так, 19 февраля 1864 г. был издан указ «Об экономической независимости крестьян и юридическом равноправии их с помещиками», 10 декабря 1865 г К.П.Кауфман, преемник М. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора, продолжавший полностью его курс, издал красноречивый указ «Об ограничении прав польских землевладельцев». Помимо этого, М. Н. Муравьев издал циркуляр для чиновников «О предоставлении губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям принимать к разбирательству жалобы крестьян на отнятия у них помещиками инвентарных земель».

В результате такой политики Муравьева в Литве и Белоруссии действительно произошли серьезные социальные изменения. С весны 1863 по октябрь 1867 гг. в качестве новых землевладельцев в Северо–Западном крае было водворено 10 тыс. семей отставных нижних чинов, землю получили около 20 тыс. семей бывших арендаторов и бобылей, и только 37 семей дворян приобрели в губерниях края новые имения.[20] В последнем случае, видимо, сказалось недоверие Муравьева к возможности помещичьей колонизации, благо пример подобной политики, проводившейся после 1831 года, был перед глазами.

М. Н. Муравьев развернул также строительство русских школ. Уже к 1-му января 1864 г. в крае были открыты 389 школ, а в Молодечно – учительская семинария[21]. Эти меры подорвали монополию католической церкви и польского дворянства на просвещение в крае, делавшего его недоступным для белорусов.

[19] Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М., 1958 г., с.401

[20] Станкевич А. Очерк возникновения русских поселений на Литве Вильна, 1909, с.31- 34.

[21] Татищев С. С. Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1996 г , Т. 2.. с. 241

Ликвидируя польское помещичье землевладение в Белоруссии, М. Н. Муравьев всячески подчеркивал тот факт, что подавляющее большинство польской аристократии происходили из числа перешедших в католичество еще в XVI–XVIII русских князей прежнего Великого Княжества Литовского. Сотрудник М. Н. Муравьева, Ксенофонт Говорский в «Вестнике Западного Края» публиковал генеалогические таблицы, из которых можно было установить, что практически у каждого панского рода в Белоруссии предки были не только православными, но нередко и архиереями православной церкви.

Русские консерваторы вообще подчеркивали, что мятежная шляхта состоит из наследственных предателей, предки которых предали веру и язык, а их наследники теперь предали царя, которому присягнули на верность. На этом основании консерваторы требовали принять самые строгие меры против польского дворянства. Так, некий чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре Св. Синода, в записке, поданной Александру II летом 1863 г., писал: «Во время завоевания западных пределов России поляками предки их (панов) передались в латинство, отреклись от отечества и провозгласили себя поляками, чтобы вместе с последними угнетать и грабить свой народ. Но такую гнусность можно было сделать на словах, а на деле она неисполнима: по неизменному закону природы в потомках этих предателей сохранилась кровь русская, они остаются происхождения русского... При таких условиях мы имеем право и долг поступить с ними гораздо строже, чем с чужестранцами, не имеющими у нас гражданства, мы должны не только отнять у них землю, но их самих предать суду и наказанию»[22].

Совершенно новым в российской политике была ставка на социальные низы в бунтующих губерниях. Правящие верхи империи всегда боялись «пугачевщины» во всех проявлениях. Не случайно в начале польского мятежа, когда начались крестьянские бунты против мятежных панов, царские власти начали было усмирять верноподданных бунтарей. Так, в Радомской губернии Польши крестьяне поднялись против мятежников, но их усмирили с помощью военной силы по приказу Наместника Константина Николаевича. Об этом с негодованием писал М. Н. Катков.[23] Когда в Звенигородском уезде Киевской губернии крестьяне отказались работать на помещиков, примкнувших к мятежникам, то против них были посланы войска.[24]

[22] Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003, с 185
[23] Московские Ведомости, 4 мая 1863 г
[24] Катков М. Н. Собрание передовых статей по польскому вопросу. 1863 - 64 гг., в 3-х тт., М., 1887 г., Т. 1, 442

Как видим, реакция официальных властей была первоначально вполне традиционной. Однако под влиянием публицистов национального направления М. Н. Муравьев не только не стал подвергать репрессиям «бунты против бунтовщиков», но и фактически одобрил их. В результате вместе с правительственными войсками против поляков стали действовать и крестьянские отряды. Во многих местах крестьяне «по-пугачевски» расправлялись с помещиками. Так, в Витебской губернии крестьяне разгромили имение помещиц Шумович, Водзяницкой, графа Молля, и др.[25]

Разумеется, М. Н. Муравьев совершенно не собирался проводить подобные социальные реформы в коренных российских губерниях. В своем Всеподданейшем отчете императору М. Н. Муравьев прямо писал: «...Священным для себя долгом считаю выразить перед вашим императорским величеством, что дело устройства крестьян в западных губерниях и великороссийских не может быть одинаково. В последних не должно разъединять сословия, ибо помещики и крестьяне суть истинно русские и верноподданные вашего императорского величества, – там должно всеми мерами поддерживать в законных правах все звания и сословия, составляющие могущество и основу России.

В западном крае наоборот: здесь ренегаты, польские помещики, бывшие прежде того русскими, сделались римско–католиками и заклятыми врагами вашего императорского величества, России и Православия; под предлогом восстановления отчизны они желали только получить прежние права самоуправства над крестьянами и прочим податным населением, которым они неограниченно пользовались при Речи Посполитой; здесь одни только крестьяне, сохранившие Православие и даже насильно принявшие римско–католичество, остались верными сынами России преданными престолу вашего императорского величества; их необходимо поднять, возвысить и поставить в совершенно независимое положение от польских панов. Тогда только мы можем бороться с польскою пропагандою, постепенно уничтожать ее и привести в ничтожество».[26]

Подобные меры вызывали ярость у русских крепостников, испытывающих чувство классовой солидарности к польскому шляхетству. Один из лидеров аристократических конституционалистов граф В. П. Орлов – Давыдов мрачно сетовал: «Общая развязка с делами и в Польше, и в России, – разорение дворянства, в Польше бунтующего, в Рос-

[25] История Белорусской ССР Минск, 1961 г, т 1, с 363

[26] Всеподданейший отчет гр. М Н Муравьева по управлению Северо Западным краем (с 1 мая 1863 по 17 апрел 1865 г.)//Русская Старина, 1902, т.110, с 497 498

сии смиренного... Дело в том, что наше правительство ведет войну не столько с Польшей, сколько с дворянством, равно польским и русским».[27] Поскольку критиковать самого М. Н. Муравьева было сложно, учитывая данные ему царем полномочия, то в основном крепостники обрушились на приглашенных генерал-губернатором из коренной России чиновников. Сам М. Н. Муравьев в упомянутом Всеподданнейшем отчете брал под защиту своих помощников. Он писал: «Но много претерпели гонений и сии деятели; много пущено было на них клеветы и неправды, которые доходят и до вашего императорского величества. Их обвиняли в идеях социализма, в разрушении общественного порядка, в уничтожении прав собственности, словом, во всем, что могло только опорочить их честь и ослабить энергическую их деятельность»[28].

Муравьев не скрывал, что все его социальные реформы в крае ставят перед собой одну цель – закрепление российского господства в крае, создание социальной опоры имперской власти на местах. С полным основанием генерал-губернатор писал царю: «...с помощью русских деятелей присоединение края к России значительно продвинулось вперед; большая будет ошибка с нашей стороны, если мы подумаем, что можно одною только силою удержать его; может придти момент, чего Боже сохрани, что не поможет и сила, если не утвердится там Православие и наша русская народность»[29].

Несмотря на оппозицию радикалов и крепостников, консервативные круги, в основном, однако, приветствовали разгром поляков. Сохранение территориальной целостности империи было более существенным, чем «пугачевщина» генерал–губернатора против польского дворянства. Поэт А. Фет посвятил Муравьеву стихотворение «Нетленностью божественной одеты...», А. Майков создал стихи «Каткову», «Западная Русь», «Что может миру дать Восток» и др. 1863 год стал для многих консерваторов «моментом истины». Четверть века спустя К. Н. Леонтьев вспоминал: «Время счастливого для меня перелома этого – была смутная эпоха польского восстания; время господства ненавистного Добролюбова; пора европейских нот и блестящих ответов на них князя Горчакова... Я стал любить монархию, полюбил войска и военных, стал и жалеть и ценить дворянство, стал восхищаться статьями Каткова и Муравьевым-Виленским; я поехал и сам на Восток с величайшей радостью – защищать даже и православие, в котором, к сты-

[27] Христофоров И. А. «Аристократическая оппозиция» Великим реформам. Конец 1850 - сер. 1870-х гг. М., 2002 г., с. 223

[28] Муравьев М. Н. Всеподданейший отчет..., с. 501

[29] Там же, с. 504

ду моему, сознаюсь, я тогда ни бельмеса не понимал, а только любил его воображением и сердцем»[30]. Подобно К. Н. Леонтьеву многие консерваторы могли называть 1863 год временем счастливого перелома.

Давление аристократов, сохранившееся влияние поляков при Дворе, привели к тому, что программа реформ и в Северо-Западном крае, и в Польше, не была полностью выполнена. Как только прошел страх перед общероссийской революцией и войной с европейскими странами, в официальном Петербурге сразу начали менять курс. М. Н. Муравьев получил титул графа Виленского и был в мае 1865 г. уволен в отставку. Сменивший его на посту генерал-губернатора К. П. Кауфман продолжал политику своего предшественника, но и он через год был отправлен завоевывать Туркестан. Новый генерал-губернатор Северо-Западного края А. Л. Потапов ликвидировал почти всю «систему Муравьева». Пытавшийся проводить прежний курс виленский губернатор, знаменитый мореплаватель контр-адмирал Шестаков, был уволен в отставку. Также был смещен с должности попечитель виленского учебного округа Батюшков, пытавшийся продолжать русификацию Северо-Западного края. В июне 1867 г. последовала амнистия для большинства бывших повстанцев. Польские помещики даже стали получать назад конфискованные за участие в мятеже земли. Польское помещичье землевладение сохранилось в Белоруссии до 1917 г, а в западной Белоруссии – до 1939 г.

Российские крепостники не скрывали ликования. Газета «Весть» после смерти Муравьева в посвященном ему некрологе не удержалась от бестактных и оскорбительных высказываний в адрес покойного графа Виленского. Впрочем, поддержка «Вестью» польских помещичьих интересов объяснялась не только дворянской солидарностью. В 1869 году, когда полемика «Московских Ведомостей» с крепостниками продолжалась с прежним жаром, М. Н. Катков указал на подтверждаемые официальными источниками факты субсидирования «Вести» польскими помещиками.[31]

С протестом против новой политики в Белоруссии выступил славянофил Иван Аксаков в газете «Москва». В результате газета была закрыта «за вредное направление».

Таким образом, революционные преобразования М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае и Н. А. Милютина в Польше были реализованы далеко не в полной мере. Тем не менее, уже того, что было сделано, достаточно, что бы считать реформы радикально изменившими жизнь этих

---

[30] Константин Леонтьев. наш современник СПб, 1993, с. 121 122

[31] Московские Ведомости, 1869, № 250

регионов. Последствия политики охранителей сказались десятилетиями спустя. Вот что писал один из крупнейших мыслителей Русского зарубежья, уроженец Белоруссии, И. Л. Солоневич: «Край – сравнительно недавно присоединенный к Империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа и интересы России... Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии – даже без пролетариата и ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции».[32]

Подобное могли высказать также и многие деятели литовской культуры. Однако в историю М. Н. Муравьев вошел под кличкой «Вешатель», петлю виселицы либералы окрестили «муравьевским галстуком» (лишь четыре десятилетия спустя ее переименовали в «столыпинский галстук»), а реформы в Польше и Северо-Западном крае считаются «национальным угнетением».

Православная церковь всегда была духовной составляющей русскости. Понятно, почему именно попытка окатоличевания и создания унии проводились в жизнь с таким упорством. И неслучайно одним из важнейших достижений администрации Муравьева в крае было «возвращение» православие в те исторические области России, где оно почти было исчезло. Генерал-губернатор М. Н. Муравьев-Виленский, гордился личным вкладом в возвращение к вере предков значительного числа белорусов-униатов. Вообще-то уния в Белоруссии была ликвидирована, как говорилось, еще в 1839 году, однако многие оставшиеся не у дел униатские священники предпочти перейти в «чистый» католицизм, благо католическая церковь в крае была несравненно богаче и организованнее местных православных. Таким священникам удалось перетащить в католицизм и свою паству.

В результате в Белоруссии сложилась целая конфессиональная группа «калакутов», то есть белорусов, считающих себя католиками, однако сохранивших восточную православную обрядность. В сущности, «калакуты» оставались униатами. Разумеется, католическая церковь стремилась окончательно окатоличить их. Однако фактически «калакуты» оставались православными, хотя и вне православной церкви.

Именно на это обстоятельство обратил внимание Муравьев. Генерал-губернатор Северо-Западного края поставил перед собой задачу

[32] Смолин М. Б Очерки имперского пути. М., 2000 г., с 84 -85

окончательно возвратить в православие белорусов, для чего приступил к масштабной строительной деятельности. За счет казенных, да и личных средств, а также за счет конфискованных у мятежных поляков денежных сумм Муравьев строил православные храмы. Он писал в своем Всеподданейшем отчете царю в 1866 году: «Благодарение Богу, храмы православные всюду воздвигаются в крае на суммы не 10% и 5% сборов, а на контрибуционные и штрафные, взысканные с владельцев и римско-католического духовенства за их крамольные побуждения и манифестации. Таким образом, более 100 церквей возобновляются и воздвигаются вновь на сказанные суммы; на отпущенные же Вашим императорским Величеством 500 тысяч рублей будут окончательно возведены православные храмы в Виленской и Гродненской губерниях, - не деревянные, а каменные, дабы и на будущее время, во славу Божию, оставались они живыми памятниками в народе»[33].

Генерал-губернатор резко отрицательно отзывался о веротерпимости, несмотря на то, что для Российской империи всегда была характерна именно веротерпимость. В том же отчете М. Н. Муравьев отмечал: «...я не могу пройти молчанием о том вреде, который происходит от беспечности и от так называемой веротерпимости, позволявшей римско–католической пропаганде проникать всеми возможными путями к достижению цели – ополячивания и окатоличения края; ибо католическая вера того края не вера, а политическая ересь; римско–католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенства, а политических эмиссаров, пропагандирующих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного»[34]. Таким образом, даже при создании привилегированного положения православия в Белоруссии в конкретных условиях 1863 года, речь не шла о прекращении политики веротерпимости. Большую помощь генерал-губернатору оказывал и архиепископ Семашко. Он оказал материальную поддержку пострадавшему во время мятежа духовенству, восстановил и вновь построил несколько церквей.

Попытка раскола русского единства

Не только и не столько силой оружия пытались враги России отторгнуть российские территории. Гораздо более опасным стало искусственное создание различных «самостийнических» движений внутри самого русского народа. Поскольку доказывать, что жители Украины и

[33] Всеподданейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-западным краем (с 1 мая 1863 года по 17 апреля 1865 г.) //Русская Старина, 1902, т. 110, с. 502
[34] Там же, с. 502 - 503

Белоруссии являются поляками, было возможно только петербургским интеллигентам, но не самим украинцам, то стали появляться теории об особенном происхождении местных жителей, не имеющих ничего общего с «москалями». Особую проблему создавало то обстоятельство, что именно край, на который претендовало польское движение, был центром Киевской Руси, и во времена Речи Посполитой все эти земли назывались русскими воеводствами и «крейсами». Первоначально, еще в первой половине XIX века, польские пропагандисты писали, что Русью являются именно украинские и белорусские земли, являющиеся частью Польши, а Россия есть Московия, присвоившая себе чужое имя России. Польские авторы разделяли историю Руси, которую целиком относили к польской истории, и историческое развитие Российской империи, которая, по уверениям польских националистов, была неславянской Московией.

Так, некий Рыкачевский в предисловии к французскому переводу книги известного польского историка и революционера И. Лелевеля «История Литвы и Руси до их окончательного соединения с Польшей в 1569 году» писал следующее: «То, что называется Россией, есть выдумка, бессмыслица, новое наименование, опровергаемое историей... Россия...есть ничто иное, как Московия, страна неславянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XYIII веке европейским государством, объявленная принадлежащей к славянской народности по указу, созданию абсолютной властью одной царицы».[35]

Согласно исследованию В. И. Ламанского, крупного филолога – слависта, в польской литературе систематически употреблялись слова Rossianin, rossuiski для великорусов, и слова Rusin, ruski, Rus , для обозначения малорусов и белорусов[36]. Во время восстания 1863–64 гг. польские инсургенты в своих воззваниях именовали русских «москвой» (с маленькой буквы), а украинцев и белорусов – русскими или русинами. Однако вскоре вместо понятия Русь для обозначения губерний Юго-Западного края Российской империи стали использоваться слово Украина. Возник союз польских сепаратистов с украинским движением, причем лидирующую роль в союзе играли поляки. Именно польские авторы продолжали работать над созданием теории отдельного происхождения украинцев и их расовых и языковых отличий от великороссов.

В 1858–61 гг. в Париже вышел трехтомный труд профессора парижской польской школы, ополяченного малоросса, Франциска Ду-

---

[35] Гильфердинг А. Ф. Собр. Соч. СПб, 1868, т. 2, с. 306

[36] Ламанский В. И. Три мира Азийско-европейского материка 2-ое изд. Пг, 1916, с 73

хинского, впоследствии вышедший на французском под названием «Peuples Aryas et Tourans». Основная мысль его заключалась в том, что поляки и «русские» (то есть украинцы) являются арийским народом, а москали – туранским, состоящим из смеси финнов и монголов. «Русь» – это исконная Польша, «русский» (то есть украинский) язык есть диалект польского, а «московский» язык – не язык вовсе, а поверхностно усвоенное татаро-финскими варварами славянское наречие. Московия – варварская азиатская страна, представляющая угрозу европейской культуры. Только восстановленная Польша сможет стать барьером московскому варварству. По мысли Ф. Духинского, (сохраняем написание литературного русского языка при цитировании его польско – украинского новояза), « Росиа – исторична узурпация. То правда, пид впливом династии Рюриковичей и церкви финськие и татарские жители Московщины поступово прийняли словьянску мову; Але зберегли свий первисный расовый характер». Итак, москали есть азиаты, под влиянием («впливом») Рюриковичей и церкви принявшие славянский язык, но оставшиеся азиатами в расовом плане. Общий вывод писаний Духинского звучал так: «На Днипро! На Днипро! До Киева! О, народы Европы! Там ваша згода, бо саме там малороссы ведуть боротьбу проти Москвы на захист своей европейской цивилизации». Итак, именно в борьбе против «Москвы» может появиться общеевропейская «згода» (согласие), союзником которой может быть польское движение и украинство, которое, оказывается, уже борется против Москвы. При всей своей антинаучности расистская теория Ф. Духинского получила распространение на Западе, причем некоторые элементы его теории существуют в западной и украинской общественной мысли до сих пор.

Официальный Петербург довольно долго не обращал внимание на появление политического «украинства». Зато культурные особенности Украины и Белоруссии вполне признавались. В начале 60–х гг. XIX века по инициативе петербургского комитета грамотности для Малороссии и Белоруссии был подготовлен проект преподавания на местных наречиях в начальных школах. Были подготовлены буквари, Министерство народного просвещения выделило средства[37]. Именно тогда П. А. Кулиш и создал свою «кулишовку», облегчавшую усвоение грамоты украинским крестьянином, только что вышедшим из «крепостного состояния». Устранив чрезмерное употребление твердого знака, «яти», и двух вариантов буквы И («и» и «I»), что было присуще дореволюционной русской орфографии, Кулиш надеялся, что эту упрощенную письменность украинцы смогут перейти к литературному рус-

[37] Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003, с. 130

скому языку. Кстати, подобный же «Букварь южнорусский» с той же целью выпустил в 1860 году, и Тарас Шевченко. Правда, алфавит в «Букваре» Шевченко был русским без отклонений.

Консервативная пресса писала о «национальном возрождении» белорусов и украинцев. Под этим подразумевалось освобождение «ветвей» русского народа от польско-католического влияния, и приобщения их к общерусской жизни. Появление литературы на местных «наречиях» должно было помочь «располячиванию» православных жителей западных губерний. Но переходу школ украинских и белорусских губерний на местные «диалекты» помешало польское восстание 1863–64 гг., когда инсургенты пытались привлечь на свою сторону (впрочем, безуспешно) украинцев и белорусов. Только во время польского восстания, когда сами «украинофилы» заняли, к немалому удивлению поляков, антипольскую позицию, поскольку память о польском угнетении еще не изгладилась их сознания украинцев, на само украинское движение обратили внимание имперские власти.

Подобные самостийничества возникали не только на Украине. Практически одновременно польскими сепаратистами, многие из которых были уроженцами Белоруссии, была предпринята попытка создания белорусского национализма. В этом краю и ранее деятелями польской культуры использовались белорусские сюжеты и язык. Так, композитор С. Монюшко создал оперу «Селянка» на белорусском языке, поставленную в 1852 году. Писал по-белорусски польский поэт В. Сырокомля. Однако никаких политических целей при этом не преследовалось. Только к моменту подготовки польского восстания, в условиях отмены крепостного права в Белоруссии, где почти все помещики были поляками, деятели польского движения попытались привлечь на свою сторону белорусов. С этой целью революционер – демократ К. Калиновский в 1862–63 гг. выпускал газету «Muzyckaia Prauda» («Мужицкая правда») на простонародном языке, с обилием полонизмом, написанную латинским алфавитом. Всего К. Калиновский выпустил 17 номеров газеты. Эта пропаганда не увенчалась успехом. Большинство белорусов были неграмотными, искусственный язык газеты был просто непонятен, да и латинский алфавит сразу отпугивал православных. В ходе польского восстания 1863 года большинство повстанцев в Белоруссии были шляхтичами. Среди мятежников, привлеченных к следствию после восстания, лишь около 18% относились к крестьянскому сословию, да и те в основном были католиками.

После подавления восстания и русификаторской политики М. Н. Муравьева католической церковью в Белоруссии вновь была

предпринята попытка выпускать католический катехизис на белорусском языке, причем на кириллице. Руководившие изданием монахи состоящего почти исключительно из поляков ордена Братство Воскресения (имелось в виду воскресение Польши) не скрывали чисто политической подоплеки своего кощунственного, с точки зрения католика, поступка, в использовании алфавита «схизматиков». Уже упоминаемый выше журналист М. Н. Катков поднял тревогу, увидев в этом стремление расколоть русскую народность. В случае успеха в «белорусизации» Северо-Западного края, отмечал М. Н. Катков, «...был бы возбужден вопрос о самой народности русской и подверглось бы сомнению ее внутреннее единство: чего же лучше желать с противной точки зрения? Вместо единой русской национальности, равной русскому государству, явятся москали, белорусы, украинцы, и если дело благодаря обману принялось бы успешно, то России, вместо того, что бы приводить в исполнение свою национальную программу, пришлось бы путаться во внутренних противоречиях и недоразумениях»[38]. Благодаря вмешательству М. Н. Каткова, поддержанного охранителями, новый национализм тогда не состоялся. Впрочем, главную роль в этом сыграло отсутствие закордонной части Белоруссии типа Галиции, общая отсталость и бедность края, в котором католическая часть населения относила себя к полякам, а православные считали себя русскими, или «тутэйшими» («тутошними»).

В составе империи

С 1864 года, когда началась реализация реформ Муравьева, Белоруссия, наконец, стала развиваться как составная часть России. Население края выросло с 5 549 тысяч человек в 1863 году до 6 579 тысяч человек в 1897 году. Согласно итогам переписи, 73% жителей составляли белорусы, 13,8% – евреи, 4,3% – русские (великороссы), 4,7% – украинцы, 2,5% – поляки, 1,7% – прочие. Впрочем, при всей аккуратности переписчиков, надо учитывать, что данные были несколько некорректны, поскольку в основе отнесения жителей края к той или иной национальности, была языковая принадлежность. Понятно, что многие усвоившие русский язык евреи были пересчитаны как русские, зато часть белорусских католиков, считавших себя поляками, но польским языком не владевших, были отнесены к белорусам (что, впрочем, было вполне справедливо). Рост населения продолжался и в наступившем новом веке и достиг 7 515 тысяч в 1914 году. Рост населения был зна-

---

[38] Московские Ведомости. 1869 г. № 175

чительно больше, но переселение белорусских крестьян в Сибирь (о чем чуть далее) и эмиграция евреев и поляков за океан (а Виленская губерния дала почти четверть всех эмигрантов из России в начале XX века) несколько сократили общий прирост. Сам рост населения стал свидетельством хозяйственного и культурного подъема в Белоруссии.

Экономический подъем в белорусских губерниях был значительно слабее, чем в большинстве других регионов империи. Разумеется, после многовекового застоя подъем Белоруссии 1864–1914 гг. может показаться фантастическим. Через Беларусь пролегли железные дороги: Рижско-Орловская, Московско-Брестская, Белорусская (Смоленск-Минск-Брест), Либавско-Роменская, и др. Города из грязных еврейских местечек начали превращаться в промышленные города со всеми атрибутами цивилизации. В 1890 году в Минске была налажена телефонная сеть, пущена конка (конно-рельсовый трамвай), построена электростанция, появилось электрическое освещение, в Витебске (самом крупном городе Белоруссии того времени) в 1898 году был пущен электрический трамвай. (Кстати, в Петербурге электрический трамвай пошел лишь в 1907 году). Преобразовался и городской быт. Если еще недавно лишь церковь и кабак были единственными развлечениями горожан, то теперь были открыты театры (например, в 1890 в Минске был построен театр, открыта публичная библиотека имени А. С. Пушкина). В начале XX века на роль первейшего города Белоруссии стал выдвигаться Минск. За 1861–1897 гг. площадь города выросла в 10 раз! В 1912 году население Минска превысило 100 000 человек. В 23 учебных заведениях, в том числе 7 гимназиях (из них 4 частных), обучалось 6032 человека (5,7 процента общего числа населения, как правило, из состоятельных семей). Высших учебных заведений вообще не было. Действовали только 4 кинематографа и театр. Прокладка через Минск железных дорог – Московско-Брестской и Либаво-Роменской – превратила город в важный железнодорожный узел.

За полвека между 1864 и 1914 годами, как видим, Белоруссия прошла значительную социально-экономическую и культурную эволюцию, отойдя от польской традиции. Впрочем, последствия польского господства продолжали сказываться и в эту эпоху.

Города Белоруссии были заселены в основном евреями, составлявших 50–60% населения в Минске, Витебске, Бобруйске. Многие мелкие города и местечки типа Пинска, Слонима или Мозыря, вообще назывались "грязными Иерусалимами", в которых отделенные христиане тонули в массе сынов Иакова. Среди христианского населения белорусских городов преобладало польское по языку и культуре ме-

щанство. Православное же городское население было гораздо малочисленнее, особенно в западной Белоруссии, Например, в Гродно православные составляли лишь 9% населения города. Самым же большим в Российской Империи городом по числу живущих белорусов был ... Санкт-Петербург, где в 1910 г. проживало 70 тыс. белорусов (вторая по величине этническая группа после великороссов). Витебская губерния стала одним из главных «поставщиков» новых жителей столицы империи. Не случайно сложилась пословица: «Псковский да витебский – народ самый питерский». Самой распространенной профессией в Петербурге для крестьян с Витебщины была разгрузка кирпича с барж на невской пристани. Кирпичи с судов переносили на специальных подвесках, укрепленных на плечах и спине носильщиков.

Нищие безземельные белорусские крестьяне массами переселялись за Урал. Подсчитано, что с 1861 г. по 1913 г, 1,5 млн, белорусов переселились в Сибирь и на Дальний Восток, Все это объяснялось вовсе не тягой белорусов к путешествиям, а тяжким экономическим гнетом со стороны польских помещиков и еврейских ростовщиков. Самое замечательное в этом (пусть даже этот факт и не может быть таким уж замечательным!), никто из белорусов не эмигрировал за рубеж. Но, все же объединение Белой, Малой и Великой Руси в одно государство – Российскую Империю, а затем СССР, покончили с попытками окатоличивания и полонизации народа Белоруссии, привели к быстрому росту промышленности. (Конечно, это покажется странным, но именно «располячивание» привело к бурному подъему белорусской культуры). После нескольких веков национального и религиозного угнетения белорусы почувствовали себя вновь людьми.

Не случайно современные историки, даже под микроскопом не могут отыскать свидетельств наличия среди белорусов какого-нибудь антимосковского сепаратистского движения. Действовавшие в начале XX в. на территории современной Белорусской республики многочисленные партии и движения самых разных направлений и оттенков (вспомним, что именно в Минске в 1898 году была создана РСДРП) были всероссийскими. Народ Белоруссии прочно связал свою судьбу со всей Россией.

В 1902 году возникла народническая партия, местный филиал партии социалистов-революционеров – Белорусская социалистическая громада (БСГ). Создатели и руководителями организации были братья Иван и Антон Луцкевичи, поэтесса Алоиза Пашкевич, писавшая под псевдонимом Тетка, писатель и художник Карусь Каганец (Казимир Кастровицкий). Лишь впоследствии историки стали внимательно изу-

чать историю БСГ, но в те времена БСГ была всего лишь одним из незначительных филиалов партии эсеров. БСГ выдвигала требование создания на месте Российской империи демократической федерации народов, причем к отдельным народам, требующим автономии, были отнесены белорусы. Впрочем, сами активисты БСГ признавали, что белорусы сами не считают себя «угнетенным народом».

Однако для белорусов общерусское самосознание еще не преобладало. Языковые и некоторые культурные отличия белорусов от великороссов как следствие многовекового отрыва двух ветвей русского народа, не могли не сохраниться и в новых условиях. Во второй половине XIX века получает определенное развитие литература на белорусском языке. Создатели ее руководствовались самыми разными намерениями. Польские деятели, по-прежнему претендуя на Белоруссию, намеренно пытались пропагандировать белорусский язык и местные отличия в культуре, резонно считая, что раз уж белорусов не удалось ополячить, то пусть они хотя бы не станут русскими. Бывший участник восстания 1863 года Ф. Богушевич издавал в Кракове (польском городе, входящим тогда в состав Австро-Венгрии) книги на белорусском языке, но с использованием польского варианта латинского алфавита.

Революционеры-народники издавали свои пропагандистские материалы на белорусском (например, журнал «Гомон» в Петербурге в 1884 году), желая обращаться к народу на понятном ему языке. Впрочем, и в Великороссии революционные прокламации нередко также были написаны на псевдонародном языке с диалектизмами. Следует заметить, что и власти Российской империи достаточно спокойно относились к белорусскому движению. Хотя практически все ученые, равно как и государственные деятели, отрицали существование белорусов как отдельной нации, но все же самоценность белорусской культуры и возможность ее развития для обогащения культуры общерусской признавалась ими полностью.

Среди белорусской интеллигенции доминирующей идеологией стал «западнорусизм». Основной своей задачей «западнорусисты» ставили полное слияние двух ветвей единого народа, но при сохранении особенностей белорусов. Собственно, «западнорусистами» могли считаться и Симеон Полоцкий и Георгий Конисский. Но в эпоху империи на место отдельных гениальных, но все же одиночек пришли уже настоящие ученые. Среди них на первое место можно поставить Михаила Осиповича Кояловича (1828–1891 гг.). Сын православного священника с Гродненщины, порвавшего с унией, Михаил Коялович учился духовной семинарии и петербургской Духовной Академии. В 1859 году Коя-

лович печатает 1-ый том магистерской диссертации «Литовская церковная уния», и три года спустя второй. Тогда же в газете славянофилов «День», редактируемой Иваном Аксаковым, Коялович помещал «Лекции по истории западной России лекции о западнорусских братствах и по истории Западной России (последнее издание 1884, с приложением этнографической карты).

В 1865 г., по поручению археографической комиссии, им изданы "Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношения к Восточной России и к Польше", с переводом на французский язык; в 1869 г., по поручению Академии Наук – "Летопись осады Пскова Стефаном Баторием", по поручению археографической комиссии – "Дневник Люблинского сейма 1569 г.", с переводом на русский язык, в 1872 г. – "Русская историческая библиотека", т. I, в 1873 г. – докторская диссертация: "История воссоединения западнорусских униатов старых времен" (до 1800 г.), в 1880 г. – брошюра: "Три подъема русского народного духа для спасения русской государственности в смутные времена".

В 1884 г. вышла в свет часть курса Кояловича по русской истории, ставшая самой главной книгой во всем творчестве ученого: "История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям". По словам Кояловича, "в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное неизбежно субъективно"; он следовал поэтому тому субъективизму, который больше всех других "обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные ее стороны". Такой русский субъективизм Коялович находил в сочинениях славянофилов. Того же славянофильского направления держался Коялович как в своих журнальных статьях (преимущественно по истории Юго-Западной Руси), так и в речах, из которых выделяется произнесенная в санкт-петербургском славянском благотворительном обществе речь на тему: "Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности" (1883). Он стоял за возможно тесное общение между славянскими племенами, за объединение их под знаменем святых Кирилла и Мефодия.

Белорус Коялович первым в России исследовал русское самосознание. Действительно, ранее все отечественные мыслители больше изучали историю государства, в меньшей степени - народа, но только уроженец края, где многие века русскому самосознанию пришлось упорно отстаивать свое существование, смог сказать новое слово в отечественной науке. Книга «История русского самосознания, как это, увы, часто было в нашей стране, осталась практически незамечена «пе-

редовой интеллигенцией». Хотя известный славянофил Иван Аксаков писал, что книга Кояловича – «превосходнейший и крайне полезный труд», а Лев Тихомиров говорил, что труд белорусского ученого должен стать настольной книгой каждого русского человека, но в целом великое произведение еще только ждет массового читателя. Впрочем, именно такая судьба была у произведений Николая Данилевского и Константина Леонтьева.

О Кояловиче как человеке и ученом прекрасно говорилось в приветственном адресе, преподнесенном ему студентами Петербургского университета в ознаменование 35-летия его службы: «Ваши лекции заставляли нас с живым интересом вникать в события родной истории, видеть поражающую мощь и доблесть русского народа и его замечательные зиждительно государственные способности и тем научили нас сознавать себя русскими людьми, обязанными ценить все хорошее русское, относясь вместе с тем беспристрастно и к плодам европейской цивилизации. Представляя в делах лучших русских людей живую историю русского народного самосознания, вы стремились преобразовать в нас просвещенный взгляд на исторические судьбы родной земли, чтобы тем пробудить сознательно проводить в жизнь народные начала и отстаивать русское дело. И в этом отношении Вы дали нам превосходный образец; и в профессоре – теоретике и в практической деятельности в вас был виден один и тот же истинно-русский человек, неуклонно проводящий и твердо отстаивающий основные принципы русской исторической жизни – православие и народность».[39]

Итак, в начале XX века, несмотря на все наслоения исторического прошлого, Белоруссия стала составной частью России.

[39] Пальмов И. С. Памяти Михаила Осиповича Кояловича. СПб, 1891, с. 11

Часть V. Рождение Советской Белоруссии

Со всей Россией вместе Белоруссия прошла все испытания XX-го в. В 1914–21 гг. на белорусской земле гремели сражения Первой Мировой, Гражданской и советско-польской войн. Сотни тысяч белорусов погибли в этих войнах, в руины обращены многие города и села. Когда затихли сражения, Белоруссия оказалась на 18 лет разделенной: западную ее часть удерживала Польша, восточная и центральная часть составляли Белорусскую Советскую Социалистическую республику. Но расскажем все по порядку.

В августе 1914 года началась первая мировая война. Белоруссия, как всегда, оказалась одним из главных театров военных действий, а белорусы – одним из самых пострадавших в войне народов. Белорусские губернии дали наибольший процент мобилизованных в армию относительно общей численности населения, по сравнению с другими регионами Российской империи. При этом горожане имели множество отсрочек от призыва, а в Белоруссии многочисленное еврейское и польское население городов края не внушали властям империи доверия по политическим мотивам, так что под ружье в основном встали белорусские крестьяне. В Барановичах, а затем в Могилеве размещалась Ставка Верховного Главнокомандующего. Уже летом 1915 года военные действия развернулись на территории Белоруссии. Немцы заняли Брест, Вильно, Гродно. Жестокие сражения под Барановичами, в районе озера Нарочь, вошли в число крупнейших «мясорубок» войны. Боевые действия на землях Белоруссии шли вплоть до весны 1918 года. Помимо солдат, сотнями тысяч гибли мирные жители, несколько миллионов человек было эвакуировано вглубь России. Впоследствии в силу разных обстоятельств часть эвакуированных и беженцев не вернулась в Белоруссию. Всего в годы первой мировой войны погибло примерно 1,2 миллиона жителей Белоруссии (каждый 7-ой житель).

На оккупированной части белорусских земель немецкие власти пытались использовать белорусов в качестве средства ослабления русского единства. В Вильно немцы создали организацию под названием Центральный комитет белорусских национальных организаций (впрочем, несмотря на столь пышное название, в этом ЦК было лишь несколько человек). Более серьезное значение имела другая организация, созданная немцами там же, в Вильно – «Сувязь незалежнай и неподзельнай Беларуси» (думается, что переводить это название на литературный русский язык не нужно) во главе с Вацлавом Ластовским. Ра-

зумеется, вся «незалежнасть и неподзльнасть» означала лишь присоединение Белоруссии к Германии. Впрочем, сам Ластовский, в тот момент – 30-летний историк и языковед, в политическом отношении был вполне беспринципным человеком. Забегая вперед, можно отметить, что в дальнейшем вернулся в СССР и даже стал академиком Белорусской АН, несмотря на то. что научное значение из его творчества имеют лишь воспоминания о некоторых деятелях политики и культуры Белоруссии. Также оккупационные германские власти начали выпускали газеты на белорусском языке, в частности, со знаменитым народническим названием «Гомон», и даже белорусский театр под руководством Ф. Олехновича (в Вильне).

То, что на роль главных лакеев немецких хозяев в Белоруссии стали претендовать новоявленные белорусские самостийники, вызвало ревность польских деятелей. В феврале 1916 года ими была создана «конфедерация», требующая восстановления Великого княжества Литовского (да, поляка ничего не исправит!). Немцы с удовольствием смотрели на грызню лакеев, справедливо считая, что кто бы ни победил в этом споре, хозяином Белоруссии останется Германия.

Тем временем, в феврале 1917 года в России рухнула монархия. После этого последовала болтливая керенщина. Но в ходе «февральских свобод» произошел распад Российского государства. Началось «национальное пробуждение» целого ряда народов прежней империи, сопровождаемое «этническими чистками» и столкновениями. Стремясь как можно более сильно подорвать «русский великодержавный шовинизм», воцарившиеся на час халифы либеральной интеллигенции быстро признали белорусов «отдельным народом» (не спросив мнения самих белорусов на этот счет). Во всяком случае, в марте началось быстрое формирование «белорусских демократических организаций». Как правило, эти организации носили амбициозные названия – Союз белорусской демократии (в Гомеле), Белорусский народный союз (в Витебске), Белорусский народный комитет (в Могилеве). Белорусская социалистическая громада начала быстро расти, из мелкой секты интеллигентов превращаясь в крупную партию, хотя по численности и уступавшей местным отделениям всероссийских партий.

Февральская революция на территории Белоруссии выглядела так: как только весть об отречении Николая II дошла до белорусских земель и западного фронта, активисты левых партий немедленно освободили из тюрем всех заключенных (среди которых «политических» было мало). Затем почти одновременно возникли местные органы Временного правительства и Советы. Минский Совет немедленно создал

свои боевые части под командованием будущего полководца М. В. Фрунзе. Вообще большевики в Белоруссии первоначально не имели серьезного влияния. Однако, как единственная организованная партия, твердо знавшая, чего именно хочет, и отличающаяся волей к власти, большевики начали завоевывать массы как среди солдат, так и среди местного населения. Определенное влияние на какое-то время получили также эсеры, меньшевики, бундовцы.

В противовес большевикам начали расти белорусские самостийнические организации. Впрочем, несмотря на значительную финансовую поддержку внешних сил, влияния они не имели.

В октябре 1917 года в Петрограде большевики без особого труда свергли Временное правительство, и приступили к преобразованиям на основе социалистических теорий. В Белоруссии местная советская власть была представлена органом с длинным и тяжеловесным названием (в духе той эпохи) Облисполкомзап. (Областной Исполнительный комитет Западной области и фронта). Председателем его был М. В. Рогозинский, а с начала 1918 года – Александр Мясников. Армянин по происхождению (настоящая фамилия Мясникян), он в дальнейшем стал первым руководителем советской Белоруссии.

А затем последовала очередная русская смута, сопровождаемая появлением эфемерных «правительств», политических вождей, армий, местных денежных знаков. Всерьез воспринимать все эти правительства и партии не стоит. В конечном счете, почти в каждом российском уезде существовали подобные «власти». Поэтому ограничимся только холодным перечислением: в конце 1917 года создается Центральная белорусская рада, позднее переименованная в Великую Белорусскую Раду. Эти «Рады» объявили о непризнании Облисколкомзапа. Попытка провести в декабре 1917 года некий Всебелорусский съезд закончилась тем, что сей съезд был разогнан большевиками.

Но тут вмешался еще один серьезнейший фактор – немцы. Хотя 15 декабря в Брест-Литовске был заключено временное соглашение между Советской Россией и Германией, и начались переговоры о подписании мира, немцы в скором времени организовали вооруженное выступление польского корпуса Довбор-Мусницкого в восточной Белоруссии, а затем и сами перешли в наступление. В феврале 1918 года вся Белоруссия была оккупирована германскими войсками.

Но был уже XX век, и просто присвоить чужие провинции потерпевшего военную неудач соседнего государства было уже не так просто. По этой причине немецкие оккупационные власти стали спешно создавать «государства», естественно, тут же объявлявшие о вечном

союзе с Германией. Так, 16 февраля немцами было создано «Литовское королевство» во главе с королем «Миндовгом вторым», коим стал германский принц Урах. То, что в современной Литве день 16 февраля отмечается как «день независимости», служит только иллюстрацией к специфике прибалтийского чувства юмора. Понятно, что и в Белоруссии немцы пошли по тому же пути. 22 февраля германские войска заняли Минск, а уже 25 было создано «Белорусское Народное (!) правительство» во главе с крупным помещиком, литовцем (жмудином) по происхождению, Романом Скирмунтом.

Впрочем, хотя современные профессиональные самостийники и пытаются найти какое-то «белорусское движение», представленное всякими «Радами» и «атаманами», принимавшими всякие там «декларации», «законы» и «Уставные грамоты», но народ Беларуси отвечал оккупантам и их прихвостням по-своему. Так, под Бобруйском сохранялась советская власть («Рудобельская республика»), действовали партизанские отряды. В Полесье в октябре 1918 года партизаны и местное население поднялb восстание против оккупантов.

После поражения Германии в первой мировой войне Ленин денонсировал Брестский мир. Немецкие войска, и с ними в обозе – белорусские «политики», ушли в Германию. В Белоруссию с востока вошли красные, с запада – поляки. На территории большей части Белоруссии установилась советская власть. 30–31 декабря 1918 года в Смоленске 6-ая северо-западная конференция РКП(б) провозгласила себя 1-ым съездом компартии Белоруссии, и уже 1 января 1919 года была провозглашена Белорусская ССР. Впрочем, границы новой республики менялись в ходе продолжавшейся Гражданской войны, да и сама республика уже в апреле была объединена с Литвой в Литовско-Белорусскую республику со столицей в Вильно. Вскоре началось наступление польских войск, которые заняли Вильно, Минск и значительную часть Белоруссии.

Как обычно, в Белоруссии развернулось партизанское движение. Отряды под командованием А. Блажко, М. Левкова, А. Соловьева, В. Талаша, стойко сражались с новыми оккупантами. В январе 1920 года в деревне Гатово под Минском состоялся 1-й съезд партизан Белоруссии.

Весной 1920 года малая война Советской России и Польши приняла огромные масштабы. По миллиону солдат с каждой стороны фронта бились насмерть в предгорьях Карпат и среди лесов Белоруссии. Остановив весеннее наступление поляков, части Красной Армии в июле перешли в наступление на территории Белоруссии. Уже 11 июля был освобожден Минск, а к августу была освобождена и вся Белорус-

сия. Красная армия подошла к Варшаве, но тут обильно снабжаемые Антантой польские войска перешли в контрнаступление. Вскоре вновь была оставлена западная Белоруссия. На три дня в октябре поляки даже вновь захватили Минск. Правда, вскоре военные действия были приостановлены, и 18 марта 1921 года в Риге был подписан мир между Польшей и Советской Россией. Граница между двумя государствами проходила по линии фронта, на момент приостановки военных действий. Ни экономическим, ни этнографическим, ни каким прочим условиям эта граница не соответствовала. Половина территории исторической Белоруссии, что составляет 40% территории современной республики Беларусь, оказались под властью Польши.

Разделение и воссоединение

О советском периоде общероссийской истории можно сказать много и плохого, и хорошего. СССР вовсе не был раем на земле, и преступлений в его истории было множество. Но тем, кто оплакивает "Россию, которую мы потеряли" и рассуждают о 70-ти годах, когда страна была оторвана от "мировой цивилизации", не мешает вспомнить итоги 18-летнего эксперимента разделенной Белоруссии. Западная часть белорусских земель, оказавшись вновь под властью Польши, будучи включенной в эту пресловутую "цивилизацию", вовсе не составила чего-то подобного Западной Германии. Напротив, Западная Белоруссия была отсталой колонией Польши, экономически стагнирующей, за двадцать межвоенных лет так и не достигшей уровня 1913 г. Для западных белорусов в 20-30 гг. словно повторились времена XVII в. с его ополячиванием и гонениями на Православие. В ревностно католической Польше в отношении православного духовенства и храмов творился не меньший (а может, и больший) произвол, чем в большевистской России. Во второй половине 30-х гг. польские власти начали варварское уничтожение православных церквей по всей стране.

В столь часто упоминаемом демократами в 1937 г. в Польше разом были закрыты, частью уничтожены, частью переданы католикам 700 православных храмов. Был взорван собор Александра Невского в Варшаве. Словно в средние века, широкое распространение получило насильственное обращение в католицизм, была возрождена в Белоруссии уния, создана марионеточная автокефальная церковь. Сохранившие верность Православию должны были молиться по-польски. Дикость этой ситуации усугубляло то, что сами поляки, как и положено католикам, молились по-латыни. Помимо католиков, в Западную Белоруссию устремились многочисленные проповедники различных сект

типа адвентистов или иеговистов, которым действительно удалось некоторое количество белорусов вовлечь в свою "веру".

Такая странная для XX-го века злоба на Православие объяснялась стремлением польских властей лишить белорусов их национальной души, их белорусской идентичности, превратить их в денационализированное "быдло", рабсилу западной цивилизации. Если сюда добавить свирепые гонения на язык и культуру белорусов, то картина будет ясной.

Русский язык в Польше фактически был запрещен, его преподавали только в военных заведениях как язык потенциального противника, и издавали одну газету в Варшаве. Что касается белорусского языка, то на западной Белоруссии в отношении к нему проводилась сложная политика. Сначала, в 1919–20 гг., пока шла война с советской Россией, польские власти (как, кстати, и большевики на востоке Белоруссии), открывали белорусские школы, разумеется, рассматривая «белорусизацию» как способ «дерусификации». Но, как только война закончилась, польские правители тут же закрыли почти все белорусские школы, издательства и газеты. Немногие оставшиеся газеты и книги по-белорусски были переведены на латинский алфавит.

Польские власти попытались осуществить то, что так и не смогли их предки в 17–18 веках, то есть ополячить жителей оказавшихся под их властью восточнославянских земель. 17 декабря 1920 г, сразу после заключения перемирия с советской Россией, польские власти издали специальный закон «О наделении землей солдат польской армии, которые отличились в войне против России». На основании этого закона военные колонисты из центральных районов Польши («осадники»), стали поселяться на землях западной Белоруссии в качестве военных колонистов. Это была, кстати, единственная попытка в истории заселить Белоруссию пришлым населением. Разумеется, «осадники», при всем своем тупом польском шовинизме, так и не смогли стать надежной опорой властей в деле ополячивания. Зато ненависть к «осадникам» была так велика, что «осадничество» исчезло в 1939 году, как только местные жители смогли показать свои искренние чувства.

Сама западная Белоруссии была переименована в ... «Белую Польшу». Похоже, что польские власти утратили чувство юмора. Западная Украина, например, также была переименована из Малороссии в «Малую Польшу». При этом правителей Польши не смутило то обстоятельство, что сия «малая» Польша была крупнее собственно Польши.

В самом деле, в Польше даже по данным тенденциозной польской переписи населения 1931 г. 14,3% всего населения страны состав-

ляли украинцы и 5,9% белорусы (это без учета евреев и немцев, проживавших на землях к востоку от Буга). Фактически же восточных славян в Польше проживало гораздо больше, поскольку власти всячески старались завысить численность «титульной», как модно сейчас говорить, нации. В результате в «поляков» записали всех католиков и лиц, владевших польским языком. Таким образом, «поляков» на западной Белоруссии оказалось 750 тысяч. Основной принцип властей в отношении всего непольского населения страны гласил: «русских в Польше нет!». Проводилась жесткая политика «полонизации» (ополячивания). Вообще трудно отделаться от мысли, что лидеров Польши 1918–39 гг., которую называли Второй Речью Посполитой, ничему не научила судьба Первой. Такие же свирепые и бездарные гонения на православие и русскость, такое же пресмыкательство перед Западом, такая же патологическая русофобия и мечта о захватах русских земель. Конец у такой Речи Посполитой был неизбежен.

Поскольку многочисленные восточные славяне упорно не желали становиться поляками, то всех православных и униатов, независимо от их самосознания, объявили украинцами и белорусами. Польские лидеры, опираясь на свой опыт более чем векового выведения украинского национализма, продолжали упорно проводить украинизацию малороссов, резонно считая, что это – лучший путь к ликвидации русского самосознания среди православного быдла. К тому же в Польше, где практически все политические партии выдвигали лозунги создания Польши «от моря до моря», с помощью самостийников рассчитывали расчленить Россию.

Впрочем, на Волыни, бывшей еще недавно оплотом Союза Русского Народа, украинизация не увенчалась успехом. Аналогичным образом, и в западной Белоруссии упрямые белорусы упорно отказывались считать себя отдельной от великороссов нацией.

Даже в Галиции, несмотря на 600-летний отрыв от основной России, долго сохранялось русское самосознание. Так, еще в 1931 году, в находящейся под польским господством Галиции, во время проведения уже упомянутой общепольской переписи, 1 196 855 галичан назвали себя «русскими», или «русинами», и 1 675 870 – украинцами, несмотря на всяческое покровительство «украинцам» со стороны официальных властей и униатской церкви. При этом многие галичане-католики предпочли назвать себя поляками.

Впрочем, уже очень скоро заботливо выращенный украинский национализм повернулся против своих создателей. В самом деле, мало внушить малороссам мысль об их «особости» по сравнению с моска-

лями. Нужен враг, в борьбе с которым может сплотиться новая нация. Москали были далеко, а вот лях – это исконный и традиционный враг. Именно на антипольских лозунгах самостийники могли завоевать массовую базу. Вскоре самостийники даже перешли к террору против польских властей. В результате против вышедшего из под польского контроля украинского движения началось применение карательных мер официальной Варшавой. Но самостийники уже нашли нового спонсора – Германию, на службу к которому и пошли.

Можно сказать, что Западная Белоруссия 1921–39 гг. была испытательным полигоном по отработке того, что теперь творится на всей территории СССР за счастливым исключением Республики Беларусь. Заметим, что национальное угнетение в Западной Белоруссии объяснялось вовсе не глупостью польских властей, а принципиальной цивилизационной несовместимостью Запада (периферией которого является Польша) и России. Освобождение западным белорусам принесла Красная Армия в сентябре 1939 г.

Но до осени 1939 года произошло много событий. И на западе, и на востоке Белоруссии вплоть до 1925 года продолжали греметь выстрелы. Против советской власти действовали различные банды, из-за рубежа вторгались банды Булак-Балаховача, пограничные инциденты следовали чуть ли не каждый день. Советско-польская граница до середины 20-х гг напоминала линию фронта.

Советские лидеры, впрочем, тоже не брезговали применять такие же способы политической деятельности, как и сами западные правительства. Организация повстанческой деятельности, политические убийства, вооруженные акции, и тому подобное, – все это считалось в тех конкретных политических условиях вполне нормальным. Особенно широких масштабов достигла подобная деятельность, получившая название «активная разведка», в Белоруссии. Партизаны, пользовавшиеся поддержкой значительной части местного населения, совершали нападения на полицейские участки, железнодорожные станции, пограничные посты, громили помещичьи имения. Наиболее впечатляющей их операцией стал захват города Столбцы, где в ночь с 3 на 4 августа 1924 года 58 боевиков во главе с будущим Героем Советского Союза Станиславом Ваупшасовым разгромили гарнизон и железнодорожную станцию, а заодно старосты, поветовое уездное управление полиции, городской полицейский участок, а также захватили тюрьму и освободили руководителя военной организации Компартии Польши Станислава Скульского и руководителя Компартии Западной Белоруссии Павла Корчика (что, собственно, и являлось целью операции).

24 сентября того же года 40 партизан из отряда Кирилла Орловского (также будущего Героя Советского Союза), устроив засаду у станции Ловча по железнодорожной линии Брест–Лунинец, напали на поезд, в котором ехал недавно назначенный воеводой Полесья пан Довнарович. Проявив гуманизм, повстанцы не стали его расстреливать, а выпороли кнутом, после чего опозоренный воевода вынужден был подать в отставку. Партизаны также захватили почту и разоружили ехавших в поезде солдат и офицеров.

В партизанских действиях активной разведки отличились и приобрели опыт многие будущие организаторы партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Операции по активной разведке продолжалась вплоть до 1925 года, после чего были свернуты. К этому времени советские лидеры, среди которых все большее значение приобретал Сталин, пришли к выводу, что воссоединение восточного славянства сможет быть осуществлено только в результате деятельности Российского государства (независимо от названия).

БССР за те же годы прошла общий для Советского Союза путь, сопровождаемый коллективизацией и индустриализацией со всеми их сложностями. Были "раскулачены" сотни тысяч откуда-то взявшихся в нищей Белоруссии кулаков (всего 15 625 хозяйств), репрессированы многие тысячи невинных людей, всесоюзную "славу" получили палачи из НКВД Белоруссии Цанава, Коба и др. (большинство из которых не белорусы и вообще не славяне). Но в эти же годы в Восточной Белоруссии была ликвидирована неграмотность, построены сотни промышленных предприятий, сотни тысяч людей приобщились к вершинам мировой культуры. Любой непредвзятый исследователь, не забывая о репрессиях сталинской эпохи, тем не менее, не может не признать, что эпоха социализма была лучшей в истории Белой Руси.

Когда 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, то начало войны внешне выглядело как нападение Германии на Польшу. При этом то обстоятельство, что сама Польша была союзником Германии, и вместе с ней делила Чехословакию, разумеется, в эпоху «политкорректности» было забыто. А ведь Польша была вполне агрессивным милитаристским государством, требовавшим себе новых территорий. Но в силу многих исторических проблем, со временем Польша перестала удовлетворять Германию. И тогда Гитлер и другие правители Германии решили захватить Польшу, тем более, как совершенно справедливо считали они, польская армия, в которой значительную часть

солдат составляли представители нацменьшинств, долго сражаться не будет. И нельзя не признать, что в этом случае они не ошиблись.

Когда польско-германская война началась, то сразу выяснилось, что мобилизованные украинцы и белорусы отнюдь не горели желанием умирать за «независимую Польшу», обращавшуюся с ними как с бесправным быдлом. Об их отношении к начавшейся войне можно судить по тогдашней частушке:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

На семнадцатый день все было кончено. Правительство и военное командование дезертировало. И тогда Сталин понял, что настало благоприятное время воссоединения триединого русского народа.

17 сентября 1939 года части Красной Армии перешли тогдашнюю западную границу СССР, начав освободительный поход на запад. На белорусском направлении действовали войска Белорусского фронта под командованием командарма 2-го ранга М. П. Ковалева, включавшие в себя 4 армии. В числе членов Военного Совета фронта входил первый секретарь компартии Белоруссии Пантелеймон Пономаренко. Началась ликвидация последствий Брестского мира 1918 года и советско-польской войны 1920-го года. Историческая Россия вновь собиралась в пределах одного государства. К 25 сентября все было закончено: советские войска вышли на линию разграничения с немецкими войсками, установленной ранее в результате договоренностей по советско-германскому пакту о ненападении, подписанному в Москве месяцем ранее. Вскоре, 28 сентября, был подписан советско-германский договор о дружбе и границах, установивший новую западную границу СССР, практически совпадавшей с этнографическими границами восточного славянства. 2 ноября 1939 года Верховный Совет СССР принял законы о включении в состав СССР территорий западной Украины и западной Белоруссии. Приобретения нашей страны составляли 203 тыс.кв.км, с населением 13 миллионов человек.

Рано или поздно подобное должно было произойти. Фактически вплоть до Второй мировой войны наш народ был разделен. После февральской революции (да-да, большевики просто довели до логического конца то, что началось при «февральских свободах!) распалось русское государство. Большевики смогли собрать по кускам державу, но часть самых западных восточнославянских земель оказалась под властью новоявленных лимитрофных «государств». К тому же и Российская им-

перия еще не объединяла всех русских, поскольку русины Галиции, Буковины и Карпатской Руси были под властью Австро-Венгрии. Присоединение этих краев было одной из главных целей России в Первой мировой войне. После распада Австро-Венгрии большая часть западноукраинских и западнобелорусских земель оказалась в составе Польши. Под властью «братьев-славян» русины пребывали под таким национальным и религиозным гнетом, что коммунистическая власть в СССР казалась им меньшим злом.

Сама Польша, некогда самая промышленно развитая часть Российской империи, за все межвоенные годы так и не достигла уровня 1913 года. Экономические проблемы паны пытались решать за счет восточных «крейсов» (районов), нещадно эксплуатируя малороссов и белорусов. И результат был понятен: православные были готовы встретить русскую власть с востока, под какими бы знаменами она не пришла.

Между тем, охваченные экспансионистским зудом, польские лидеры вступили в соглашение с Гитлером, и вместе с ним приняли участие в разделе Чехословакии. Тем самым, был создан прецедент по изменению европейских границ (прежние территориальные переделы, такие, как поглощение Австрии, были внутренним немецким делом, ведь довоенная Австрия напоминала ГДР, будучи немецким государством). Но Гитлер не обратил внимание на готовность поляков принять вместе с Германией участие в походе на восток. Гитлер предпочел заключить соглашение со Сталиным, ведь СССР также стремился изменить версальские границы. В результате, польские лидеры, мечтавшие разделить с немцами русские земли, сами обрекли свою страну на очередной раздел.

Итак, 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая Мировая война. На 17-ый день кампании польское правительство и командование трусливо бежали, бросив страну на произвол судьбы. Хотя поляки еще продолжали сражаться вплоть до конца сентября, это была уже агония. И вот именно теперь настал момент, когда можно будет положить конец угнетения восточных славян в Польше. Словно громадный вдох облегчения вырвался, когда Красная Армия двинулась на запад. Деморализованные поляки почти не оказывали сопротивления. Потери Красной Армии составили 1139 убитыми и 2383 ранеными. Польские потери составили 3, 5 тысяч убитыми. В плену оказалось свыше 450 тысяч польских солдат.

Красную Армию население встречало восторженно. К смущению политруков, православные священники во главе своих прихожан хлебом-солью встречали красноармейцев. При занятии Советскими вой-

сками одного еврейского местечка местный еврейский оркестр, музыканты которого не знали советских песен, встретили освободителей мелодией «Боже, Царя, храни»! Польское население, хотя, вероятно, с меньшим энтузиазмом, но также встречало красноармейцев цветами.

Нельзя не признать, что местные жители тут же постарались воспользоваться крушением Польши для мести по отношении к наиболее ненавистным деятелям польского режима. Осадники и прежние столпы власти нередко становились жертвами народного самосуда. Так, 22 и 23 сентября местное население местечка Скидаля расправилось с бывшими легионерами-осадниками. Были застрелены, растерзаны и забиты в результате этой самосудной расправы 42 человека. Значит, было за что, если кроткие белорусы не выдержали. Жертвой народного самосуда стал и Роман Скирмунт, возглавлявший весной-летом 1918 года «правительство» марионеточной прогерманской «Белорусской Народной республики».

Польское государство было ликвидировано. В четвертый раз Польша была разделена. Впрочем, в 1944–1945 гг., еще в ходе войны, Сталин дал Польше компенсацию в виде германских территорий, присоединенный по его воле к восстанавливаемой Польше. Также в августе 1945 года по договоренности между СССР и правительством Польши была установлена советско-польская граница соответствующая «линии Керзона» (то есть примерно совпадающая с этнографическими границами Польши). Однако по этому договору к Польше был возвращен Белосток с окрестностями. Вильно, та самая «Вилоня», сыгравшая столь значительную роль в истории Белоруссии, стала Вильнюсом, столицей Литовской советской республики. Впрочем, в то время Вильнюс был все – равно своим, советским городом, несмотря на то, что после 1945 года примерно половину его населения стали составлять литовскоязычные мигранты.

Не будем лицемерить – пакт с Гитлером действительно вызывает смущения некоторых честных, но политически наивных людей. Но давайте не поддаваться на неуместные в политике морализаторские доводы. Польские лидеры сами положили начало территориальному переделу Европы. Сталин в таких условиях сделал все, чтобы не только отодвинуть границы, но и вернуть восточнославянские земли. Это было не только правильно с политической точки зрения, но и исторически оправдано. Мы, потомки, должны быть ему благодарны.

Воссоединение запада и востока Белоруссии в сентябре 1939 г. стало для белорусов таким же эпохальным событием, как для немцев воссоединение в октябре 1990 г. Достойно удивления, что 28 сентября,

дата воссоединения Белоруссии, не является в республике праздником. Тот довод, что как-то неприлично отмечать годовщины соглашения между Сталиным и Гитлером лишен основания, ведь не смущает немцев объединение в результате сделки с Горбачевым.

Великие и трагические годы

22 июня 1941 г. войска фашистской Германии внезапно вторглись на территорию СССР. Началась война, которая вошла в историю как Великая Отечественная война народов Советского Союза за свою свободу и независимость. В общей сложности для военных действий на Восточном фронте Германией была направлена 5,5-миллионная армия, имевшая на вооружении 3580 танков (из них 1634 – новейших моделей), до 30 тысяч орудий и минометов, около 5 тысяч боевых самолетов. Войска западных военных округов Советского Союза насчитывали перед началом войны 170 дивизий и 2 бригады (около 2,7 миллионов человек личного состава). На вооружении они имели 8,8 тысяч танков (из них 1475 новых типов), 7,4 тысячи боевых самолетов (из них 1540 новых типов), 46800 стволов артиллерии и минометов. То есть по количеству вооружений, размещенных у западных границ, Красная Армия практически не уступала немецкой.

Однако война с самого начала сложилась для советской стороны крайне неблагоприятно. На всем фронте от Балтийского до Черного морей Красная Армия вынуждена была отступать и нести огромные потери в личном составе и боевой технике.

Исключительно тяжелые бои развернулись с первых же дней войны на территории Беларуси. Придавая первостепенное значение наступлению своих армий в направлении Минск – Смоленск – Москва, германское командование против 46 дивизий (26 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийских) Западного особого военного округа бросило группу армий «Центр» в составе 50 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных. В нападении участвовал второй военно-воздушный флот, а также большое количество артиллерийских, саперных, инженерно-строительных и других частей.

Еще до начала артиллерийской подготовки специальные немецкие подразделения захватили несколько мостов через реку Буг, в т.ч. два железнодорожных, после чего началась переправа передовых частей вермахта на другой берег реки. Одновременно с сильным артиллерийским обстрелом пограничных районов немецкая авиация подвергла ударам с воздуха места расположения советских войск, аэродромы, железнодорожные узлы в Гродно, Белостоке, Бресте, Волковыске, Бара-

новичах, Лиде и других городах. В результате в первый же день войны на Западном фронте было выведено из строя 738 самолетов (из них 528 уничтожено на земле), что составило около 40 процентов боевых машин военно-воздушных сил фронта.

Положение осложнилось тем, что командование Западного фронта, в который был преобразован Западный особый военный округ, в первые же часы войны утратило управление войсками. При огромных потерях авиации не могло быть действенной разведки и поддержки с воздуха своих войск. Несмотря на это, уже в первые часы войны советские воины совершили многочисленные мужественные и героические поступки, беспримерные подвиги. В районе Гродно застава пограничников во главе с лейтенантом В.Усовым в течение десяти часов отбивала атаки целого батальона гитлеровцев. Утром 22 июня лейтенант П. Рябцев таранил вражеский самолет над Брестом, младший лейтенант Д. Кокарев совершил такой же подвиг в районе Замбров, старший политрук А. Данилов - в районе Гродно. В первый же день войны было сбито более 100 вражеских самолетов. Героически сражался гарнизон Брестской крепости. Отдельные группы ее защитников продолжали сопротивление почти месяц. На одной из стен сохранилась надпись «Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.VII.1941г.».

Стойкое сопротивление врагу было оказано в районе Жабинки, где 23 июня танкисты 22-й дивизии разгромили колонну немецких войск. Артиллеристы 235-го полка подбили 21 вражеский танк и бронетранспортер в районе Малориты. 30-я танковая дивизия героически сдерживала в районе Пружан две танковые дивизии врага. Сильный контрудар предприняли из района южнее Гродно части 3-й и 10-й армий. Чтобы ликвидировать прорыв советских войск, враг бросил сюда два корпуса и повернул некоторые танковые части с Вильнюсского направления.

В первые часы и дни войны ни политическое руководство страны, ни высшее военное командование не имели реального представления о положении дел на западной границе. В конце первого дня войны из Москвы пришла директива наркома обороны С. Тимошенко, требовавшая неотложно начать наступательные действия «с целью разгрома немецких группировок в районах, где они нарушили государственную границу». Сухопутным войскам предписывалось при этом: «...до особого приказа границу не переходить». Авиации предлагалось «мощными ударами уничтожить немецкую авиацию на ее аэродромах». Абсурдность приказа станет особенно явственной, если учесть, что авиация Западного фронта к моменту получения приказа уже практически

перестала существовать. Аэродромы были выведены из строя, а оставшиеся самолеты в основном оказались небоеготовыми.

Через несколько дней ожесточенные сражения развернулись в Минском укрепленном районе. В ходе трехдневных боев воинами 64-й дивизии было уничтожено около 300 танков, броне- и автомашин противника. Широкую известность во всей стране в это время получил подвиг капитана Николая Гастелло и его экипажа, направивших 26 июня в районе Радошковичей свой горящий самолет на вражескую колонну танков и автоцистерн (многие годы спустя станет известно о таком же подвиге другого экипажа самолета, командиром которого был капитан Александр Маслов – друг Николая Гастелло).

28 июня 1941 г. Минск был захвачен вражескими войсками. На запад от города в окружении оказались соединения 3-й и 10-й армий, часть сил 4-й армии, две дивизии 13-й армии, которые до конца первой декады июля сковывали до 25 немецких дивизий. Часть советских войск пробилась из окружения, но многие красноармейцы и командиры были взяты в плен. По данным иностранных источников, в ходе боев западнее Минска немцы взяли в плен 330 тысяч советских бойцов и командиров, захватили много боевой техники и вооружений. Кроме того, в результате быстрого продвижения танковых и моторизованных соединений противника большое число советских воинов было рассеяно по лесам.

В конце июня напряженные бои шли на Бобруйском и Борисовском направлениях. Севернее Бобруйска оборонялся 4-й воздушно-десантный корпус, в районе Борисова – прибывшие из резерва ставки Верховного Главного командования полки Московской мотострелковой дивизии, курсанты Борисовского танкового училища и другие части. Три дня под Борисовом шли тяжелые бои. Враг потерял здесь около 70 танков.

В результате выхода немецких войск в междуречье Березины и Днепра положение войск Западного фронта еще больше осложнилось. Ставка Верховного Главного командования создала новую линию обороны в составе трех армий (19-й, 20-й и 22-й) на рубеже Западная Двина – Днепр с целью остановить продвижение врага. 1 июля командующим Западным фронтом был назначен маршал С.Тимошенко.

Утром 6 июля 20-я армия силами двух механизированных корпусов нанесла контрудар в направлении Сенно-Лепель. С обеих сторон в боях здесь участвовало до 1500 танков. К 8 июля советские войска отбросили неприятеля на 30–40 км, однако 8–9 июля оказались почти в полном окружении. Многие воины попали в плен, в том числе и сын

И. Сталина Я. Джугашвили. Только отдельные группы солдат смогли пробиться в районы Витебска и Орши.

Витебск героически защищала 153-я стрелковая дивизия. Около месяца она вела бои в окружении, затем, прорвав линию фронта, пробилась к своим. Напряженными были бои на рубеже Днепра, особенно в районе Могилева и Орши. Под Оршей 14 июля немцы впервые испытали на себе мощь удара батареи реактивных установок (позже названных «катюшами»), которой командовал капитан И. Флеров.

23 дня продолжалась оборона Могилева. Особо ожесточенные бои шли на участке 474-го и 388-го стрелковых полков. Только 12 июля в 14-часовом бою возле д.Буйничи было подбито 39 танков противника. 16 июля враг окружил город, но красноармейцы еще 10 дней стойко сражались в окружении. Вместе с ними бились отряды народного ополчения фабрики искусственного шелка, кожевенного и трубо-литейного заводов. Шесть суток отбивал атаки врага батальон милиции в составе 250 бойцов под командованием капитана К.Владимирова. Более 230 работников милиции вместе с командиром погибли.

На Гомельском направлении оборонялись соединения 12-й армии. В разгар битвы за Могилев и Смоленск они нанесли контрудар в направлении Бобруйска. Был форсирован Днепр, освобождены Жлобин и Рогачев. 12-дневный рейд в тыл противника западнее Бобруйска совершила кавалерийская группа генерала О. Городовикова. Она освободила Глуск, Старые Дороги, ударила на Осиповичи. Эти действия отвлекали на себя крупные силы противника, имели большое мобилизующее значение.

Встретив героическое сопротивление Красной Армии на территории Беларуси, в конце июля немецко-фашистские войска вынуждены были приостановить наступление, перейти к обороне и укреплению флангов группы армий «Центр». 4 августа 1941 г. Гитлер, заслушав в Борисове доклад о больших потерях немецких войск, отметил, что если бы он перед войной в достаточной мере был проинформирован о силе Красной Армии, то принять решение о нападении на СССР ему было бы гораздо сложнее.

В начале августа немецкие войска силами 25 дивизий стали теснить войска Центрального фронта и 19 августа ворвались в Гомель. К концу августа 1941г. почти вся территория Беларуси была оккупирована.

Бои в Беларуси сыграли большую роль в срыве гитлеровских планов «молниеносной войны», позволили Ставке ВГК укрепить оборону на Московском направлении.

К началу сентября 1941 г., когда войска вермахта уже достигли района Смоленска, на всей территории республики агрессоры начали устанавливать свою власть. Для так называемого «нового порядка» был характерен режим кровавого террора, страшных издевательств и насилия над населением. Это был заранее разработанный, продуманный и целенаправленный план геноцида, грабежа национальных богатств страны. Особенно поражает то обстоятельство, что немцы заранее заготовили печатные издания на белорусском языке с призывами поддержать новую власть. Да, немецкая аккуратность и предусмотрительность – великая вещь!

Идеологической основой оккупационной политики являлась человеконенавистническая теория «расового превосходства» немецкой нации над другими народами, проповедовавшая необходимость расширения «жизненного пространства» для немцев и их «права» на мировое господство.

Практические мероприятия по установлению «нового порядка» были изложены в «Инструкции», которая прилагалась к директиве №21 (план «Барбаросса»), изданной 13 марта 1941 г., и в ряде других документов, свидетельствующих о том, что гитлеровцы заблаговременно готовились к осуществлению своей варварской политики.

Захватчиками была заранее, еще до войны, определена структура военных, полицейских и гражданских властей, конкретизированы методы «управления» оккупированными землями Беларуси. Так, территория Витебской, Могилевской, почти всей Гомельской, восточные районы Минской и несколько районов Полесской областей были отнесены к «области армейского тыла» группы армий «Центр». Власть на этой территории находилась в руках военных и полицейских органов. Высшим органом управления первоначально здесь был штаб группы армий «Центр». Однако очень скоро во многих районах Витебской области и других соседних районах партизаны установили свою власть. (К концу 1943 г. партизаны контролировали до 60 процентов территории Беларуси). Южные районы Полесской, Пинской и Брестской областей с областными центрами Мозырь, Пинск, Брест были присоединены к Рейхскомиссариату «Украина», граница которого проходила примерно в 20 километрах к северу от железной дороги Брест-Гомель. Белостокскую область, северные районы Брестской, часть районовБарановичской областей гитлеровцы включили в состав Восточной Пруссии. Северо-Западные районы Вилейской области были присоединены к генеральному округу «Литва». Административный аппарат на оккупированной территории в основном состоял из немецких гражданских слу-

жащих. В качестве вспомогательных местных учреждений оккупанты создавали городские и районные управы во главе с начальниками районов или бургомистрами городов. В волостях назначались волостные старшины, а в селах и деревнях – старосты. Работу районных волостных управ направляли и контролировали специально назначенные немецкие шефы – комиссары, коменданты, зондерфюреры и т.д.

В восточной части Беларуси военно-административные функции выполняли созданные вермахтом полевые и местные комендатуры, наделенные всей полнотой власти в зоне своей ответственности. В районах дислокации охранных дивизий в 1941 г. действовали 11 полевых и 23 местные комендатуры. Им подчинялись многочисленные команды жандармерии, группы тайной полевой полиции. Всего на этой территории действовало 8 таких групп (Полоцк, Витебск, Орша, Борисов, Лепель, Бобруйск, Старые Дороги, Могилев), которые имели 20 периферийных команд. Эти органы администрации оккупационных властей отличались особой жестокостью по отношению к местному населению. Только в районе Орши с сентября 1941 г. по сентябрь 1942 г. было уничтожено более 17,5 тысяч граждан. Подобным было положение дел и в других регионах восточной Беларуси.

Для порабощения и уничтожения людей гитлеровцы создавали систему концентрационных лагерей и тюрем, где без суда и определения сроков заключения находились десятки тысяч людей. Всего на территории Беларуси было свыше 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений для военнопленных, для гражданского населения, женских лагерей, пересыльных лагерей СС, гетто и других. Самым крупным не только в Беларуси, но и на всей оккупированной врагом территории являлся Тростенецкий лагерь смерти, в котором было уничтожено свыше 200 тысяч человек.

В целях окончательного закабаления населения наряду с лагерями смерти немецкая администрация ввела местную трудовую повинность. К работе предполагалось привлечь все население в возрасте от 18 до 45 лет. При необходимости рейхскомиссары могли расширять возрастные рамки трудовой повинности. С марта 1943 г. трудовая повинность была распространена на всех мужчин в возрасте от 15 до 65 лет и женщин – от 18 до 45 лет. За уклонение от трудовой повинности предусматривались тяжелые наказания, вплоть до смертной казни. Причем нередко применялись коллективные наказания населения, когда за связь с партизанами, другие нарушения оккупационного режима уничтожались не только сотни и тысячи людей, но и целые населенные пункты. Из 9200 городов, поселков, местечек и других населенных

пунктов, разрушенных и сожженных оккупантами в Беларуси, 628 были уничтожены со всеми жителями, около 5 тысяч – с частью населения. Особенно пострадало население Витебской области. Здесь 243 деревни сжигались дважды, свыше 100 – трижды и более раз. Не лучшим было положение и в ряде других областей. За годы оккупации Беларусь лишилась *свыше половины своего национального богатства.* Почти полностью были уничтожены энергетические мощности. Значительно пострадал станочный парк и другое оборудование заводов и фабрик. Наполовину сократились посевные площади.

Большими были потери и в сфере культуры. Было уничтожено 40 вузов, сотни средних и специальных учебных заведений, тысячи школ, библиотек, театров и клубов. Но особенно тяжелой и невосполнимой была гибель огромных масс населения.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать: величайшей трагедией в истории Белоруссии стала Великая Отечественная война, когда в очередной раз силы Запада попытались поработить вольную Белую Русь. Всенародное сопротивление, которое встретили оккупанты в Белоруссии, наглядно раз и навсегда показало, что белорусы не разделяют свою судьбу от судьбы всей России. Белорусы - самый пострадавший в годы Второй Мировой войны народ, потерявший каждого четвертого своего сына. Сотни тысяч белорусов погибли, сражаясь в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах, но большинство погибших в республике были мирным населением, виновных в том, что не собирались становиться рабами при "новом порядке". Геноцид славян на оккупированных нацистами территориях СССР объяснялся вовсе не патологией Гитлера, а тем, что только уничтожение русских может устранить последнее препятствие к мировому господству. Это хорошо понимали в Германии 40-х гг. и в США – 90-х гг., и нового века, и проводили поэтому соответствующую политику. Правда, творцы современного американского «нового мирового порядка – 2» сделали выводы из провала нацистского опыта и действуют теперь более тонко и изощренно. Не случайно многие в РФ до сих пор не понимают сути происходящих на "постсоветском пространстве" (может быть, "жизненном пространстве" для "народа без земли"?) процессов и склонны во всем винить ошибки реформаторов. Невольно подумаешь, что партизаны Белоруссии 1941-44 гг. вряд ли достигли таких успехов, если бы в те времена существовало массовое телевидение.

Борьба населения Беларуси против захватчиков базировалась на извечном стремлении народа видеть свою Родину свободной и независимой от иноземных захватчиков. В белорусском народе из века в век,

из поколения в поколение передавались славные традиции сопротивления врагам, в частности, татаро-монголам, шведам, полякам, французам, немцам. В народе всегда помнились имена героев-партизан войны 1918–1920 гг. – А. Блажко, М. Левкова, А. Соловьева, В. Талаша. Руководствуясь этими традициями и патриотическими чувствами, уже в первый день войны, 22 июня, стали формироваться партизанские отряды. К 26 июня отряд В. З. Коржа уже насчитывал 60 человек и 28 июня принял первый бой с захватчиками на дороге Пинск–Логишин, в котором патриоты уничтожили 2 броневика и свыше десятка фашистов.

В легендарной Карпиловке, поселке Октябрьском Полесской области инициатива создания партизанских отрядов принадлежала партизанам периода гражданской войны И. Кулею, Т. Жулеге, Н. Падуте, В. Шантару, Л. Мельнику. Партизанское движение возглавили Т. Бумажков и Ф. Павловский.

На Минщине в Старобинском районе инициатива создания отряда принадлежала Дм.Хамицевичу, в Любанском районе – Ф. Пашуну. На Вилейщине – А. Азончику, Ф. Маркову, в Кличевском районе – П. З. Изоху и Г. И. Изоху, в Чашникском районе Витебской области – Т. Е. Ермаковичу, в Дриссенском (Верхнедвинском) районе – П. А. Куксенку. Из числа рабочих картонной фабрики в Суражском районе Витебской области М. Ф. Шмырев создал отряд, отличившийся боевыми делами уже в самом начале войны. В деревне Бостынь Лунинецкого района Пинской области семейный партизанский отряд (10 человек) создал Б. Н. Тельпук, и в деревне Заболотье Октябрьского района партизанский отряд возглавил председатель местного колхоза А. П. Пакуш.

Подобных примеров, когда вооруженные партизанские группы и отряды возникали в первые дни войны по инициативе местных жителей, можно приводить много. Но это вовсе не значит, что в процессе возникновения сопротивления фашистам не было организующего и мобилизующего начала партийных и советских органов. Партия коммунистов, как правящая, не могла этот сложный и многосторонний процесс пустить на самотек. Но мобилизующая роль Партии опиралась на стремлении самих народных масс к борьбе с захватчиками.

Об успехах этой борьбы красноречивые свидетельства оставили не только ее участники – советские патриоты, но и сами оккупанты.

В первые недели войны начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии доносили, что обеспечению группы армий «Центр» мешает «разрушение партизанами железнодорожных путей».

Подобные донесения встречаются во многих архивах прошедшей войны. В частности, диверсия на Минском железнодорожном узле в декабре 1941 г., во время боев под Москвой, снизила его пропускную способность почти в 20 раз. В Оршанском железнодорожном депо активно действовала группа К. Заслонова. Ею было выведено из строя разными способами несколько десятков паровозов и неоднократно парализовывалась работа станции. В этот период вместо планируемых 90–100 эшелонов на фронт через территорию Беларуси проходило не более 5–10 эшелонов.

Весной-летом 1942 г. партизанское движение в Беларуси получило дальнейшее развитие. Разгром немцев под Москвой не только вселил оптимизм в тех патриотов, которые уже вели борьбу, но и содействовал росту рядов народных мстителей. Значительно возросла и эффективность вооруженной борьбы партизан. В результате боевых действий партизан от оккупантов освобождались значительные территории, на которых создавались свободные партизанские зоны. В Октябрьском районе такую зону контролировало соединение Ф. Пав-ловского в составе 13 отрядов. Центром партизанского движения в Могилевской области стал Кличевский район. 20 марта 1942 г. партизаны после напряженного боя взяли районный центр Кличев. С апреля 1942 г. в Кличевской зоне действовал отряд В.Ничипоровича, бывшего командира 208-й стрелковой дивизии. По его инициативе было проведено совещание командиров отрядов, создан оперативный центр по руководству объединенными силами. В сентябре 1942 г. в подчинении оперативного центра было 17 отрядов, объединявших три тысячи человек. В Витебской и Минской областях наиболее значительными партизанскими зонами являлись Борисовско-Бегомльская, Полоцко-Лепельская, Сенненско-Оршанская.

В январе 1943 г. численность белорусских партизан превысила 56 тысяч человек. 220 отрядов были объединены в 56 бригад, 292 отряда действовали самостоятельно. Партизанский резерв в это время составлял более 150 тысяч человек.

С сентября 1942 г. стал действовать Белорусский штаб партизанского движения. Это сыграло положительную роль в улучшении руководства партизанским движением, обеспечении его необходимым вооружением, снаряжением и т. п. Только созданная ЦК КП(б)Б Северо-Западная группа по оперативному руководству партизанским движением переправила в Беларусь 4250 винтовок, 630 автоматов, свыше 400 пулеметов, 138 противотанковых ружей, 280 минометов, 18 тысяч гранат и др. Из-за линии фронта в Беларусь направлялись специально под-

готовленные группы, которые комплектовались преимущественно из белорусов. В течение 1943 г. из советского тыла прибыло 13 партизанских отрядов и 111 организаторских и диверсионных групп общей численностью почти 2 тысячи человек. Среди них преобладали подрывники и инструкторы подрывного дела. В 1943 г. партизанам с Большой земли было доставлено 20,5 тысяч винтовок, более 11 тысяч автоматов, около тысячи ПТР, свыше 1,2 тысячи пулеметов и минометов, около 100 тысяч диверсионных мин, почти 400 тонн взрывчатки и другого вооружения.

Налаживалось взаимодействие партизан с Красной Армией. Летом 1942 г., когда шли тяжелые оборонительные бои в районе Сталинграда, Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) обратился к партизанам Беларуси с призывом срывать переброску резерва врага, уничтожать воинские эшелоны. Партизаны ответили на этот призыв крупными боевыми и диверсионными операциями. Подрывались мосты, уничтожались железнодорожное полотно и линии связи. Бригада С. Короткина, например, 29 августа 1942 г. за ночь при помощи 250 местных жителей разобрала несколько километров пути. В результате железнодорожная линия Полоцк - Витебск не действовала 6 суток.

Немецкое командование вынуждено было выделять значительные силы на борьбу с партизанами. В мае-ноябре 1942 г. фашисты провели 40, а в 1943 г. более 60 крупных карательных операций против партизан и населения с применением самолетов и танков. Всего за годы оккупации немцы осуществили 140 таких операций. Они отличались исключительной жестокостью: гибли тысячи людей, горели белорусские города, поселки и деревни. Увы, в карательных операциях весьма «отличились» подразделения украинских самостийников, а также части эстонцев и латышей. Трагическую судьбу Хатыни, все жители которой были заживо сожжены украинскими карателями, разделило 627 населенных пунктов Беларуси. Жестокие действия оккупантов привели к активизации партизанского движения, которое особенно усилилось после успешного завершения Сталинградской битвы и победы на Курской дуге. Только в Минской области в 1943 г. в ряды партизан вступило 22 тысячи человек. Всего в течение 1943 г. количество народных мстителей возросло с 56 до 153 тысяч человек, то есть в 2,7 раза. В 1943 г. под их контролем находилось до 60 процентов территории Беларуси.

Партизанское движение в Беларуси оказывало большое влияние на активизацию борьбы с оккупантами в соседних республиках СССР и зарубежных странах. В результате объединения соседних партизанских

зон стали образовываться целые партизанские края. На границе с Украиной, в четырехугольнике Мозырь-Туров-Овруч-Олевск партизанский край охватывал территорию 14 районов, где проживало более 200 тысяч человек. На границе с РСФСР и Латвией партизанский край достиг площади 10 тысяч км^2. Говоря о партизанском движении в регионе, граничащем с Польшей, следует учесть, что с целью усиления сопротивления оккупантам в западные области Беларуси к зиме 1943-1944 гг. боевыми рейдами прошли 12 бригад и 14 отдельных отрядов. В результате число советских партизан в западных областях Беларуси возросло до 37 тысяч человек.

Уместно упомянуть и о действиях так называемой Армии Краевой (АК), подчинявшейся польскому эмиграционному правительству в Лондоне. Разделение Белоруссии вплоть до сентября 1939 года не могло не отразиться самым печальным образом на движении Сопротивления в Белоруссии. Польское и католическое население, а также многочисленный военно-политической аппарат предвоенной Польши был в полной силе задействован в сражающейся Белоруссии. Наличие Армии Крайовой привело к тому, что вооруженная борьба в Белоруссии не прекратилась после изгнания гитлеровских оккупантов с территории республики.

О размахе деятельности АК, ее политических и военных последствиях можно судить по численности подразделений этой Армии на территории Беларуси. В конце 1943 г. здесь действовало всего лишь 10 их отрядов общей численностью немногим более тысячи человек, сражавшихся не только с немцами, но и с советскими партизанами. После прихода Красной Армии многие польские полицаи уходили в леса, сколачивая банды. Например, бывший комендант полиции Козловщинского района Барановичской области Василевский. После изгнания немцев из Белоруссии он установил связь с «аковским» подпольем и сформировал банду в 200 человек. С августа 1944 по 30 января 1945 года бандиты убили около 20 советских и партийных работников, ограбили ряд населенных пунктов, забирая коров, свиней, муку, крупу, теплые вещи и т.д. По соседству действовал коллега Василевского Герус, бывший полицейский города Дятлово. Его банда насчитывала 60-75 человек.

Оба бывших немецких холуя поддерживали между собой связь, координируя свои действия. Весной 1945 года они планировали поднять восстание местных поляков под лозунгом борьбы «за Польшу в границах до 1939 года». Однако 7-8 февраля 1945 года обе банды были уничтожены в ходе войсковой операции. Накануне их главари вместе

со своими помощниками были взяты живьем на явочной квартире. В результате дезорганизованные «борцы за свободу» стали легкой добычей «большевистских карателей», при этом было убито 34 и захвачено 109 бандитов, изъят ручной пулемет, 67 единиц стрелкового оружия, 26 ручных гранат.

Не гнушалась сотрудничества с немцами и часть «героически боровшихся с гитлеровскими оккупантами» членов Армии Крайовой. Так, в июле 1943 года германской контрразведкой была создана крупная бандповстанческая организация во главе с поручиком польской армии Чеславом Зайнчковским (псевдоним «Рагнер»). Организация получала от германской контрразведки вооружение и боеприпасы и вела активную борьбу против советских партизан на территории Барановичской и Гродненской областей. После прихода Красной Армии отряд «Рагнера», насчитывавший к тому времени 120 человек, влился в Армию Крайову и продолжил вооруженную борьбу против советской власти. Им были совершены десятки террористических актов и налетов на государственные учреждения. При этом Чеслав Зайнчковский был непосредственно связан с польским эмигрантским правительством в Лондоне и получал от последнего по рации указания о подрывной деятельности.

По соседству с «Рагнером» на территории Гродненской области и смежных с ней уездов Литовской ССР действовал отряд Армии Крайовой во главе с поручиком польской армии Яном Борисевичем, носившим весьма подходящую кличку «Крыся». Во время немецкой оккупации Борисевич работал начальником лесоохраны и имел тесную связь с германской разведкой. Подчиненные «Крыси» совершали вооруженные налеты на советские учреждения, мелкие воинские подразделения и осуществляли террористические акты над советско-партийным активом. Всего бандой «Крыси» было совершено более 59 подобных акций.

Однако благодаря усилиям органов НКВД Белоруссии обе крысиные стаи вскоре были ликвидированы. В разное время белорусские чекисты уничтожили или арестовали 242 участников банды «Рагнера». 3 декабря 1944 года штаб «Рагнера» был окружен. В завязавшейся перестрелке «Рагнер» и трое его подчиненных были убиты, еще трое захвачены живыми. Затем настал черед «Крыси». 193 участника его банды было убито или арестовано, а 21 января 1945 года советская пуля настигла и самого «Крысю».

К сожалению, ситуация в Белоруссии, в которой против советских партизан сражались части польских националистов из АК, до сих пор остается практически неизвестной массам в России. Только не-

давно в Белоруссии была издана весьма ограниченным тиражом книга, посвященная деятельности АК в Белоруссии с подзаголовком: "Первая книга в Белоруссии, где сказана полная, непричёсанная правда про Армию Крайову".

Читаешь эту "непричёсанную правду" – и волосы на голове дыбом встают. Всю бы её перепечатать, да места много займёт. Ограничимся несколькими отрывками.

Книга насыщена документами и воспоминаниями, донесениями разведчиков, сводками НКВД, приказами советского партизанского командования и командования Армии Крайовой.

Из приказа командира польского батальона Панурага ("Яна Пивника") от 5.06.44 года:

"Оборонять местное население от жидовско-большевистских банд..." Советский разведчик, который передавал нашим властям текст этого приказа, от себя добавил, как легендарный аковец "оборонял местное население": "Недавно тут белополяки сожгли более 30 хуторов и уничтожили местное население за связь с советскими партизанами".

"В сентябре 1943 года уланы эскадрона Здзислава Нуркевича расстреляли группу партизан отряда Семёна Зорина".

Из рапорта главного коменданта АК генерала Тадеуша Комаровского (будущего руководителя Варшавского восстания) в штаб польского Верховного главнокомандования в Лондоне от 1 марта 1944 года:

"19.11.43 подразделение наднеманского батальона вело бой в районе Жалудка с советскими партизанами (...) Советский отряд был вынужден перейти через переправу на другой берег Немана. Советские потери – убитые, раненые, утонувшие – около 200 человек".

"В районе Налибоцкой пущи отряд "Гуры" с августа 1943-го по июнь 1944-го не провёл ни одного боя с немцами, зато имел 32 сражения с советскими партизанами".

"Они стреляли в спину, из-за угла, по-злодейски, часто в безоружных людей. Позже и рядовые аковцы, и особенно офицеры начнут говорить про некие высокие мотивы ихних убийств людей в Белоруссии, которых они убивали подло, из-за угла".

Из судебного дела № 3710/822 по поводу отряда "Крысы":

"Ночью с 19 на 20-е катастрычника 1944 г. до 150 человек бандитов напали на местечко Эйшышки (...) ворвались в квартиру громодянина Сонензона, расстреляли его, жену и ребёнка.

Ворвались в квартиру Янкевича и расстреляли старшего сержанта Красной Армии...

При отступлении схватили красноармейца, раздели и расстреляли..."[40]

Когда же в результате наступления Красной Армии политическая и военно-стратегическая ситуация изменилась, АК предприняла меры по наращиванию своих сил. К весне 1944 г. в некоторых районах они были уже значительными. На территории Новогрудского округа, например, действовало 5 соединений АК общей численностью около 7 тысяч человек. С некоторыми из этих подразделений гитлеровцы заключали договоры о сотрудничестве в борьбе с советскими партизанами. После освобождения Красной Армией западных областей БССР часть отрядов АК была разоружена, часть вступила в Войско Польское и сражалась с фашистами. Некоторое количество «аковцев» было интернировано. Оставшиеся отряды АК передислоцировались на территорию Польши и продолжали диверсионную борьбу в тылу советских войск. Немало бед эти отряды принесли и населению Беларуси. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны, белорусским партизанам пришлось сражаться не только против немецких оккупантов и их пособников с западной Украины и Прибалтики, но и против польских оккупантов более раннего времени.

Существенной составной частью всенародного сопротивления оккупантам явилось антифашистское подполье. Уже в последние дни июня 1941 г. в Минске были созданы первые подпольные организации, которые затем объединил Минский подпольный городской комитет КП(б)Б. Его возглавил мужественный патриот И. Ковалев. Антифашистское подполье объединило тысячи жителей столицы тридцати национальностей, а также представителей девяти европейских стран. За годы оккупации подпольщики вывели из города в партизанские отряды более 10 тысяч семей минчан, в том числе около тысячи семей смертников из минского гетто.

В марте-апреле 1942 г. в Минске немцы арестовали более 400 подпольщиков, в том числе и несколько членов подпольного горкома партии. 7 мая 1942 г. был нанесен новый удар по подполью, в результате чего погибли сотни патриотов, в том числе секретари подпольного горкома и райкомов КП(б)Б.

Но сопротивление продолжалось. 21 октября 1942 г. в Минске было расклеено большое количество листовок с призывом бить оккупантов. Вскоре были сформированы новый подпольный горком КП(б)Б и его филиалы. Всего в рядах минского подполья боролись свыше 9 тысяч человек, в том числе более тысячи коммунистов и 2 тысяч ком-

---

[40] Куняев С. Ю. Вы мне надоели // Наш Современник. 2005. № 10

сомольцев. За время оккупации ими было проведено более 1500 диверсий. Подпольщики разработали и осуществили акцию по ликвидации фашистского палача, генерального комиссара Беларуси В.Кубе.

В Витебске в 1941–1942 гг. действовало 56 подпольных групп. С весны 1942 г. на железнодорожной станции Оболь Витебской области действовала подпольная комсомольская организация «Юные мстители» в составе 40 человек. Молодые патриоты совершили 21 диверсию. Активным было подпольное движение в Борисове, Орше, Жлобине, Мозыре, Калинковичах и других населенных пунктах. 30 июля 1943 г. подпольщики Осиповичей совершили одну из самых крупных диверсий второй мировой войны – уничтожили 4 эшелона с военной техникой, боеприпасами, горючим. Один из этих эшелонов был загружен танками «Тигр». Более 400 человек насчитывали подпольные организации Гомеля. Их деятельностью руководил оперативный центр. В Могилеве более 40 подпольных групп объединились в «Комитет содействия Красной Армии». Ко времени проведения операции «Багратион» партизаны освободили или контролировали более половины территории республики.

Антифашистские организации действовали и в западных областях Беларуси. В мае 1942 г. на базе антифашистских групп Василишковского, Щучинского, Радунского, Скидельского районов был создан «Окружной белорусский антифашистский комитет Барановичской области». Он объединял 260 подпольщиков. В Брестской области в это время был создан «Комитет борьбы с немецкими оккупантами».

Всего в годы войны на территории БССР активно действовали 213 партизанских бригад, в состав которых входило около тысячи отрядов (сотни отрядов не входили в состав партизанских соединений, являясь отдельными). Всего в рядах партизан сражалось около 400 тысяч человек, примерно такое же число бойцов находилось в составе партизанских резервов.

За три года борьбы в тылу врага партизаны и подпольщики вывели из строя 500 тысяч фашистских солдат и офицеров, в том числе 47 генералов и других высших чинов, пустили под откос свыше 11 тысяч вражеских эшелонов, подорвали 300 тысяч рельсов, уничтожили десятки тысяч автомашин, бронемашин и много другой техники.

Для оценки партизанского движения в Беларуси некоторый интерес представляют также вынужденные признания генералов и руководителей Германии. Так, фашистский генерал Г. Гудериан отмечал: «... По мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала на-

стоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат». Весной 1942 г. Геббельс записал в дневнике: «Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России».

Красноречивые признания, которые не нуждаются в комментариях (возможно, за одним исключением: народные мстители Беларуси составляли самую значительную и активную часть советских партизан).

Эффективность операций, проведенных партизанской армией и подпольщиками Беларуси, была сопоставима с действиями еще одного советского фронта, освобождавшего республику от врага.

Важным видом сопротивления фашистским оккупантам со стороны гражданского населения была помощь партизанам и подпольщикам. Она носила всесторонний характер, обеспечивая жизнедеятельность и боевые действия народных мстителей.

Население сыграло ключевую роль в обеспечении партизан не только продовольствием и одеждой, но и боеприпасами. Если сопоставить общую численность партизан с количеством оружия, полученного из советского тыла, и захваченного у противника, то окажется, что десятки тысяч народных мстителей были вооружены только тем оружием, которое собрало население на местах боев 1941 года и довоенной дислокации воинских формирований Красной Армии. Кроме того, местные специалисты (кузнецы, слесари, токари) работали в партизанских мастерских, занимаясь ремонтом оружия и другого вооружения.

Местные жители снабжали партизан и спецгруппы, прибывшие из советского тыла, ценными разведданными, всеми возможными способами помогали успешному проведению боевых операций. Например, престарелые жители хутора Новино Ленинского района Пинской области братья Михаил и Иван Цуба повторили героический подвиг легендарного русского патриота Ивана Сусанина (оба брата были расстреляны фашистами).

Оказывая сопротивление немецко-фашистским захватчикам, свой первоочередной долг белорусы видели в оказании помощи воинам Красной Армии, оказавшимся в тылу врага. Прежде всего, местные жители оказывали помощь раненым. Их тайно лечили в сельских и городских больницах, аптеках и у себя дома, создавая своеобразные подпольные госпитали. Уже в первые дни войны такой госпиталь был создан в деревне Чернавчицы Брестского района по инициативе фельдшера И. И. Сорочинского. Здесь при участии сельчан удалось укрыть от гитлеровских палачей и вылечить 15 советских воинов.

Подобных примеров самоотверженных действий жителей было много и в других областях Беларуси (в треугольнике Брест-Гродно-

Минск в окружение попали десятки тысяч военнослужащих Красной Армии, которые без помощи местного населения были бы обречены на гибель).

Местные патриоты под видом родственников и путем подкупа охраны освобождали военнопленных, а также помогали им выходить к линии фронта или включаться в партизанскую борьбу. Такую помощь на территории Беларуси получили многие тысячи воинов Красной Армии. В их числе оказался и командир 6-й кавалерийской дивизии, генерал-майор Михаил Петрович Константинов. Его раненого вылечил житель деревни Хатежино Минского района И. Д. Гуд. Генерал Константинов стал заместителем командира Минско-Полесского партизанского соединения, а в сентябре 1942 г. был направлен самолетом в советский тыл. В Красной Армии он командовал корпусом, стал Героем Советского Союза. Спаситель генерала И. Д. Гуд за свои подвиги был награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны».

Через разрывы, образовавшиеся в линии фронта, жители Беларуси отправляли из партизанских краев людей и материальные средства в помощь Красной Армии. Через «Суражские ворота» было направлено в 1942 г. свыше 20 тысяч военнообязанных, более 1500 тонн хлеба, 10000 тонн картофеля, 35000 тонн сена, 2000 лошадей, 4000 голов другого скота. Через «Рудобельские ворота» в состав Красной Армии влилось (1943 г.) 10 тысяч человек. Партизаны смогли вывезти на восток много материальных ресурсов, необходимых Красной Армии. Бригада Ф.И.Павловского, например, передала в советский тыл более 100 тонн хлеба, 25 лошадей и 150 голов другого скота. По всей Беларуси широко развернулся сбор средств в фонд обороны. Через партизан и подпольщиков только из Минской области поступило в Москву 4,5 миллиона рублей, 1 миллион рублей облигациями госзаймов, несколько килограммов золота и серебра и другие ценности.

Широким по масштабам и весьма разнообразным по содержанию было сопротивление гражданского населения политическим и административным мероприятиям фашистских оккупантов. В частности, оно выражалось в сохранении советских традиций в быту и других сферах жизни населения.

Массовый характер приобрело укрытие и сохранение советской государственной символики (флаги, знамена, гербы), а также предметов-атрибутов, связанных с принадлежностью к советскому образу жизни. Хранение советской символики было смертельно опасно, но белорусы упорно сохраняли все, связанное с советским временем. И, ви-

димо, не случайно, с таким энтузиазмом белорусы одобрили возвращение несколько измененной символики в 1995 году.

Особое значение приобрела помощь местных жителей воинам Красной Армии в спасении боевых знамен частей и соединений, попавших в окружение. Широкую известность получили подвиги Д. Н. Тяпина (укрыл и сохранил Красное Знамя, которым была награждена 24-я Самаро-Ульяновская Железная дивизия), А. К. Зелюткова (знамя 56-й Московской стрелковой дивизии), Петра и Евдокии Михно (знамя 84-го артполка) и многих других жителей Беларуси.

Чрезвычайно важным во всенародной борьбе было сопротивление гражданского населения экономическим мероприятиям фашистских оккупантов. Так, рабочие Гомельского спичечного комбината «Везувий» спрятали от оккупантов и сохранили до освобождения Беларуси 4050 кг фосфора. Рабочие и служащие бумажной фабрики «Чырвоная зорка» (Чашникский район Витебской области) разобрав станки, смазали их отдельные части и затопили в реке Улла

Колхозники Беларуси разукомплектовали и сохранили более тысячи тракторов, большое количество другой сельскохозяйственной техники. Широкий размах приобрел саботаж работ на предприятиях, восстановленных оккупантами. Оккупационная администрация вынуждена была признать, что в генеральном округе «Беларусь» в промышленности занято только 0,6 процента от общего количества трудоспособных.

Во многих населенных пунктах крестьяне саботировали уплату оккупантам налогов (из партизанских зон оккупанты вообще ничего не получали). Так, начальник Березинского района 3 июля 1942 года докладывал полевой комендатуре Могилева, что « начисленные налоги на население района в кассу управы не поступают, и, таким образом, управа района не имеет никаких средств». Примеров такого поведения населения Беларуси много.

В местах, недосягаемых для фашистской администрации, сохранялись даже довоенные сельхозартели (Любанский, Октябрьский, Суражский районы). В Кличевском, Россонском и других районах коллективные хозяйства несколько видоизменяли свой характер. Но и там, где пришлось перейти к индивидуальной обработке земли, председатели колхозов во многих случаях организовали коллективное использование сельхозмашин и коллективную взаимопомощь, в особенности малоимущим и тем семьям, члены которых находились в Красной Армии и в партизанах.

Особенно ярким показателем сопротивления мероприятиям оккупантов был массовый уход населения в леса. Там жители не только укрывались от фашистских грабителей и убийц. Многие из них пополняли ряды партизан, а оставшиеся на местах состояли в партизанском резерве, вели подпольную борьбу с оккупантами.

Как видим, если бы партизанская война в советской Белоруссии была оценена как отдельный вооруженный конфликт, то тогда педантичному историку пришлось бы признать, что та война могла бы считаться одной из самых крупных и кровавых войн XX столетия. Пора признать, что героические партизаны Белоруссии сыграли в победе антигитлеровской коалиции несравненно большую роль, чем так называемый «Второй фронт» западных союзников.

Время Машерова

После Великой Отечественной войны Белоруссия, в очередной раз в своей истории представлявшая собой сплошное пепелище, удивительно быстро поднялась из руин и стала третьей по своему промышленному и научному потенциалу республикой СССР. Это особенно впечатляюще выглядит, учитывая, что Белоруссия не могла похвастаться богатством почв и климата (как кавказские республики), не завозила себе рабочую силу из других регионов (как Прибалтика) и вообще не была избалована щедротами союзного правительства. О Белоруссии 40–70-х гг. вполне можно говорить как о крае "экономического чуда", но вот только скромные белорусы так не говорили.

Большая заслуга в хозяйственном подъеме республики принадлежала возглавлявшему Белоруссию в 1965–80-х гг. Петру Мироновичу Машерову. В прошлом легендарный партизанский командир, человек безупречной честности, умелый хозяйственник, требовательный и справедливый руководитель, Машеров был одним из самых замечательных государственных деятелей СССР в тусклые брежневские годы. Родившийся в феврале 1918 года в семье крестьянина, Машеров как бы прошел сам все, что пережил народ республики в советскую эпоху. Отец будущего партийного руководителя республики в 30-е годы был заключен в лагерь, где и погиб. Мать Петра была расстреляна фашистскими оккупантами за помощь партизанам. Но при этом сын «врага народа» (и это был очередной парадокс советского времени, в котором сын за отца не отвечал) закончил в 1939 году Витебский пединститут и стал работать учителем физики и математики в средней школе в Россони. С первых дней Великой Отечественной войны Петр Машеров возглавлял молодежные организации и партизанские отряды в Россон-

ском районе Витебской области. В 1943 году Машеров стал председателем подпольного Вилейского обкома комсомола. Сражаясь с врагами, Машеров проявил организаторский и военный талант, не говоря уже про личное мужество. Он был дважды ранен, но оставался в строю. За свои ратные подвиги молодой (26 лет от роду!) партизанский командир удостоился звания Героя Советского Союза. После войны Машеров возглавлял белорусский комсомол. И с 1965 года Петр Миронович возглавлял республику.

И как руководитель, и как человек, Машеров поразительно отличался от большинства тогдашних советских лидеров. Образованный интеллектуал, скромный и порядочный в быту, Машеров был талантливым организатором, под руководством которого республика стала одной из самых развитых в Советском Союзе. Если же брать такой показатель, как производство промышленной продукции на душу населения, то Белоруссия стала самой развитой в стране, и могла весьма достойно состязаться в мире за правило считаться самой развитой страной с большинством западных держав.

Весьма показательно то, что сам Машеров отрицательно относился к попытке начать новую «белорусизацию». Под руководством Машерова Белоруссия стала одним из центров «русской партии» внутри КПСС. Напомним, что в 60-80-х гг. XX века в рядах правящей партии сложилась группировка, считавшая необходимым дополнение официального марксизма – ленинизма также и русским патриотизмом. Сторонники этого направления, которых называли «русофилами» или даже «русской партией», имели лишь незначительную поддержку со стороны некоторых лидеров КПСС. И самым важным по своему статусу из числа сторонников русофилов был Машеров. Не случайно только в Минске могли быть изданы многие «знаковые», как сейчас модно говорить, произведения русофилов. В общем, Машеров оставался сторонником русского единства, что совершенно не мешало ему быть белорусским патриотом и убежденным сторонником социалистической системы.

Его гибель в автомобильной катастрофе 4 октября 1980-го года до сих пор вызывает массу вопросов. Накануне аварии Машеров получил повышение, отправляясь в Москву в качестве заместителя смертельно больного премьер-министра СССР Косыгина. Это автоматически сделало бы Машерова премьером после смерти Косыгина (которая и последовала в декабре 1980-го года). Но перспектива увидеть на посту премьера требовательного, неподкупного и прекрасно разбирающегося в делах Машерова было слишком неприятно для коррумпированной

советской номенклатуры, давно ожидающей, когда же можно перейти к «капитализму», и можно присвоить в собственность предприятия, которыми пока только руководили, но не владели. То, что многие руководящие деятели КПСС в провинции даже примеряли на Машерова должность Генерального секретаря КПСС, считая, что только белорусский лидер сможет осуществить борьбу с коррупцией и осуществить технологическую модернизацию страны, было тем более опасным для коррумпированной и разложившейся партийно-государственной верхушки конца эпохи Брежнева.

После этого вполне объяснимы такие события, как ничем не мотивированные назначения новых руководителей республиканского Комитета Госбезопасности (КГБ) и начальника охраны Машерова. Автомобиль Машерова, двигавшийся почему-то без проблесковых маячков, попал в аварию, в которой и погиб Петр Миронович. На похоронах Машерова присутствовали только второстепенные деятели советского и партийного аппарата из Москвы. Почти два десятилетия после автокатастрофы никто из республиканских лидеров не осмелился посетить семью Машерова. И только неукротимый Александр Лукашенко сделал это в 1998 году. И все же, говоря казенным языком официальных сообщений, достигнутого в республике к концу советской эпохи, было немало.

К началу горбачевской перестройки БССР отличалась мощной промышленной базой (в пересчете промышленного производства на душу населения республика превосходила среднесоюзный уровень), высокой долей наукоемкого производства, легкая промышленность республики славилась на всю страну своим качеством. Наконец, уровень преступности, теневой экономики и коррумпированности чиновничества в Белоруссии был ниже чем где-либо в СССР.

Здесь находились такие существующие и поныне гиганты как Минский Тракторный Завод (МТЗ), Минский Автомобильный Завод (МАЗ), Гомсельмаш и т.п. Ныне это огромные корпорации, фактически транснациональные корпорации (ТНК), лишь головные части которых расположены на территории Беларуси. Обычно здесь производится лишь сборка продукции из поставляемых из России комплектующих деталей и сырья, а, самое главное, в Беларуси находятся мозговые центры этих новых ТНК: научные коллективы, разрабатывающие новые образцы продукции. В наше время конкурентоспособность корпорации при нормальных политических условиях обеспечивается в первую очередь её научным потенциалом, поэтому ТНК наподобие МТЗ являются именно белорусскими корпорациями, ведущими экономическую дея-

тельность на Востоке, а не наоборот. Более того, именно осознание этого факта являлось основой встройки так называемой белорусской номенклатуры в советскую действительность 50–80 годов: эта чётко выраженная корпоративная группировка стремилась построить на средства общесоюзного бюджета на своей разорённой войною до основания территории в первую очередь наиболее передовые в технологическом смысле промышленные предприятия, работающие на весь советский "рынок." Под эту цель подстраивалось в Белоруссии всё: от сельского хозяйства до идеологии. От той эпохи Беларусь получила не только предприятия крупного машиностроения, но и два нефтеперерабатывающих комбината уровня Мажейкяйского (в Мозыре и Новополоцке), очень крупные химические производства в Могилёве, Гродно, Полоцке, Новополоцке. А, главное, чрезвычайно развитую радиоэлектронную промышленность (ПО (Промышленное Объединение) Интеграл и ПО Гранат в Минске, Электро-механический концерн в Бресте и т.д.).

Специализированная в основном на военных и военно - космических заказах эта отрасль экономики наполняла, например, электронной начинкой производившиеся на Украине советские танки и ракеты. Аналогов этих производств в России мало и лишь начавшаяся конверсия и сокращение вооружений позволяют сейчас России как то выдерживать удар от ограничения производства на Белорусском Военно - Промышленном Комплексе (ВПК). Ряд белорусских ТНК объединяет в своих структурах разного уровня на территории всего бывшего СССР и некоторых других стран мира по несколько сотен тысяч работников: МТЗ, МАЗ, ПО Гранат, ПО Интеграл из числа вышеперечисленных. По сути восточная Беларусь являлась вторым Уралом СССР в области высокотехнологических производств. Подобный промышленный регион продиктовал и соответствующую политику в области научных исследований и образования, особенно высшего. Минский Академгородок охватывает своими подразделениями свыше ста тысяч работников, специализированных в основном на фундаментальных исследованиях в области физики разных направлений, химии, радиоэлектроники, биологии.

Разумеется, весь этот научный потенциал в основном работал на ВПК. Однако, надо отметить, что само вооружение по стратегическим соображениям на территории Беларуси практически не производилось: Беларусь рассматривалась советским Генштабом, как направление наиболее вероятного первого удара в случае новой мировой войны. Потому не было смысла размещать здесь конечные циклы производства оружия.

Промышленное развитие Западной Беларуси задержалось по сравнению с Восточной примерно на 20 лет. Урбанизация охватила этот регион лишь с конца 60-х годов. Причём здесь изначально стремились размещать наиболее передовые в технологическом плане производства. На тот момент ими были химическая и радиоэлектронная промышленность.

После сложной "борьбы под ковром" Гродно был избран в качестве центра химической промышленности, а Брест соответственно радиоэлектронной. К концу 80-х годов была подготовлена транспортная и иная инфраструктура для очень стремительного рывка в темпах урбанизации Западной Беларуси.: построены новые очень крупные международные аэропорты в Бресте и Гродно, новый крупный речной порт в Бресте, новые очень значительные железнодорожные вокзалы в Гродно и Бресте, частично реконструирована железно дорожная сеть (например, электрифицирован весь её участок от Бреста до Минска), построены целые новые крупные автотрассы международного уровня (в первую очередь так называемая "Олимпийская бетонка", которая проходит параллельно старому шоссе Брест Москва примерно по территории всей Брестской области), частично в рамках этого проекта можно рассматривать модернизацию и расширение Клайпедского порта, рассчитанного стать морскими воротами на Балтике для новых Западной Украины и Западной Беларуси. Согласно намечаемым тогда Генеральным планам развития городов Брест и Гродно их население должно было за 10–15 лет вырасти с 300 до 460 тысяч. Сейчас, конечно, не до этих проектов, но условия для их реализации в значительной мере есть. Учитывая же, что в развитых странах Европы доля деревенского населения обычно составляет 5–12%,можно быть уверенным, что урбанизация Западной Беларуси является неизбежным следствием любой экономической нормализации в этой республике. Пока же готовилась инфраструктура для промышленного рывка, обе западнобелорусские области: Гродненская и Брестская были специализированы на сельскохозяйственном производстве, рассчитанном в основном на города восточной части республики. Были вложены огромные средства в две основные программы: мелиорации очень болотистого Полесья (без них и современная транспортная инфраструктура в этом регионе невозможна) и строительства до 20 животноводческих комплексов на сотни тысяч голов скота каждый. Разумеется не всё в этих программах было хорошо, но результатом так называемой "сельскохозяйственной специализации" экономики двух западнобелорусских областей явилось хотя бы то, что на 1987 год здесь не было ни одного нерентабельного

колхоза при отсутствии прямых дотаций им из государственного бюджета, а миграция молодёжи из деревень не помешала сохраниться тут 40–45% доле сельского населения

Оценивая экономический потенциал Беларуси, мы уже упоминали про её транспортную сеть и географическое положение. Именно через её территорию проходят основные транспортные коммуникации, связывающие Россию с Западной Европой, и Украину со странами Балтийского побережья, в том числе это касается газо- и нефтепроводов. Наиболее напряжённая коммуникационная линия: трасса Брест – Орша в конце 70-х – начале 80-х гг. была модернизирована, а её железнодорожная часть полностью электрифицирована. Ныне резко активизировано движение и по железной дороге Белосток – Брест и Гданьск – Гродно, открывающим выход к балтийским портам Польши Беларуси и Западной Украине. Особенность транспортной сети Беларуси заключается в её уж слишком транзитном характере. Так, пропуская через свою территорию основной поток российского газа и нефти в Западную Европу, Беларусь не может использовать эти нефтепроводы для получения нефтепродуктов с Запада, ибо они рассчитаны на транспортировку нефти и газа лишь в одном направлении, и для обратного необходима их широкомасштабная и дорогая модернизация, а для выхода через них к украинским морским нефтетерминалам, необходимо хотя бы соединить две параллельные сети бывших советских нефте- и газопроводов. Беларусь покрыта в основном северной их сетью и лишь юг страны затрагивает южная сеть; проходящая в основном по территории Украины, а в портах на южном побережье Балтийского моря, как известно, нефтетерминалов мало. Возможно, эта проблема является главной проблемой становления сегодняшнего Белорусского государства.

Рассматривая белорусский потенциал, невозможно не вспомнить о её военном потенциале. Сегодня 5% госбюджета, которые тратятся на оборону, идут на поддержание в боеспособности примерно 180 тысячной армии. С учётом вспомогательных воинских подразделений, пограничных войск и т.п. общую численность вооружённых сил Беларуси, временами, оценивают в 300 тысяч человек

Регулярная армия имеет наступательный характер: её основу составляют десантно-штурмовые бригады и танковые корпуса. По количеству танков Беларусь находится в числе наиболее мощных стран Европы: сегодня она имеет около 2000 этих боевых машин, примерно столько же БМП и МТР, имеется так же около 100 (от 80 до 160) боевых вертолётов. Такая военная мощь сложилась достаточно случайно. На территории республики просто были дислоцированы весьма бое-

способные группировки Советских Вооружённых Сил, призванные выступить в качестве второго эшелона в случае войны в Европе. Кроме того, здесь же были размещены огромные войсковые склады для обеспечения всем необходимым действующей в Европе армии. И, наконец, сюда была переведена из бывшей ГДР часть Северной Группы войск Советской Армии. Всё это теперь принадлежит Беларуси. По оценке экспертов НАТО, Белоруссия имеет одну из наиболее технически оснащенных и боеспособных армий в Европе.

Военный потенциал Беларуси дополняется сохранением старых мобилизационных систем и системы военного обучения и переобучения населения. Сегодня Беларусь обладает прекрасным офицерским корпусом. В Советской Армии на 1987 год имелось около 40 тысяч офицеров белорусов по национальности. Такой доли офицеров к численности своей нации не имели в бывшем СССР даже украинцы, среди которых офицеры тогда составляли около 160 тысяч человек. Причём белорусы были сконцентрированы в боевых и элитных частях (в родах войск, связанных с радиоэлектроникой и инженерным обеспечением боевых действий; так, долгие годы белорус П.Климук возглавляет Центр по подготовке космонавтов, еще один советский космонавт, В. Ковалёнок является ректором Военно-Инженерной Академии России.

Желая как можно больше «лягнуть» СССР, бывший правитель Белоруссии С.Шушкевич даже заявил, что Беларусь понесла наибольшие пропорционально численности населения потери из всех бывших республик СССР в Афганской войне. Но все же, белорусы умели ценить те преимущества, которые давала им принадлежность к советской сверхдержаве. И угроза этой сверхдержаве таилась не в Белоруссии, а в правящей кремлевской верхушке.

Часть VI. Неожиданная «независимость»

В 1991 году вторая сверхдержава мира, имевшая все шансы стать первой, вдруг была «распущена» тремя партократами, собравшимися в Беловежской Пуще, недалеко от исторического Брест-Литовска. Народ всего СССР, как говорится, безмолвствовал. Но что же произошло, и почему именно в Белоруссии происходящее восприняли наиболее негативно?

К середине 80-х гг. в правящей партии произошли серьезные изменения. Стоящая у руля партии и государства верхушка, не веря в какие – либо идеалы марксизма – ленинизма, определенно стала тяготиться социалистической системой. Распоряжаясь гигантским потенциалом сверхдержавы, коррумпированная партийно-хозяйственная номенклатура не могла иметь ее в своей собственности. Современный публицист, издатель газеты «Дуэль" Юрий Мухин грубовато, но справедливо подметил, что у властвующей элиты СССР господствовал комплекс евнуха в гареме – всем командуешь, но ничего не можешь! Но для того, что – бы превратить политическую власть в финансовый капитал, необходимо сокрушить не только социалистическую систему, но и саму советскую государственность. СССР был жестко идеологизированным государством, само существование которого основывалось на коммунистической идее. Большинство населения страны, хотя и имело немало поводов для недовольства, было лояльно режиму и социально – экономической системе. Изменение общественного строя, разумеется, могло произойти и без всяких потрясений с сохранением государства в незыблемых границах и сверхдержавным статусом в результате постепенной эволюции при опоре на национальную традицию. Именно этот путь отстаивали русофилы. Но верхушке партийной номенклатуры не хотелось ждать. Они предпочитали развалить государство, чтоб по-мародерски прихватить все, что плохо лежит. В этом союзником партократии стала мафия, давно уже тесно связанная с нею. Привыкшие колебаться вместе с линией партии творческая интеллигенция была готова поддержать и "обосновать" все новые колебания высшего руководства. И, разумеется, Запад не мог упустить шанс разгрома вечного геополитического соперника руками прозападных сил, пусть даже и состоящих из продажных политиканов и обычных воров. Как боярство в начале XVII века в своих интересах вместе с иноземцами разожгло Смуту, так и советская партократия в конце XX века стала разжигать новую Смуту.

Правоверные марксисты в полном единстве с правоверными либералами рассуждают о том, что в конце советской эпохи происходило «обуржуазивание» партийной номенклатуры. На этом основании и марксисты и либералы видят в событиях горбачевской перестройки и ельцинских «реформ» переход к «капитализму». Но, как справедливо отметил современный российский исследователь Ю. Коргинюк, из того, что номенклатура постепенно превратила государственную службу в инструмент извлечения личных доходов, никаких буржуазных отношений не возникало и возникнуть не могло. С тем же успехом можно утверждать, что в XVI–XVII веках царь, отправляя воеводу на кормление, опосредованно вводил его в класс предпринимателей.[41] Нет, коррумпированный чиновник и капиталист – явления совершенно разного порядка.

Не менее роковой для единства СССР оказалось именно то, что традиционно считалось одним из величайших достижений советского строя – создание мощного слоя национальных кадров всех уровней во всех автономиях страны. Еще с 20-х гг. на национальных окраинах проводилась политика "коренизации", когда административный, хозяйственный аппарат республики (союзной или автономной) заполнялся представителями коренной национальности. В принципе, для первых лет советской власти это было правильной мерой, привлекающей на службу общему для всех государству наиболее дельных и способных людей, вышедших из инертных масс национальных окраин. Однако подобная коренизация продолжалась и после того, как была ликвидирована неграмотность и культура коренного населения республик поднялась на среднесоюзный уровень, а нередко, и превосходя его. В результате во всех союзных республиках, и большинстве автономий РСФСР сложился громадный слой национал -- бюрократии, занимавшей свои посты лишь благодаря принадлежности к коренной национальности. В ряде республик ситуацию усиливало преобладание клановых и племенных отношений в условиях еще не сложившейся республиканской нации. В результате такой республикой правили даже не просто представители коренной национальности, а выходцы из определенного племени. Заметим, что нередко в «своей" республике сама коренная национальность оставалась национальным меньшинством или незначительно превосходило русское население.

Деловые качества республиканской национал – бюрократии были невысоки. Отчасти это объяснялось тем, что наиболее способные из национальных кадров делали карьеру в Москве во всесоюзном масштабе, входя в высший круг советской элиты. Остававшиеся на вое-

---

[41] Ж-л «Полис», 2001, № 1

водстве в автономиях национал – бюрократы всегда могли опираться на присланных из союзного центра своих русских заместителей. Разумеется, за успехи слава и повышения доставались национальным кадрам, за неудачи виновными "стрелочниками" оказывались русские вторые партийные секретари.

Коренизация привела также и росту громадной массы национал – интеллигенции. Каждая союзная республика должна была иметь Академию наук, симфонический оркестр, театр, каждая автономная – университет. Понятно, что обслуживать все эти «культурные очаги" непременно должны были лишь "коренные". И это привело к тому, что коренные жители республик в значительной степени шли в управление и в «культуру". Прозаическая работа на заводах, шахтах, транспорте и строительстве стала уделом русских жителей республик. Хотя русские (вместе с обрусевшими представителями других этносов) составляли значительную, а нередко и большую часть населения республики, к тому же зачастую русские были, если можно так выразиться, более коренными жителями этих земель, чем основной народ республики, но фактически русские были людьми второго сорта в значительной части СССР. Получить нормальное образование, удовлетворять культурные запросы на родном языке, продвигаться по службе в соответствии со способностями и заслугами для русских в большинстве союзных республик и во многих автономиях РСФСР стало затруднительно. Таким образом, для русских на значительной части СССР существовала дискриминация по национальному признаку.

У властвующей в союзных и автономных республиках политической элиты складывался с одной стороны, комплекс неполноценности по отношению к Москве, а с другой стороны, чувство высокомерия по отношению к занятым на материальном производстве русским "трудягам". Не приходиться удивляться после этого тому, что именно республиканские партийные органы к концу советской эпохи были насквозь пропитаны антирусским шовинизмом, и их руководители возглавили "парад суверенитетов", разделив сверхдержаву на удельные княжества.

Но в Белоруссии все было немного иначе. Наследие Машерова и историческая память белорусов отнюдь не способствовали тому, чтоб слишком увлечься перестроечной демагогией.

Итак, в годы правления меченого генсека Горбачева, под влиянием «перестроившейся» прессы, происходило массовое самоубийство страны и государства. Но Белоруссия на общем фоне выглядела каким-то странным исключением – здесь никто (если не считать несколько

десятков воров в самом буквальном юридическом значении этого термина) не собирался уничтожать «империю зла». И события, произошедшие в центре державы в августе 1991 года, когда восторженная толпа идиотов крушила символы государственности, у белорусов могла вызвать только нормальную здравую реакцию.

Сегодня модно рассуждать о том, что советский строй рухнул потому, что был изначально «неправильным» и проиграл конкурентную борьбу западной либеральной демократии. Но с тем же успехом можно сказать, что покорение Гитлером Франции в 1940 году при активном участии французских коллаборационистов свидетельствовало о «неправильности» демократии в сравнении с национал – социализмом. Нет, поражение определенной цивилизации далеко не всегда объясняется только объективными обстоятельствами. Крушение СССР стало возможным в результате поражения в Холодной войне из – за предательства советской правящей верхушки.

К середине 80-х гг. давняя цель Запада – найти в России «пятую колонну» оказалась реализована. Советская партийная и хозяйственная номенклатура, давно уже не верившая ни в какие идеалы коммунизма, стремилась завладеть той государственной собственностью, которой руководила. Эти же цели преследовала возникшая в послесталинские годы мафия, тесно связанная с коррумпированным аппаратом. Но для смены такой идеологизированной системы, как советская, недостаточно было просто принять решения Политбюро. Необходима была «народная» антикоммунистическая революция, причем такая, которая оставила бы у власти прежнюю партократию, сделав бы ее при этом владельцем госсобственности. Однако если в некоторых странах восточной Европы оппозиция режиму имела определенную поддержку масс, то в СССР несколько десятков диссидентов, занятых исключительно писанием «воззваний» на Запад и доносов друг на друга в КГБ, вряд ли могли обрести хоть какое – то влияние. «Бархатную революцию» в Советском Союзе организовать было весьма проблематично. Стало быть, необходимо было, при помощи СМИ, провести массированное промывание мозгов населению СССР и убедить его в том, что «так жить нельзя», а затем провести «реформы» по изменению системы.

Для Запада такое желание советской номенклатуры означало появление исторического шанса разрушения исторической России. Ликвидация коммунизма, конечно, было для западной элиты весьма желанным результатом, но все же именно расчленение и эксплуатация России были стратегической целью Запада на протяжении веков, за-

долго до появления коммунистической идеологии. Но, пожалуй, впервые со времен Смуты XVII века Запад мог рассчитывать на столь значительную поддержку «бояр» в самой России.

Итак, с приходом к власти Горбачева весной 1985 года началась практическая деятельность по разгрому российской сверхдержавы под названием СССР. Словом, «процесс пошел».

Разумеется, большинство представителей советской элиты вовсе не были вульгарно завербованными шпионами. Но в их материальных (в буквальном смысле) интересах была ликвидация советского социализма. Более того, даже сам Горбачев, несмотря на то, что, утратив власть, он пытался доказывать, что в своей деятельности изначально стремился уничтожить советский тоталитаризм, все же вряд ли собирался превратиться из вождя сверхдержавы в рекламщика пиццы (что, разумеется, не освобождает его от ответственности). Горбачев предал страну даже не за тридцать серебряников, а за медный ломанный грош. Просто ему теперь выгоднее изображать из себя романтического злодея, чем признать, что он оказался просто болваном, неспособным управлять страной. Зато в его окружении действительно хватало настоящих агентов влияния Запада, прямых шпионов типа Яковлева (бывший руководитель КГБ СССР В. Крючков обладал данными, что Яковлев работал на ЦРУ и что Горбачев это знал[42]), воров и интеллигентов, подобно самому Горбачеву, органически не способных к созидательной деятельности. И они принялись сокрушать собственное государство.

Этому очень благоприятствовала партийная дисциплина, связавшая всякую самостоятельную активность членов КПСС. Не случайно многочисленные выступления идейных коммунистов против предательского курса собственного генсека Горбачева носили характер бунта на коленях.

Так же показательна эволюция грозного Комитета Государственной Безопасности (КГБ). Далеко не всегда КГБ обеспечивал именно государственную безопасность, ведь главной его функцией была защита интересов партии (точнее, ее руководства). И не случайно, что впоследствии один из руководителей КГБ, генерал Ф. Бобков, ранее занимавшийся борьбой с диссидентурой, в дальнейшем возглавил службу безопасности олигарха Гусинского. Впрочем, у большинства олигархов (например, Ходорковского), также охраной ведали бывшие генералы КГБ. Руководители КГБ прекрасно понимали, чего жаждет высшая советская номенклатура, ведь они сами входили в ее состав. Понятно, что

---

[42] «Газета», 19.12.2003

эта «контора» активно противодействовала попыткам рядовых патриотов вне и внутри КПСС бороться против курса Горбачева, а в дальнейшем стала одной из опор режима Ельцина. Впрочем, при Путине КГБ фактически получит основную долю власти. Итак, несмотря на всю истеричную кампанию против «органов» в эпоху гласности, КГБ был активным соучастником антигосударственных сил, рвущихся к власти в СССР.

Подобные процессы были характерны и для командования советской армии. Генералитет (за исключением нескольких старцев, ветеранов Великой Отечественной) испытывал те же чувства, что и вся партноменклатура. Не случайно военная верхушка в годы «реформ» была коррумпирована не менее, чем администрация президента. Быстрота, с которой были распроданы на сторону громадные материальные ресурсы вооруженных сил СССР, которыми можно было вести пару мировых войн, не может не впечатлить. Это была самая скорая операция в истории советской армии. Многие военачальники ельцинской РФ, такие, как К. Кобец, Е. Шапошников, П. Грачев, (он же «Паша – Мерседес»), командующий западной группой войск (в Германии) Бурлаков, вошли в число наиболее коррумпированных деятелей режима. (Хотя в эпоху ельцинизма коррупцией было трудно удивить). Как всегда, смутное время стало раздольем для многочисленных авантюристов, в том числе и носящих погоны. Не случайно такие неразборчивые политиканы, как Руцкой или Лебедь, также вышли из армии. Правда, в армии сохранялся слой средних командиров, настроенных патриотично. Но в советской, как ранее и в русской царской армии, полковники, майоры и капитаны никогда не выдвигали собственных корпоративных требований и никогда не устраивали переворотов. Следовательно, с ними можно было не считаться также, как и с рядовыми членами КПСС.

Однако все это было присуще всем республикам СССР*, кроме Белоруссии!*

Когда началась перестройка, переросшая затем в "радикальные реформы" ельцинского типа, в Белоруссии оказалась весьма малочисленной социальная база реформаторов, учитывая незначительность местной коррумпированной партократии, криминалитета и "коренизированной" национал-интеллигенции.

Когда в августе 1991 г. жители республики вдруг проснулись в "независимом государстве", то это событие вызвало у белорусов удивление. Республика не знала никакого национализма и даже Народный Фронт был создан в Вильнюсе при финансовой и организационной помощи литовского "Саюдиса".

В 1991–94 гг.. Белоруссия существовала как и любая постсоветская республика в условиях кризиса, дикого всплеска преступности, приватизации и т.п. ягодок постсоветской жизни. При этом большинство граждан откровенно сожалели о разрыве единстве с другими славянскими республиками.

Щадя патриотические чувства белорусов, не будем подробно рассказывать о политической и экономической жизни Белоруссии, вдруг оказавшейся под игом независимости.

И когда в 1994 г. в республике проходили первые президентские выборы, то триумфальную победу одержал не имея ни денег, ни команды Александр Григорьевич Лукашенко. Избиратели отдали голоса человеку, который единственным из депутатов Верховного Совета республики голосовал против Беловежских соглашений и прославился борьбой с коррупцией в бытность свою руководителем соответствующего комитета Верховного Совета Белоруссии. Воссоединение с Россией и борьба с преступностью – программа кандидата, которая следовала из его биографии. Эта программа оказалась созвучна настроениям граждан республики. И президент Лукашенко оправдал доверие народа.

Он родился в 1954 году в поселке Копысь в Витебской области (кстати, Копысь является одним из самых древних городов Беруссии; другое дело, что в силу исторических пертурбаций Копысь превратился в поселок городского типа) в крестьянской семье. Окончил Могилевский techинститут, приобретя профессию учителя истории, а также получил высшее экономическое образование в Белорусской Сельхозакадемии. Действительную военную службу Александр Григорьевич прошел в 1975–77 гг. в пограничных войсках. Демобилизовавшись, Лукашенко работал какое-то время в комсомоле, был также руководителем общества «Знание» г. Шклова. С 1982 г. он работает в сельском хозяйстве республики, приобретя репутацию волевого и умелого организатора, выводящего в передовики отсталые прежде хозяйства. С 1987 г. Лукашенко работал директором совхоза «Городец» в Могилевской области. В 1990 г. он стал депутатом Верховного Совета (ВС) БССР, в котором возглавлял комиссию по борьбе с коррупцией.

Между тем в СССР нарастают сепаратистские движения, в российском центре власть захватывает клика национальных предателей и 8 декабря 1991 г. трое президентов, включая белорусского Шушкевича, собравшись в Беловежской Пуще, объявили о «роспуске» СССР. На заседании ВС Белоруссии при ратификации Беловежских соглашений Александр Лукашенко был единственным депутатом, проголосовавшим «против» них. В тех конкретных условиях, даже если бы весь Верхов-

ный Совет Белоруссии проголосовал бы «против», это ничего бы не дало в условиях, когда главная измена гнездилась в Кремле. И все же тот, кто несмотря ни на все, выступил за сохранение Советского Союза, в те дни, когда все «советские» могли испытать только насмешки и преследования, мог проявить несравненное политическое мужество.

Этот поступок сделал Александр Григорьевича широко известным в республике. Когда летом 1994 г., сначала 23 июня, а затем 10 июля, в Белоруссии состоялись президентские выборы в два тура, Лукашенко на них триумфально победил. Не имея ни денег, ни команды, ни доступа к СМИ, бывший директор совхоза 39 лет от роду сумел одолеть всех соперников благодаря своей биографии, ставшей его программой. Воссоединение Белой и Великой России и борьба с коррупцией – такая программа привлекла симпатии белорусов.

10 июля 1994 года Лукашенко стал президентом. С первых дней власти он неустанно боролся за выполнение своих обещаний.

Уже в мае 1995 г в республике состоялся референдум, на котором белорусы одобрили предложения президента о восстановлении (с небольшими изменениями), советской белорусской символики, о введении русского языка в качестве 2-го государственного и об усилении интеграции с Россией.

2 апреля 1996 г. был подписан Договор о создании Сообщества России и Белоруссии. Конечно, надо учесть, что в 1996 году в РФ проходили президентские выборы, на которых главный предатель Ельцин пытался переизбраться на второй срок. Но белорусский президент Лукашенко не мог не воспользоваться тем, что даже кремлевские предатели не могли открыто высказаться в том смысле, что они являются американскими марионетками и предпочитают воровать по всему постсоветскому пространству, но только в тех республиках, что готовы стать частью «цивилизованного мира», оставляя Белоруссию американцам.

25 декабря 1998 г была подписана Декларация о дальнейшем единстве двух русских государств. Увы, «российские» продавцы нефти могут только сдавать «дяде Сэму» все, что на «постсоветском пространстве». В современной РФ нет, да и не может быть внешней политики, поскольку для того, чтобы продать нефть и газ за кордон, не надо обладать малейшими деловыми качествами. Но в Белоруссии несмотря ни на что старались все же развивать промышленность, причем именно наукоемкую промышленность.

«Феномен Лукашенко» стал возможен благодаря особенностям характера белоруса и специфике социально-политического развития

Белоруссии. В ней практически отсутствовало «самостийничество» и белорусы всегда считали себя одним народом с великороссами. Из всех республик СССР в Белоруссии оказалась наименьшая по численности и влиянию на общество социальная база «демократических реформ» в виде коррумпированной партократии и мафии, что во многом объяснялось политическим наследием П.М. Машерова.

Наконец, закулисные антирусские силы с опозданием, уже после победы Лукашенко стали формировать свою «пятую колонну». В самом деле, появление в Москве и сырьевых районах СССР прозападных сил, включивших в себя и «широкие массы», (вообразивших, что теперь они будут жить как в Кувейте) прозападных группировок было естественным, то по поводу Белоруссии на Западе не беспокоились. Там логично считали, что после предательства правящей верхушки в Москве, мнение Минска не имеет значения. Но белорусы показали, что это не так.

Если брать во внимание политические движения, то нельзя не отметить тот печальный для русских патриотов факт, что ни одно из них не обратило внимание на Беларусь. Лукашенко оказался политиком-одиночкой, никак не связанный с политическими организациями русских национал-патриотов.

Тем не менее при проведении своей политики воссоединения Лукашенко встречал сильное противодействие, причем в основном со стороны России. В своей республике Лукашенко встречает оппозицию как со стороны купленных Западом сил, так и со стороны части местных коммунистов, обвиняющих президента в «строительстве капитализма». Но, несмотря на это, Белоруссия под руководством Лукашенко является в СНГ страной с самой эффективной экономикой и самым низким уровнем преступности. Президент Лукашенко, не связанный ни с советской номенклатурой, ни с демагогами демдвижения конца 80-х гг., ни с современным криминальным «бизнесом», может считаться ярким представителем возникающей имперской элиты, способной восстановить и укрепить общерусскую Державу.

Впрочем, если рассматривать Александра Григорьевича именно как лидера Белоруссии, то нельзя не обратить внимание на такие политические действия. С первых дней власти президент неустанно боролся за выполнение своих обещаний (единственным из всех постсоветских президентов эпохи демократии!).

Если называть вещи своими именами, то президент предложил белорусам покончить с самостийностью и присоединиться к России. И инициатива президента получила поддержку более 80 % граждан республики. Но в ельцинской РФ, естественно, такое стремление вызвало

страх – ведь не для этого крушили Советский Союз, чтобы эта сверхдержава возродилась под другим названием. И вот уже более 10 лет российские СМИ ведут грязную пропагандистскую кампанию против белорусского президента. Если Кремль и предпринимал какие – либо шаги, внешне напоминающие сближение с Белоруссией, то это все носило чисто пропагандистский характер, вызванный обстоятельствами внутрироссийской политической борьбы.

Однако одно уже провозглашение создания российско-бело-русского союза вызвало энтузиазм у многих бывших советских народов, погрузившихся в трясину «независимости». Так, в Армении свою подпись за предложение о проведении референдума о присоединении Армении к Российско-Белорусскому союзу поставили 1 250 тысяч человек – 89% всех избирателей!

Курс президента на союзе с РФ пользуется поддержкой в народе, о чем свидетельствует отсутствие серьезной политической оппозиции. Даже на антипрезидентских демонстрациях в Минске, которые с завидным постоянством устраиваются с 1997 г., среди арестованных манифестантов оказалось на удивление много литовских саюдистов, западно-украинских самостийников и даже поляков из «Солидарности». Похоже, белорусские националисты испытывают нехватку национальных кадров.

Белорусский режим носит авторитарный характер, но деятельность оппозиции, ее партий (в том числе и местной коммунистической, резко выступающей против президента), а также прессы не запрещена, полномочия президента Белоруссии не столь всеобъемлющи, как у его коллеги в РФ.

Экономика республики носит многоукладный характер, поощряется частная инициатива и иностранные инвестиции, с одобрения трудового коллектива может проводиться приватизация, хотя командные высоты в экономике остаются у государства. «Белорусская модель» экономики вызывает живейший интерес не только у российских национал-патриотов, но и у хозяйственников всего СНГ как пример самой эффективной на всем постсоветском пространстве экономики. При этом левые в Белоруссии и России критикуют Лукашенко за «капитализм» в экономике. Определенно, «красные» в обеих республиках, поддерживая интеграцию, отрицают всю внутреннюю политику президента Белоруссии.

Сам А. Г. Лукашенко для русских правых патриотов является одним из самых популярных деятелей. Уже в 1996 г. в РФ создавались комитеты по выдвижению Лукашенко в президенты России. Харак-

терно, что многие политологи вполне допускают возможность демократического избрания А. Г. Лукашенко президентов Российско-Белорусского союзного государства. Пока же белорусский президент остается мотором русского патриотического движения и политиком, чье значение выходит далеко за пределы собственной республики.

Не будем рассматривать деятельность А. Г. Лукашенко на посту президента, поскольку это отдельная тема. Напомним лишь, что под его руководством Белоруссия отличается политической стабильностью, отсутствием межэтнических конфликтов и самой эффективной в СНГ экономикой. Курс президента пользуется поддержкой в народе, о чем свидетельствует отсутствие серьезной и массовой политической оппозиции.

Вот уже 12 лет, начиная с того июльского дня 1994 года, когда Александр Григорьевич Лукашенко стал президентом Белоруссии, его упорно пытаются свергнуть. Это понятно – президент действительно независимой от мирового правительства страны уже самим фактом своего существования подает дурной пример всем остальным народом мира. Но и свергнуть его не так то просто. Все-таки поддержка народа много значит. Не случайно белорусы называют своего президента Батькой. Но в своем стремлении установить «демократический» (то есть прозападный) режим сильные мира сего готовы не останавливаться ни перед чем.

В 2004 году американский конгресс принял «Закон о демократии в Белоруссии 2004» (Belarus Democracy Act 2004). В соответствии с этим законом, американские спецслужбы и действующие под их прикрытием «неправительственные» и «правозащитные» организации США обеспечивают финансовую поддержку делу защиты прав человека и развития демократии в Белоруссии.

Одна из самых серьезных попыток свержения патриотического правительства Белоруссии предпринимается именно сейчас, в наши дни. К сожалению, Беларусь атакуется сразу с двух сторон. С запада, как всегда, нападают поляки. Увы, сказал когда-то один очень неглупый немец, а именно Фридрих Энгельс, что удел поляков в истории – смелые глупости. Так было, так и осталось. Едва-ли не все, о чем писал теоретик коммунизма, оказалось несостоятельным, но в отношении поляков, он оказался абсолютно прав.

Вот и сейчас Польша, выслуживается перед Западом (как ранее выслуживалась перед Наполеоном, затем – перед Лигой Наций, потом – перед СССР). Понятно, что Польша стала главной ударной силой противников белорусского президента.

В Польше сосредоточены различные «неправительственные» фонды, занимающиеся пропагандой демократии западного образца, а

на деле организующие свержения неугодных Западу правительств. Возьмем, к примеру, деятельность голландского фонда им. Альфреда Мозера. В 2003 г. он располагал суммой 326 тыс. евро, полученной от МИД этой страны в рамках программы MATRA по поддержке социальных реформ в странах Центрально-Восточной Европы.

В Польше развитием белорусской демократии уже несколько лет занимаются десятки т.н. неправительственных организаций. К важнейшим из них относится Польско-американский фонд свободы (Polsko-Amerykanska Fundacja Wolnosci) под руководством бывшего посла Польши в Вашингтоне Ежи Козьминьского (Jerzy Kozminski). Он финансирует программу «Перемены в Регионе» (RITA), в сферу действия которой включена и Белоруссия.

Управляет ей другой фонд под названием 'Edukacja dla demokracji' ('Образование для демократии'). В 2001-2003 гг. он реализовывал в регионе 282 программы. Из них на 69 белорусских проектов было выделено более 2 млн злотых. Это были стипендии, тренинги, встречи журналистов, деятелей самоуправления и студентов.

В Варшаве работает финансируемое американцами общество под названием Восточноевропейский демократический центр (Wschodnioeuropejskie Centrum demokratyczne). В 2001–2003 гг. он получил на поддержку демократии около миллиона долларов. Только по случаю выборов в Белоруссии в 2001 г. Фонд 'Чарльз Стюарт Мотт' (Charles Stewart Mott Foundation) выделил центру 200 тыс. долларов, а Институт 'Открытое Общество – Париж' – 52 968 зеленых.

Исследовательской работой над будущим Белоруссии после свержения диктатора занялся Фонд им. Стефана Батория (Fundacja im. Stefana Batorego). Ее программу финансировал National Endowment for Democracy (Национальный фонд за демократию) – американская правая организация типа 'think tank', спонсируемая правительством США. Одна из опубликованных в рамках этого проекта работ: 'Беларусь: сценарии реформ' – это крайне либеральная программа системной трансформации в стиле Бальцеровича (Balcerowicz).

Поддержка демократии в Белоруссии стала у нас развитой специальностью, иронически пишет польский журнал «Не» (чуть ли не единственное издание в той стране, не страдающее русофобией).. Минское КГБ неплохо разбирается в том, кто, за какие деньги и чем занимается по ту сторону границы. Даже деятели оппозиции Лукашенко признают, что они стали консультантами зарубежных фондов и как 'грантососы' не могут рассчитывать на поддержку простых граждан – особенно, деревенских жителей.

Впрочем, с поляками все ясно. Латиняне среди славян и славяне среди латинян, как ранее называли их, страдая имперской манией величия, не способные забыть Речь Посполитую, поляки вряд-ли способны действовать по-другому. Другое дело, что в силу ряда обстоятельств польский фактор в современной Белоруссии оказался весьма важным.

Напомним, что все попытки устроить в Минске «бархатную» революцию провалились – батька Лукашенко не из тех лидеров, которых напугает пьяная тусовка недоучившихся студентов, пусть даже в центре Минска.

В других странах, как когда-то в СССР или Югославии, мировая закулиса разжигает межэтнические конфликты. Но и тут Белоруссия оказывается неподходящей – почти все население состоит из белорусов, великороссов (впрочем, между этими категориями населения практически нет никакой разницы), некоторого количества когда-то многочисленных евреев, уцелевших в войну и не эмигрировавших, а также белорусов – католиков. Обычно последних относят к белорусским полякам.

Католицизм в Белоруссии получил небольшое распространение. В целом, католиков в республики примерно 400 тысяч (на 10 миллионов жителей). Лишь 30% католиков вообще владеет польской «мувой», оставаясь белорусами по языку и культуре. Таким образом, белорусско - польские взаимоотношения в современной Белоруссии носят не этнический, а сугубо религиозный характер.

В силу подчинения католиков Папе, именно их попытались бросить на свержение Лукашенко. В марте 2005 года общественная организация «Союз поляков Белоруссии», существующая уже много лет и занимающаяся религиозными и культурными проблемами католической конфессии в республике, сменила руководство. На место доброго католика и лояльного гражданина Крючковского вдруг пришла некая пани Анжелика (странное имя для польки-католички) по фамилии Борис (совершенно не польская фамилия). Новое руководство «Союза поляков» немедленно попыталось превратить католические регионы Белоруссии, расположенные на западе республики, в новое Косово.

Когда же Батька Лукашенко сделал то, что на его месте должен был сделать любой президент любой страны мира, то есть, выкинул вон польских дипломатов, занимающихся совершенно не дипломатической деятельностью, и арестовал некоторых наиболее отмороженных деятелей «Союза поляков», а также попутно закрыл польские «неправительственные» фонды в республике, то Запад устроил грандиозный дипломатический скандал. Поляки, вдохновленные позицией своих хозяев, немедленно устами своего президента, бывшего лидера польского

комсомола Квасневского, объявили о необходимости защиты польского национального меньшинства (хотя в Белоруссии есть только религиозное меньшинство). Особенно восхищает, что польский парламент возмущался «нарушением прав «соотечественников» (хотя речь не идет о гражданах Польши).

Конечно, все эти дипломатические скандалы, вызвавшие возмущение и большинства белорусских католиков, ничуть не поколебали бы политику Белоруссии, но тут вступила в ход тяжелая артиллерия. Новый удар был нанесен с востока. К антибелорусским акциям присоединилась и Москва.

К сожалению, среди властвующей российской элиты достаточно много «горбачевствующих» сторонников Запада. Именно этим можно объяснить появление в качестве посла РФ в Белоруссии бывшего саратовского губернатора Дмитрия Аяцкова.

Официальный Минск вынужден был объявить о необходимости дополнительной проработке ряда вопросов сотрудничества между двумя странами. Что поделаешь, если новый посол является одним из наиболее одиозных деятелей ельцинского режима.

Напомним, что Аяцков пришел к власти в области после странного самоубийства своего предшественника. Став «хозяином» области, пользуясь полной поддержкой Ельцина, который как-то даже назвал Аяцкова своим преемником (была у Бориса Николаевича такая манера – для подъема верноподданического рвения называть наиболее усердных сатрапов кронпринцами), губернатор развернулся вовсю. Он прославился своим заявлением после встречи с Клинтоном, что завидует Монике Левински. Это сразу вызвало вопросы об умственном развитии и сексуальной ориентации губернатора. Во время агрессии НАТО против Югославии Аяцков также объявил, что его область готова принять 50 тысяч косовских албанцев. В своем родном селе Калинино, которое губернатор высочайше переименовал в Столыпино, по его приказу был реставрирован храм, в котором Аяцков изображен в виде святого, протягивающего Богородице модель храма. Понятно, что после такого кощунства предложение Аяцкова легализовать проституцию и открыть бордели, было вполне естественным.

В таких условиях белорусский президент вынужден был, дабы не доводить дело до скандала с Кремлем, сделать ряд мягких дипломатических шагов, остудив Аяцкова, дабы тот уразумел, что Белоруссия все-таки часть исторической России, но не губерния Аяцкова.

Да, сложное время переживает Белоруссия. Впрочем, когда было по-другому?

Русские патриоты могут только пожелать мужественному президенту братской республики быть стойким. Какие бы эллипсы и кривые ни описывала российская дипломатия, но никогда никому не дано разделить Великую и Белую Русь.

Оазис процветания на постсоветских руинах

Республика Беларусь под властью русского национального правительства А. Г. Лукашенко – динамично развивающееся европейское государство. Результаты 2003 года убедительно свидетельствуют об устойчивом развитии национальной экономики и подтверждают правильность выбранной социально-экономической модели. По сравнению с 2002 годом: валовой внутренний продукт (ВВП) увеличился на 6,8%. В период с 1996 по 2003 годы среднегодовой темп роста ВВП Беларуси составил более 6%, что превышает аналогичные показатели большинства других стран СНГ (за исключением Азербайджана и Армении); объем производства промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличился на 6,8%; объем внешней торговли товарами и услугами увеличился на 23,9%;

общий объем иностранных инвестиций, привлеченных в экономику Беларуси, увеличился в 1,8 раза и составил 1,3 млрд. долл. США, в том числе объем прямых иностранных инвестиций вырос в 2,3 раза и составил 674,5 млн. долл. США;

реальные денежные доходы населения (доходы, скорректированные на индекс потребительских цен) увеличились на 3,4%.

По многим социально-экономическим показателям Республика Беларусь достаточно выгодно отличается от других стран СНГ и стран с переходной экономикой в целом:

по данным Европейского экономического обзора (Economic Survey of Europe 2004 № 1), подготовленного Европейской экономической комиссией ООН, в 2002 году Беларусь превзошла все государства СНГ и многие страны с переходной экономикой (Румыния, Болгария, Хорватия, Латвия) по объему ВВП на душу населения и имела самый низкий (после Словении и Хорватии) процент населения, живущего в бедности и крайней бедности среди стран СНГ, Центральной и Восточной Европы;

Беларусь лидирует среди всех стран СНГ по объему жилищного строительства в расчете на 1000 человек: в 2003 году введено в эксплуатацию 3028 тыс. кв. м. жилья, что на 7,7% превышает уровень 2002 года и является самым высоким объемом за последние три года;

средняя заработная плата в Беларуси составляет 139 долл. США, что выше, чем в большинстве других государств СНГ (за исключением России и Казахстана). При оценке величины этой суммы следует учитывать тот факт, что покупательная способность доллара на территории Белоруссии в семь раз выше, чем в США, следовательно, на сто долларов в Минске можно купить столько товаров, сколько можно купить на 700 долларов в США. Беларусь – единственное государство в СНГ, где практически ликвидирована задолженность по выплате заработной платы;

по оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Беларусь по общим показателям в системе здравоохранения находится на 53-м месте в мире из 191 государства, опережая при этом все страны СНГ (для сравнения Россия – на 100-м, Украина – на 60-м, Латвия – на 67-м);

по статистике ВОЗ (данные за 2002 год) средняя продолжительность жизни в Беларуси (68,3 лет) дольше, чем в других странах СНГ, за исключением Грузии (71,7 года) и Армении (70 лет);

Беларусь значительно продвинулась по сравнению с другими странами региона в достижении такой цели развития, закрепленной в Декларации тысячелетия ООН, как искоренение нищеты. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в Беларуси в условиях абсолютной нищеты (менее чем 1 долл. США в сутки на человека) проживает менее 2% населения. В подобных условиях в России проживает 6% населения, в Украине – 3%, в Молдове – 22%, в Узбекистане – 19%, в Туркменистане – 12%, в Болгарии – 5% и т.д.;

в Докладе о мировом социальном положении за 2003 год, подготовленном Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, отмечено, что в 2002 году Республика Беларусь имела один из наиболее низких в мире показателей безработицы трудоспособного населения – всего 2% (в России этот показатель составляет 11%, в Украине – 12%, в Казахстане – 14%, в Литве – 17%, в Латвии – 8%, в Польше – 17%);

в подготовленном Европейским банком реконструкции и развития Докладе о переходе: 2003 (EBRD. Transition Report 2003) отмечается, что Беларусь имеет самый низкий среди стран СНГ уровень коррумпированности, а внешний долг республики в 2002 году составил 5,7% ВВП – самый низкий показатель среди стран СНГ;

по данным Международного союза электросвязи, опубликованным накануне Всемирного саммита по информационному обществу, Республика Беларусь находится на 66-м месте в мире по индексу циф-

рового доступа в мировом рейтинге развития информационных технологий, опережая практически все страны СНГ (за исключением Российской Федерации).

По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ по итогам 2003 года: Беларусь лидирует среди стран СНГ по степени открытости экономики, имея самый высокий показатель соотношения экспорта к объему ВВП (чуть меньше 60%). В России этот показатель составляет 30,8%, в Казахстане – 43%, в Украине – 46%, а в среднем по Содружеству – 33,8%;

занимая в СНГ 1% по территории и 3,5% по численности населения, Беларусь по объему внешней торговли уступает только России и Украине;

страна занимает лидирующую позицию среди стран СНГ по производству промышленной продукции на душу населения и делит 1-2 места по этому показателю с Россией;

Беларусью произведено сельхозпродукции на душу населения больше, чем в любой другой стране СНГ, что в 1,5 раза превышает средний показатель по Содружеству;

Беларусь занимает первое место среди стран СНГ по производству на душу населения основных продуктов питания, в том числе мяса, молока, молочной продукции, масла животного, картофеля, овощей, яиц, сахара-песка.

Согласно данным Всемирного банка (опубликованы в начале марта с.г.), среди стран СНГ наименьшее количество бедных живет в Беларуси. Республика Беларусь находится на 85-м месте в мире по уровню бедности населения. В республике доля населения, которое живет за чертой бедности, составляет 22%. Россия занимает 52-е место. В РФ почти 30 млн. человек живет за чертой бедности, а свыше 6 млн. чел. являются безработными. Наиболее дорогостоящими по уровню жизни районами России по-прежнему являются регионы Крайнего Севера, Дальневосточные регионы и Москва.

Значителен вклад белорусских спортсменов в повышение авторитета страны в мире. В 2003 году белорусские атлеты участвовали в 827 крупнейших международных соревнованиях, завоевав 399 наград, из которых 118 золотых, 127 серебряных и 154 бронзовых. Учитывая суммированные результаты участия в мировых первенствах по олимпийским дисциплинам, по количеству спортивных наград Беларусь занимает 13-е место из более чем 200 стран мира.

Правительство Белоруссии уделяет громадное внимание развитию науки и образования. Если в Российской Федерации проводится

целенаправленная политика ликвидация научно-технического потенциала страны (суфлеры «российских» политиканов заинтересованы в том, чтобы Россия могла только качать сырье, а не развивать науку), то Белоруссия идет своим путем.

В 2003 году общий объем финансирования отрасли составил 6,7 процента от ВВП, а удельный вес расходов отрасли в расходах бюджета – 24,9 процента. На 2004 год запланирован рост бюджетного финансирования с учетом поступлений от внебюджетной деятельности до 7,1 процента от ВВП и 25,1 процента от расходной части бюджета.

В 2003 году начата работа по внедрению Системы государственных социальных стандартов в области образования. В соответствии с нормативами 85 процентов детей дошкольного возраста должны быть обеспечены местами в учреждениях дошкольного образования, 100 процентов детей дошкольного возраста охвачены подготовкой к школе.

В 2004 году количество детей, посещающих детские дошкольные учреждения, составило 79,7 процента, в том числе 49,2 процента на селе, что является лучшим показателем в СНГ.

Проводится модернизация сети дошкольных учреждений, создание учреждений новых профилей: детский сад на дому, сезонные и игровые площадки. Особо следует отметить развитие столь важного для села профиля учебного заведения "детский сад – школа", количество которых увеличилось с 416 в 2001 году до 547 в 2003 году. На 2004 год запланировано открытие 87 учебных заведений данного типа.

Внедряются образовательные технологии, ориентированные на укрепление здоровья детей.

В связи с введением в школе начала обучения детей с 6–летнего возраста решена важная задача: обеспечение 100 процентов охватом детей 5-летнего возраста подготовкой к школе (88,1 процента – в дошкольных учреждениях, 11,9 процента детей – иными формами).

В Республике Беларусь, начиная с 1998 года, идет процесс реформирования общеобразовательной школы, нацеленный на повышение качества образования в соответствии с требованиями времени.

В 2004 году по итогам международных олимпиад по биологии, математике, физике и химии наши учащиеся награждены 17 медалями, в том числе тремя золотыми, семью серебряными и семью бронзовыми медалями (в прошлом году – 15 медалями (4 золотыми, 8 серебряными и 3 бронзовыми).

На усиление индивидуальной работы с учащимися направлено введение 10-балльной системы оценки результатов учебной деятельности учащихся.

Всего с 1993 года издано более 3500 учебных изданий, в том числе более 1500 наименований отечественных школьных учебников, свыше 400 учебно-методических пособий для учителей, более 80 наименований отечественных контурных (настенных) карт по истории и географии, свыше 350 наименований программных художественных произведений из серии "Школьная библиотека".

В целом по республике ежегодно в вузы поступает до 30 процентов выпускников ССУЗ. Они составляют около 10 процентов студентов дневной формы обучения и более 50 процентов – заочной формы обучения. Численность студентов высших учебных заведений в Республике Беларусь достигла 338 тыс. человек. Количество студентов на десять тысяч населения – составляет 343 человека (в 2001 году – 302 человека). Это, кстати, один из самых крупных показателей в мире.

Высокий уровень научно-технического развития республики позволяет правительству Лукашенко осуществлять реализацию амбициозных, но вполне выполнимых планов по дальнейшему развитию наукоемкого производства. Это не только сделает Белоруссию достаточно независимой от импорта чужих технологий, но и в перспективе может сделать Белоруссию одной из передовых стран мира. Вот например, сообщение отнюдь не жалующего «батьку» Лукашенко информационного агентства:

Белорусские программисты намереваются создать собственную операционную систему для использования ее в этой стране вместо широко распространенной продукции американской корпорации Microsoft. Об этом заявил накануне заместитель сопредседателей оргкомитета V Международного конгресса "Электронное содружество. Парк высоких технологий. Безопасные телематические приложения", генеральный директор Национального центра информационных ресурсов и технологий Национальной академии наук Беларуси (НАНБ) Михаил Маханек в интервью агентству "БелаПАН".

Маханек напомнил, что Александр Лукашенко два года назад, выступая в Женеве на Всемирном саммите по информационному обществу, подчеркнул, что стоимость лицензионных программных продуктов для развивающихся стран непомерно велика в сравнении с характерными для этих стран заработными платами. "Рядовым потребителям сложно покупать программное обеспечение за 300 долларов США. Из-за этого наблюдается несоблюдение прав интеллектуальной собственности. Создавая парк высоких технологий, мы обязаны эти права соблюдать, обязаны создать систему контроля соблюдения лицензирования", – сказал Маханек (**"Парк высоких технологий"** – бе-

лорусская официальная программа развития высокотехнологичной индустрии). По его мнению, одно из решений – создание собственной операционной системы с использованием принципов "открытого ПО". "Несколько месяцев в Беларуси уже ведется разработка такой системы: У нас есть очень сильная поддержка зарубежных мощных компаний, производящих как программное обеспечение, так и компьютерное оборудование, которые готовы этот белорусский продукт рассматривать как базовый элемент своих вычислительных систем и поставлять одновременно со своей техникой", – говорит Маханек. По его данным, стоимость белорусской операционной системы и сопровождающих ее продуктов может составлять около 15 долларов США.

По словам Маханека, у белорусских разработчиков есть поддержка Европейского союза, научного комитета НАТО, Еврокомиссии, которые готовы целиком или частично оплатить проект, а Армения и Россия не исключают сотрудничества в создании продукта. Также Маханек пояснил, что система, возможно, будет создана и на белорусском языке. Планируется, что создаваемая операционная система будет совместима с приложениями Microsoft, добавил он. "Я не думаю, что надо безмерно поддерживать монополию Microsoft, и Европа об этом уже заявила, в частности наш проект одобрен на предварительном рассмотрении", – говорит Маханек.

Сообщается, что в настоящее время белорусские разработчики операционной системы должны подготовить заявку на финансирование проекта. Предполагается, что она будет направлена в структуры Евросоюза 1 декабря. "Если мы не успеем, то позже, но самое главное, что нас ждут, другое дело, что мы не всегда так быстро работаем", – заявляет ученый. По его словам, "Европа готова нас поддержать, потому что они тоже стараются бороться с монополией Microsoft".

Большие успехи во всех областях жизни и деятельности Белоруссии связаны с тем политическим и экономическим курсом, который проводит в жизнь президент Белоруссии Александр Григорьевич Лукашенко. Беспощадная борьба с коррупцией позволяет сохранять в казне внушительные средства. Государственная форма собственности большинства белорусских предприятий обеспечивает более эффективное управление ими, по сравнению с частными иностранными. Вопреки широко растиражированному гнилолиберальному утверждению об обратном это именно так. Справедливое распределение прибыли государственных предприятий в интересах всего общества позволяет Белоруссии строить социально ориентированное государство, граждане которого чувствуют себя уверенно, сыто и спокойно.

Заключение

Так каков же белорусский феномен? Самый главный из них заключается в том, что белорусы как часть русского народа, вообще выжили. Если в середине 17 века погибла половина жителей Белоруссии, в годы Северной войны – примерно треть, седьмая часть – в первую мировую, и, наконец, каждый четвертый – в годы Великой Отечественной, то нельзя не поразиться тому, что белорусы вообще остались в этом мире.

Далее, можно восхититься тому, что, несмотря на тотальную измену правящей элиты, превратившейся в польских панов, белорусы сохранили, пусть и с некоторыми отклонениями, свою русскость. Обычно народ, или его часть, оказавшаяся под чужой властью, сопротивляется ассимиляции только благодаря творческой элите, а также с помощью поддержки из-за рубежа. Но белорусы были предоставлены себе, поскольку их предала собственная элита и почти не поддерживала Москва. И они уцелели и сохранили себя именно как часть русских!

И, наконец, самым главным белорусским феноменом надо признать то, что спокойный упорный белорус привык полагаться на себя, и не ждать того, что «вот приедет барин», что характерно для многих великороссов. И батька Лука, поддержанный всем народом (всякие там профессиональные диссиденты не в счет), тому подтверждение.

И последнее. Давайте не увлекаться словесными формулировками прошлого. Признаем наконец, что нет никакой отдельной белорусской нации, но есть триединый русский народ в составе великороссов, белорусов и украинцев. Наличие литературных норм и письменности в белорусском и украинском языке не меняет этого обстоятельства. Свою литературу имеют многие итальянские, немецкие и французские диалекты, но это не означает отдельность существования неаполитанце, швабов или провансальцев. Это не понимают наши «интеллигенты», но каким-то внутренним чутьем понимают многие обычные люди нашей страны. Мы все – великороссы, украинцы и белорусы – это даже не три братских народа, это – один народ. И у нас должна быть одна страна.

Итак, как и 750 лет тому назад Белая вольная Русь становится надеждой на освобождение всей Руси. В прошлом объединить Русь и покончить с золотоордынским игом Белой Руси под властью Гедеминовичей оказалось не под силу из-за предательства прельстившейся западничеством правящей элиты. Но, может быть, в наши дни все будет по-другому? Все-таки у Белоруссии есть истинно народные лидеры и не забыт исторический опыт.

Содержание

С.В. Лебедев, Г.В. Стельмашук

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН

Оригинал-макет *Ю.Г. Лысаковской*

Подписано в печать 09.03.2006. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,25
Тираж 1000. Заказ 8

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр. 25а

